ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Гун Цзинсун

ПРАГМАТИКА И СЕМАНТИКА ОТЫМЁННЫХ ПРЕДЛОГОВ ПРИЧИНЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук

профессор С.М. Колесникова

Москва

2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА I. ПРОИЗВОДНЫЕ ПРЕДЛОГИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ 15

1.1. Морфолого-синтаксические свойства русских предлогов 15

1.2. Общие закономерности образования русских составных предлогов 29

1.3. Вопрос о функциональной омонимии в современной русистике 45

1.4. Синтаксические конструкции с русскими производными предлогами причины в системе средств выражения функционально-семантической категории причинности 55

Выводы 72

ГЛАВА II. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКИХ ОТЫМЁННЫХ ПРЕДЛОГОВ ПРИЧИНЫ 75

2.1. Отымённые предлоги в парадигме русских предлогов причины 75

2.2. Особенности функционирования отдельных отымённых предлогов причины в современной русской речи 85

2.2.1. Функционирование отымённого предлога причины *в силу* 85

2.2.2. Функционирование отымённых предлогов причины *в результате, в итоге, вследствие* 93

2.2.3. Функционирование отымённых предлогов причины *по милости, по поводу, по случаю, ввиду* 100

Выводы 109

ГЛАВА III. МНОГОАСПЕКТНОСТЬ РУССКИХ ОТЫМЁННЫХ ПРЕДЛОГОВ ПРИЧИНЫ 112

3.1. Отымённые предлоги причины как средство детализации ключевого концепта «Причина» 112

3.2 Роль русских предлогов причины и их функционально-синтаксических аналогов в реализации градуальной семантики в тексте 125

3.3. Проблемы перевода конструкций с русскими предлогами причины на китайский язык 142

Выводы 148

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 153

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 159

ВВЕДЕНИЕ

Предлоги вообще и производные предлоги в частности представляют собой объект пристального внимания современной лингвистики – об этом свидетельствует не только значительное количество диссертаций, но и обобщающий труд о русских предлогах и средствах предложного типа [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов 2014]. Изучение производных предлогов позволяет уточнить картину существующих в современном русском языке грамматических классов слов, показать действие языковых законов, обусловливающих их пополнение, и выявить способы языкового оформления ключевых смысловых структур, связанных с познанием и категоризацией действительности.

По сравнению с фонетическим и лексическим уровнями, грамматический строй языка представляет собой структуру менее подвижную и значительно медленнее изменяющуюся. Однако и в грамматическом строе русского языка наблюдается процесс появления у слов и сочетаний слов новых грамматических свойств. Одним из проявлений тенденции к аналитизму, действующей в русском языке, становится использование сочетания производного предлога, возникшего в результате изменения лексических и грамматических свойств исходной предложно-падежной словоформы, с определённым падежом для выражения соответствующего грамматического значения [Черкасова 1967]. Это касается и производных предлогов причины, расширение группы которых связано с продолжающимся процессом развития категории причинности в русском языке [Маслиева 1980, Сидорова 2016 и др.].

Обобщая в конце 40-х годов XX в. в фундаментальном труде «Русский язык» научное представление о грамматическом строе русского языка, В.В. Виноградов отмечал, что «сложная и богатая нюансами синонимика предлогов у нас еще не исследована. Например, в кругу причинных отношений наблюдаются тонкие смысловые и стилистические оттенки, связанные с

употреблением разных предлогов» [Виноградов 1972: 12]. Очевидно, что для исследования предлогов «требуются особые подходы, учитывающие специфику этой служебной части речи, включающей в себя не только слова разной структуры, но и переходные формы, различные по времени возникновения и степени опредложенности» [Шмыкалова 2015: 3].

Группа предлогов причины является одной из самых многочисленных в русском языке. Языковые средства выражения причинной семантики активно пополняются в современном русском языке за счёт знаменательных частей речи. Уже сами по себе эти факты требуют осмысления и изучения с привлечением нового материала и новых подходов. Нуждаются также в изучении семантика и условия употребления конкретных предлогов в связи с вопросами грамматических норм, с проблемами точности перевода сочетаний с предлогами на другие языки, особенно если речь идет о языках, имеющих другую, по сравнению с русским, грамматическую структуру (например, о китайском).

Настоящее работа посвящена рассмотрению системы русских отымённых предлогов причины. **Актуальность** исследования обусловлена необходимостью выявления закономерностей образования отымённых предлогов причины как новых лексико-грамматических средств, предназначенных для выражения причинных отношений, и их функционирования в речи.

Гипотеза исследования заключается в том, что образование отымённых предлогов причины подчиняется определенным закономерностям, связанным с уточнением концепта «причина». С конца XVIII в. в русском языке (прежде всего в сфере книжной речи) идет активный процесс образования производных предлогов, многие из которых включают субстантивный компонент, служащий средством экспликации важных для языкового сознания аспектов семантики, выражаемой сочетаниями с этими предлогами

падежных словоформ: временной (*в течение*), пространственной (*рядом с*), совместности (*вместе с*), причины (*по случаю, по поводу*) и др.

Предлоги причины – ядерная часть функционально-семантической категории причинности, и закономерности формирования производных предлогов этой группы отражают тенденции развития этой ФСК. Устойчивый интерес к средствам выражения каузальной семантики в русском языке, явно обозначившийся в русистике второй половины XX в., сохраняется и в XXI в., что демонстрируют многочисленные современные исследования [Аматов 2010; Богуславская, Левонтина 2000; Бакулев 2009; Всеволодова, Ященко 2008; Виноградова 2015; Григорьян 2009; Дальбергенова, Жаркынбекова 2013; Кожара 2016; Котникова 2015; Сидорова 2018; Шереметьева 2008; Шмыкалова 2015 и др.].

Развитие новых направлений в лингвистике позволяет выявить в изучении предлогов новые аспекты. Так, в связи с когнитивным и когнитивно-дискурсивным исследованиями лингвистических концептов [Арутюнова 1999; Демьянков 1997; Кубрякова 1992, 2004; Кубрякова, Демьянков и др. 1997; Лихачев 1993; Стернин 2001; Турбина 2013 и др.] закономерен вопрос о связи активного расширения группы предлогов причины с развитием языкового концепта «Причина», с потребностью коммуникантов в новых средствах выражения дифференциальной семантики связанной с этим концептом функционально-семантической категории причинности. Разработка теории градуальности в работах С.М. Колесниковой также дает основания для рассмотрения предлогов причины в новом аспекте – в аспекте градуирования причинной семантики.

Объект исследования – отымённые предлоги причины[1] в современном русском языке.

---

[1] Далее будем обозначать отымённый предлог причины с помощью аббревиатуры **ОПП**

Предмет исследования – словообразовательные, структурно-семантические и функциональные свойства отымённых предлогов причины.

Цель исследования – комплексный анализ отымённых причинных предлогов как особой микросистемы в составе ФСП причинности.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

- описать структурно-семантическое своеобразие отымённого предлога причины как единицы препозициональной системы русского языка;
- выявить основные модели образования и условия употребления отымённых предлогов причины;
- описать семантические и структурные явления, сопровождающие грамматикализацию предложно-падежных сочетаний в процессе формирования отымённых предлогов причины;
- описать синонимические отношения в системе отымённых предлогов причины;
- выявить направления уточнения семантики причины в конструкциях с ОПП;
- описать синтаксические конструкции с предлогами причины и их аналогами в аспекте категории градуальности.

Источником речевого материала послужили тексты конца XIX – начала XXI вв., представленные в базе данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Стилевое разнообразие текстов позволяет выявить тенденции в употреблении разных предлогов причины. В отдельных случаях для иллюстрации привлекались примеры, сконструированные по типичным лексико-грамматическим моделям русской речи. Всего проанализировано более **3 000** примеров с отыменными предлогами причины.

Исследование носит комплексный характер. Базовое методологическое положение исследования заключается в рассмотрении единиц языка в единстве их структурных, семантических и функциональных аспектов, выявляемых в ходе синхронного и диахронного сопоставления с другими

единицами той же парадигмы и условий корректного с точки зрения носителей языка употребления (релевантного контекста).

Теоретической базой и методологической основой исследования послужили результаты фундаментальных грамматических исследований, представленные в работах А.Х. Востокова (1859), К.С. Аксакова (1875, 1880), Ф.И. Буслаева (1875, 1881), В.В. Виноградова (1947, 1972), А.А. Потебни (1888), А.А. Шахматова (1941, 1951), Л.В. Щербы (1957), в академических грамматиках русского языка – «Грамматике русского литературного языка» (1970), «Русской грамматике» (1980) – и в учебниках для высшей школы [Янко-Триницкая 1989; Колесникова 2015]. В ходе диссертационного исследования учтены современные грамматические идеи, положенные в основу морфологической разметки Национального корпуса русского языка [Сичинава 2014]. В работе использованы разноаспектные научные труды о предлогах в системе частей речи русского языка, о свойствах русских предлогов и их отдельных групп: [Андреевская 2007; Астафьева 1974; Бондаренко 1961; Борисова 1999; Букатевич 1952; Буланин 1976; Виноградова 2013; Виноградова, Чекалина 2004, 2006; Всеволодова 2002, 2004, 2010; Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов 2014; Галактионова 2007; Долин 1998; Еремин 2010; Загнитко 2003, 2007; Засорина 1961; Каламова 1964; Клобуков 2007; Лебедева 2007; Лепнев 2003; Нгуен Нгок Тиен 2010; Одинцова 2002; Пруссакова 2002; Раевская 2014; Рудов, 1956; Скиба 1965; Финкель 1962; Чекалина 2007; Черкасова 1962, 1967; Шереметьева 2006; Шиганова 2001; Шишкина 1973; Шмыкалова 2015]. Функциональные аспекты исследования исходят из идей А.В. Бондарко (1976, 1984, 1987, 2001) и М.В. Всеволодовой (2004, 2005, 2010, 2011).

В понимании категории причинности, средств ее выражения в русском языке и семантической природы предлогов причины мы опираемся на работы многих лингвистов [Аматов 2010; Бакулев 2009; Ковалев 1983; Налетов 1975; Всеволодова 2005; Всеволодова Ященко, 2008; Калнберзинь 1957, 1958;

Комаров 1970; Котвицкая 1990; Ляпон 1988; Леденев 1996; Маркина 1977; Маслиева 1980; Назикова 1952; Одинцова 2002; Прудникова 1980; Рыбакова 1985; Тарасова 1998; Теремова 1985; Тимошина 1997; Шереметьева 2008; Штыкало 1968; Ярыгина 2003]. Теоретической и методологической основой для изучения явлений переходности в сфере предлогов причины послужили работы по теории переходности, грамматической транспозиции и функциональной омонимии [Бабайцева 2000; Бунина 1976; Винокур 1959; Высоцкая 2006; Зданевич 1971; Калечиц 1954, 1990; Кубрякова 1974, 1981; Лукин 1986; Петрова 2009; Черкасова 1967; Шмелев 1961]. Изучение градуальных аспектов предлогов причины опирается из идеи, изложенные в работах С.М. Колесниковой [Колесникова 1998, 1999, 2000, 2014, 2016] с учетом дополнительных положений в работе [Ершова, Кузьмина 2017].

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые проведена характеристика синтаксических конструкций с предлогами причины и их аналогами в аспекте категории градуальности, выявлены виды градуальных оппозиций в группах синтаксических конструкций данного типа, а также уточнены механизмы образования ОПП в современном русском языке и показана связь семантики их субстантивного компонента с развитием языкового концепта «Причина».

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней проведено многоаспектное, комплексное описание ОПП и дополнено научное представление о данной группе предлогов полученными в ходе исследования выводами о связи лексической семантики их субстантивного компонента с направлениями детализации причинного значения и с ограничениями в лексико-грамматических условиях употребления производных предлогов причины.

Практическая значимость обусловлена тем, что результаты проведенного исследования могут найти применение в практике преподавания учебных курсов «Современный русский язык» (при изучении предлога как

части речи, способов образования производных служебных слов, при анализе предложения) и «Лингвистический анализ текста»; наблюдения и выводы, сделанные в ходе исследования, могут найти применение в преподавании русского языка иностранным учащимся и в практике перевода, а также при чтении спецкурсов и проведении спецсеминаров. Материалы и методика исследования могут послужить основой для изучения других групп производных предлогов.

Положения, выносимые на защиту:

1. ОПП свидетельствуют об активном развитии категории причинности в русском языковом сознании; они пополняют группу предлогов причины современного русского языка; их субстантивный компонент выполняет три основные функции: а) служит средством вербализации концептов «Причина» и «Следствие», составляющих двуединую основу причинно-следственной связи (*по причине, вследствие*); б) является средством экспликации составных смысловых компонентов причинно-следственной зависимости (*в связи с, в соответствии с, в силу, в результате, в итоге*); в) выступает в качестве выражения видов причинно-следственной связи (*за отсутствием, за неимением, по поводу, по случаю, по милости, под предлогом*).
2. Основной корпус производных предлогов причины составляют предлоги, образованные на базе предложно-падежных сочетаний путем их грамматикализации (*по поводу, в результате, в силу* и др.); продуктивными для образования ОПП послужили следующие модели: «**ПО + N_3**»; «**В + N_4**»; «**В + N_6**»; «**ПОД + N_5**».
3. Лексические и грамматические свойства управляющего и управляемого компонентов (обозначающих соответственно каузируемое и каузирующее явления) в сочетаниях с ОПП находятся в корреляции с лексико-грамматическими свойствами их субстантивного компонента, определяющими их внутреннюю форму, между тем как процесс

детализации интегрального значения причины в данных предлогах касается прежде всего обязательности, силы, позитивного / негативного, внешнего / сущностного, прямого / косвенного характера причинной связи; книжная стилистическая окраска ОПП обусловлена речевой сферой, в которой они формируются.

4. Процесс образования ОПП носит стадиальный характер и включает изменение лексического значения субстантивного компонента (переносное значение, десемантизация, семантическое расширение), а первообразный предлог и субстантивный компонент в их составе во взаимодействии определяют их частное причинное значение;
5. Наличие в семантической структуре разных ОПП сходных семантических компонентов является предпосылкой их синонимичности и взаимозаменяемости в контекстах, где различающие их другие семантические компоненты нейтрализуются; иначе синонимические замены невозможны, а употребление одного предлога вместо другого является речевой ошибкой.
6. Функционирование синтаксических конструкций с предлогами причины и их аналогами свидетельствует о реализации ими градуальной семантики причинной обусловленности; градуируемыми признаками служат онтологический и количественный параметры причины, степень её воздействия на следствие, её прямой и косвенный, благоприятный и неблагоприятный характер.

Методология и **методика** исследования носит интегративный характер. В ходе диссертационного исследования использовались описательный, сопоставительный, структурно-семантический, трансформационный, статистический (ограниченно) и функциональный **методы исследования**. При работе с лингвистическим материалом применялись как общенаучные (сбор информации, наблюдение, сравнение, интерпретация, обобщение), так и частные лингвистические **методики** (дистрибутивно-контекстный анализ,

компонентный анализ, лингвистический эксперимент, методика концептуального анализа).

К настоящему времени лингвистика накопила большой опыт исследования языковых явлений в том или ином аспекте, список методов лингвистических исследований значительно расширился. Однако, как и в других сферах научных исследований, в лингвистике по-прежнему актуальной остается задача комплексного исследования явлений языка и речи, что обусловлено самой многоаспектной природой рассматриваемых явлений, именно поэтому построение теории и изучение практического опыта применения интегративной методологии становятся предметом специального обсуждения в научном сообществе.

Говоря о методах лингвистических исследований, И. В. Арнольд в 1991 году подчеркивала, что «результативность научных исследований требует не только анализа, но и синтеза, и комплексное рассмотрение объектов стало характерной чертой современной науки» [Арнольд: 7].

С конца 80-х гг. XX века в лингвистике преобладает интегративный метод исследования и «формируется новая конструктивная парадигма научного знания, синтезирующая подходы, развивавшиеся до данного времени как самостоятельные подходы с разной ориентацией»; современные лингвистические исследования во многих случаях становятся «полипарадигмальными» [Кубрякова: 228].

Сущность интегративного метода в лингвистике определяется как сочетание разных приемов анализа языкового материала, базирующееся на «приоритетной идее» тесной связи языковых явлений с явлениями материальной и духовной жизни, то есть на учете языковой формы и выражаемого ею содержания в их диалектическом единстве. Проявлением интегративного характера исследования служит использование в нем различных конкретных методов и методик [Белая: 209].

Интегративный характер самого настоящего исследования заключается в следующем:

- необходимости учитывать факты истории языка, в частности продуктивность конструкций с отымёнными предлогами причины на разных этапах их развития и их отражение в словарях;
- необходимости соединять анализ лексической семантики отымённых предлогов причины с их морфологическими свойствами (взаимодействие с тем или иным падежом, обусловленность падежа свойствами управляющего компонента) и синтаксическими функциями образуемой предложно-падежной конструкции;
- необходимости учитывать типовое лексическое значение как употребляемой с предлогом лексемы, так и управляющего компонента;
- необходимости учитывать стилистические свойства текста, включающего конструкцию с тем или иным отымённым предлогом (на фоне стилистических свойств причинных конструкций с непроизводными предлогами).

Изучение фактов русского языка исследователем, который не является его носителем, неизбежно потребует применения интерактивных методов («интерактивный» - "способный взаимодействовать в режиме диалога, вызывать активную реакцию"), в частности, использование метода синонимических замен с целью выявления специфики семантики и грамматических свойств того или иного предлога может дать корректный результат только при опоре на данные, полученные методом опроса информантов - носителей языка.

Структура работы предопределена задачами диссертационного исследования и включает введение, три главы, заключение и библиографический список.

Библиографический список насчитывает 214 единиц, включая указание на Национальный корпус русского языка как основной источник

примеров, список использованных в работе словарей и энциклопедий (29 единиц) и других источников научной информации (184 единиц).

Апробация диссертации. Ключевые положения работы и приведенный в диссертации анализ лингвистического материала прошли апробацию на заседании аспирантского объединения и научных конференциях: Международной научно-практической конференции с элементами научной школы для молодых ученых «52-е Евсевьевские чтения» (Саранск, Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева, 2016); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Языковое и литературное образование в современном обществе. 2016 (Рамзаевские чтения)» (Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2016); III международной научной конференции «Научные тенденции: Филология, Культурология, Искусствоведение» (Санкт-Петербург, 2017); Международной научной конференции «Интерактивные и интегративные методы современной филологии» (Москва, Московский педагогический государственный университет, 2017), а также отражены в 8 статьях автора, 5 из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК.

ГЛАВА I. ПРОИЗВОДНЫЕ ПРЕДЛОГИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Морфолого-синтаксические свойства русских предлогов

В настоящее время лингвистика располагает детально разработанной теорией предлога. Традиционным для русской грамматики является восходящее к античности представление, что все слова, образующие речь, составляют части речи [Буланин: 9]. Части речи – категории слов, выделяемые на основании грамматических (морфологических и синтаксических) признаков, т.е. на основе общего категориального значения, общих форм словоизменения и грамматических категорий и общих синтаксических функций. Античные классификации стали основой построения частей речи в грамматиках нового и новейшего времени. В русском языкознании разделение частей речи на знаменательные и служебные принадлежит Ф. И. Буслаеву; предлог при этом включается в группу служебных [Буслаев ,1859].

В современной русской грамматике, которая в значительной мере опирается на грамматическое учение о слове, изложенное в книге В.В. Виноградова «Русский язык», предлоги рассматриваются как служебная часть речи, противопоставленная союзам и частицам. В отличие от знаменательных частей речи, у всех служебных частей речи лексическое значение отличается высокой степенью абстрактности и фактически сближается с грамматическим.

Служебные части речи предназначены для выражения отношений между компонентами в словосочетаниях, между предикативными единицами, уточнять, дополнять, конкретизировать коммуникативную семантику знаменательных слов и образуемых ими синтаксических конструкций, используемых в связной речи. Выражая различные логико-грамматические отношения между знаменательными словами в словосочетаниях или предложениях либо отношение информатора к сказанному и высказывания к

действительности, такие языковые единицы не обладают способностью выполнять роль члена предложения [Лекант 1971]. В число служебных частей речи традиционно включаются предлоги, союзы и частицы.

Предлог в современной научной и учебной литературе определяется как служебная часть речи, употребляемая в составе предложно-падежных сочетаний, оформляющая их подчинение слову, сочетанию слов или предикативной группе в целом и предназначенная «для выражения пространственных, временных, причинных, целевых, притяжательных, ограничительных и других отношений между объектами или таких же отношений объектов к действиям, состояниям и качествам» [Сичинава 2011]. Подобное определение предлога приведено в «Русской грамматике»: «Предлог – это служебная часть речи, оформляющая подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании или в предложении и тем самым выражающая отношение друг к другу тех предметов и действий, состояний, признаков, которые этими словами называются» [Русская грамматика 1980: 706].

Грамматический термин «предлог» – калька с латинского praepositio (размещение впереди чего-либо). В свою очередь, латинское слово скалькировано с др.-греч. πρόθεσις с тем же значением.

В отличие от союза, который также служит для выражения отношений, предлог «является компонентом синтаксической предложной группы» [Сичинава 2011], тогда как союз выражает отношения между знаменательными словами в сочинительном ряду или между предикативными единицами (частями сложного предложения или предложениями в тексте).

Таким образом, предлоги предназначены для выражения подчинительной связи между словом и словоформой (в словосочетании: ***плыть по реке***, ***тетрадь в клетку***) и между грамматической основой (предложением в целом) и словоформой (в функции детерминанта: ***В лесу*** *растут деревья и цветы*). Границы их синтаксического использования –

словосочетание, простое предложение, словоформа в функции заголовка. В результате сочетания предлогов с именными группами слов образуется предложно-падежная словоформа, выполняющая синтаксическую функцию в связной речи [Лебедева, 2007: 281]. Кроме того, предлоги, наряду с флексиями, являются основным средством выражения подчинительной связи «управление». Предлог в таких словосочетаниях связывает управляющий и управляемый компоненты. Например: *учиться* ***на*** *родительские деньги*; *снимать квартиру* ***под*** *Москвой*; *стоимость экскурсии оценена* ***в*** *5000 рублей*.

Словоформы с предлогами обычно занимают синтаксически связанную позицию и являются конструктивным компонентом словосочетания, например: *читать* ***с мобильного телефона***; *прислушиваться* ***к высказыванию известного оратора***. В функции детерминанта предложно-падежная словоформа может быть и конструктивно связанной (употребляться как конструктивный элемент предложения определенного типа): ***у меня*** *сохраняется много классических музыкальных произведений для фортепиано*. Однако словоформа с предлогом может быть и синтаксически независимой – такие словоформы могут не только выступать в роли детерминанта, но и служить заголовками: «***У моря***», «***За свободу***» [Золотова 1988: 14]. Рассматривая подобные синтаксически непредсказуемые словоформы с причинным значением (***из-за трусости***, ***по приказу*** и под.), Н. С. Прудникова говорит не об управлении, а о предложно-именном примыкании [Прудникова: 58].

В.В. Виноградов в число частей речи включал только знаменательные слова, тогда как служебные называл частицами речи, устанавливая их сходство с морфемами [Буланин: 10]. Это особенно важно в отношении предлогов. Некоторые из них и в современном русском языке способны дублировать в словосочетании семантику приставки: *отбежать* ***от*** *остановки*, *войти* ***в*** *лес*, *извлечь* ***из*** *кармана* и др. Сравним две точки зрения: 1) предлог не слово, а морфема [Курилович: 66-67]; 2) предлог обладает

структурной непроницаемостью [Шанский: 10-11]. Действительно, предлоги не допускают морфемного изменения, но позволяют во многих случаях вставить согласуемое слово между ними и именем существительным в составе словоформы, в которой они употребляются. Ср.: *на берегу – на* ***правом*** *берегу*.

Не выполняя самостоятельно функцию члена предложения, предлоги входят в связную речь только в качестве компонента предложно-падежного сочетания в функции определённого члена предложения. «Они употребляются не только с именами существительными (в том числе несклоняемыми), но и с количественными именами числительными и местоимениями (именно данные слова способны быть управляемыми)» [Гун Цзинсун 2017]. Например: ***По радио*** *передаётся концерт знаменитого китайского пианиста Лан Лана*; *Нужно разделить двадцать пять* ***на пять***; *Я открыл коробку,* ***из-за которой*** *было столько споров*. Своеобразие употребления предлогов причины заключается в том, что они не могут употребляться с именами числительными.

«Предлоги не случайно сочетаются с косвенными падежами имен существительных и других частей речи: совместно с флексиями или даже без них (для несклоняемых существительных) они выражают объектные, определительные или обстоятельственные отношения. Например: *смотреть* ***за ребёнком****, рубашка* ***в клетку****, уехать* ***на три года***» [Гун Цзинсун 2017]. Предлогами являются слова, благодаря которым в сочетании с косвенными падежами более точно и подробно выражаются падежные отношения [Шахматов: 275]. Собственное значение предлога проявляется только в сочетании с падежной словоформой, что особенно очевидно для многозначных предлогов. В отличие от беспредложных словоформ, словоформы с предлогами способны более дифференцированно выражать грамматические отношения, соединяя семантику управляющего и управляемого слова. Ср.: *идти в лес узкой* ***тропинкой*** *– идти в лес* ***по*** *узкой* ***тропинке****.* Справедливо отмечает В. В. Виноградов: «предлог не только поддерживает и усиливает значение падежей, но и дополняет, специализирует,

осложняет его в том или другом направлении» [Виноградов: 555]. Даная особенность исключительно важна при изучении семантической специализации предлогов одной смысловой группы, например: предлогов причины, которые могут употребляться с одним и тем же падежом. Ср.: ***благодаря*** *поддержке* – ***согласно*** *приказу,* ***в связи*** *с праздником* – ***в соответствии*** *с правилом*.

Выбор предлога для словоформы реализуется в зависимости от семантики управляющего и управляемого слов. Подобно окончаниям, предлоги вводят компонент значения в общую семантику словоформы на основе присущего им значения, соответствующего как лексическому значению соединяемых слов, так и грамматической семантике падежа. Например: *дойти* ***до*** *вершины* – глагол «дойти» требует обозначения предела (в том числе пространственного), это значение может быть выражено родительным падежом (общее значение косвенного объекта) слова «вершина», обозначающего пространственный объект в сочетании с предлогом ***до***, имеющим значение предела.

Предлог служит средством соединения лексической и грамматической семантики управляющего и управляемого слов. Его лексическое значение соответствует грамматическим отношениям между соединяемыми элементами, которые, в свою очередь, определяются как грамматическими, так и лексическими свойствами главного и зависимого слов. Обращенность предлога сразу к двум соединяемым компонентам обнаруживается особенно явно при сильном и регулярно предсказуемом управлении. Например: *Поездка* ***в*** *Англию, всмотреться* ***в*** *картину, пригодный* ***для*** *еды.* Однако и в других случаях при установлении грамматического значения предложно-падежной словоформы и, следовательно, выражаемой предлогом семантики необходимо учитывать лексические и грамматические свойства обоих соединяемых компонентов. Значение предлога определяется не только семантикой вводимой им падежной словоформы, но и семантикой управляющего слова.

В лингвистической науке высказывается мысль о семантической связи компонентов словосочетаний с предложно-падежной словоформой: «…синтаксические отношения, обозначаемые предлогами, двуплановы: с одной стороны, это отношения грамматической зависимости падежной формы одного знаменательного слова (существительного или его эквивалента) от другого знаменательного слова или сочетания слов, а с другой – это смысловые отношения между данными словами, формирующиеся в результате сложного взаимодействия лексических значений полнозначных слов, семантики предлога и собственно падежной семантики…» [Шмыкалова: 16].

Для предлогов, в том числе предлогов причины, употребляемых в составе синтаксически независимых словоформ, семантически более значимыми факторами являются лексическое и падежное значение употребляемого с предлогом слова в определённом падеже: в этом случае семантика предлога оказывается в ослабленной связи с семантикой управляющего слова, а словоформа в целом приобретает свойства свободной [Золотова 1988: 14]. Например, в сочетании с существительными, обладающими непространственным значением, предлог ***из-за*** выражает причинное значение, между тем как в соединении с существительными с пространственной семантикой значение данного предлога по-разному интерпретируется – в зависимости от лексического значения управляющего слова. Ср.: *расстроиться* ***из-за*** *ошибки – выглянуть* ***из-за*** *леса – спорить* ***из-за*** *леса* (в последнем примере совмещаются объектное и причинное значения). В синтаксически независимом употреблении значение словоформы *из-за ошибки* будет понято как обозначение причины, а *из-за леса* – скорее, как обозначение места.

Предлог ***за*** имеет причинное значение в сочетании с творительным падежом лексем «неимение», «отсутствие» и под., но может выражать объектно-целевое или пространственное значение в сочетании с другими

лексемами, например: ***за неимением*** *гербовой бумаги будем писать на почтовой* (причина) – *я пошёл* ***за*** *молоком* (цель) – *я плёлся* ***за*** *сторожем* (образ действия и место). Такие словоформы могут выражать в высказывании как тему (в абсолютном начале предложения), так и рему (после грамматической основы). Ср.: ***Из-за*** *этой статьи между нами вышел спор – Спор между нами вышел* ***из-за*** *этой статьи*.

В соответствии с внутренней формой термина, предлоги в современном русском языке (как и в других индоевропейских языках) всегда ставятся перед управляемым словом – за исключением тех случаев, когда управляемое слово имеет стоящее в препозиции к нему согласуемое слово. Ср.: *остаться дома* ***из-за*** *болезни – остаться дома* ***из-за внезапной*** *болезни.* Однако в работе В.В. Виноградова отмечено, что небольшая часть русских предлогов (преимущественно производных) допускает как препозитивное, так и поспозитивное употребление (такие конструкции обладают экспрессивной окраской), например: *спустя два года – два года спустя.* Приведем пример предлога, допускающего «расщепление»: *вслед за мною – за мною вслед.*

Традиционное для современной русской грамматики выделение предлога в самостоятельную часть речи не является единственным решением в истории русистики и зависело от позиций, на которых лингвисты строили систему частей речи. Так, в классификациях Н.Н. Дурново (1925) и А.М. Пешковского (1938) назван класс частиц, в который включаются также предлоги и союзы. Примечательно, что в современной классификации частей речи А.К. Поливановой (1990) служебные части речи вообще не представлены.

По данным НКРЯ [Сичинава 2011] предлоги очень активно употребляются в связной речи – 10,47% от числа всех слов, включенных в тексты НКРЯ (ср.: союзы – 7,93%, частицы – 4,51%). При этом показательно различие в частотности предлогов в художественных и нехудожественных текстах – соответственно 10,05% и 11,09% (несколько выше в

нехудожественных, что, возможно, объясняется тенденцией к логической точности).

Приведенная в статье Д.В. Сичинавы таблица диахронного употребления частей речи [Сичинава 2011] показывает постепенное повышение активности предлогов в речи конца XX — начала XXI вв. по сравнению с предыдущими эпохами – ср.: 10,34% после 1980 г.; 9,67% (XVIII—XIX вв.) и 9,96% (1900—1970 гг.).

В работе М.В. Всеволодовой, О.В. Кукушкиной и А.А. Поликарпова обобщено представление о функциях предлога как части речи [Всеволодова, Кукушкина, Поликаропов, 2014]. Это следующие функции:

- семантическая: предлог конкретизирует роль вводимого им имени в денотативной структуре высказывания;
- формально-синтаксическая: предлог в качестве компонента словоформы, к которой можно поставить вопрос от управляющего компонента, вводит имя существительное или местоимение в синтаксическую структуру и тем самым образует словосочетание;
- морфосинтаксическая: предлог формирует синтаксему в роли определённого члена предложения или синтаксически свободную словоформу.

Данным перечнем функций предлогов определяется сформулированное в указанной работе следующее положение, важное для рассмотрения процесса образования отымённых предлогов причины: полнознаменательная словоформа может быть рассмотрена как эквивалент предлога только в том случае, если данная словоформа в определённых синтаксических условиях приобрела функции, свойственные собственно предлогу, т.е. если она обладает следующими признаками:

- вводит имя актанта ситуации в семантическую структуру высказывания;
- обусловливает зависимость синтаксемы, к которой возможно поставить падежный вопрос;

- формирует синтаксическую форму слова и не может быть употреблена без вводимого ей компонента [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2014: 54].

Предлоги допускают разноаспектную классификацию, что отражено в работах В.С. Бондаренко, Е.Т. Черкасовой, В.В. Виноградова, Г.И. Золотовой, М.В. Всеволодовой, Г.А. Шигановой, Л.Н. Засориной, А.М. Финкель, И.А. Шмыкаловой и др.), академических грамматиках [Русская грамматика 1970: 311-312; Русская грамматика 1980: 704], учебных пособиях [Голанов И.Г. 1965: 250; Максимов Л.Ю., Мирошниченко О.Ф., Мишина К.И., Николенко Л.В., Радзиховская В.К., Самойлова И.Д., Самойлова М.А., 1978: 185-186; Колесникова С.М., 2015: 223].

В современном русском языке предлоги разграничиваются по следующим параметрам:

- по **происхождению**: непроизводные (первообразные) и производные – последние составляют бóльшую часть в современном русском языке;
- по **структуре**: простые, сложные, составные;
- по **значению**: пространственные, временные, причинные, целевые, объектные, определительные и др.;
- по **способу образования** – различаются по чатеречной принадлежности производящего слова: отымённые, отглагольные, наречные;
- по **характеру употребления с падежами**: одновалентные (употребляемые только с одним падежом) и поливалентные (способные употребляться в разных значениях с разными падежными формами);
- по **стилистической окраске** – в зависимости от предпочтительной сферы употребления: стилистически нейтральные и стилистически окрашенные (разговорные, книжные).

В настоящем исследовании рассматриваются производные (по происхождению) отымённые (по способу образования) и составные (по

структуре) предлоги причины (по значению), большая часть которых обладает книжной стилистической окраской.

В лингвистике выделены и описаны общие механизмы развития предлогов из знаменательных слов, разделяют класс предлогов на первообразные (primary adpositions) и производные (secondary adpositions), различающиеся следующими свойствами: «производные предлоги обычно являются такими формами (словами или короткими сочетаниями слов), которые выражают скорее конкретные, чем абстрактные отношения. Они в большинстве случаев образуются из существительных <…>. Под первообразными предлогами обычно понимают небольшую группу предлогов, часто односложных, которые выражают чисто грамматические отношения» [Hopper, Traugott 2003: 110]. Следовательно, производные предлоги, сохраняя общее значение соответствующей семантической группы, служат средством его детализации, поэтому большинство из них являются однозначными, в отличие от непроизводных предлогов, способных выражать разные значения.

О.А. Шиганова подразделяет предлоги в современном русском языке на следующие типы: «1) предлоги элементарной структуры; 2) предлоги неэлементарной структуры. К предлогам элементарной структуры исследователь относит все первообразные предлоги, не имеющие деривационные отношения со знаменательными словами, тогда как к предлогам неэлементарной структуры – все производные предлоги» [Шиганова 2001: 26].

Для нашего исследования важно разграничение предлогов со структурной точки зрения, связанное с процессом пополнения русского языка новыми предлогами. Составные предлоги (сохраняющие раздельнооформленность компонентов: *в отношении, рядом с, в связи с, по причине* и др.) представляют собой наиболее дискуссионную в грамматическом отношении группу, так как не всегда очевидны основания для разграничения собственно предлогов и предложно-падежных словоформ,

обладающих достаточной степенью абстрактности и способных выступать в функции предлогов. Грамматикализация подобных сочетаний носит диахронный характер, не всегда поддается однозначной интерпретации и включает переходные явления.

Разграничение предлогов по значению – давняя традиция грамматики. Так, А.А. Шахматов выделяет 15 типов отношений, выражаемых предлогами в русском языке: количественные, каузальные, финальные, аблятивные (каритивные, выражающие лишение, удаление), дистрибутивные (разделительные), модальные (образа и способа действия), трансгрессивные (переход из одного состояния в другое), делиберативные (указывающие на предмет суждения), посессивные (притяжательные), компаративные (сравнительные), темпоральные (временные), инструментальные, инхоативно-финитивные (определяющие степень, предел, исходную точку), комитативные (соучастие, совместность) [Шахматов 1941: 256-392].

В современной русистике выделяется более 20 видов отношений, выражаемых предлогами: В.В. Виноградов [Виноградов: 375-377] и «Русская грамматика» [Русская грамматика-80: 704-711] называют пространственные (*на, под, за, из, поперёк, посреди* и др); временные, или темпоральные (*до, через, к, начиная с, между, в продолжение* и др.); комитативные – отношения совместности, соучастия (*с, вместе с, совместно с, при наличии* и др.); квантитативные – количественно-определительные (*в, на* и др.); генетивные – определяющие источник происхождения (*из*); компаративные (*в, против, наподобие, пред, по, вроде* и др.); целевые (*на, по, к, для, за, ради* и др.); каузальные – причинные (*за*, *под*, *благодаря*, *в силу*, *по причине*, *из-за* и др.); инструментальные (*под, на* и др.); делиберативные – указание на содержание, предмет речи, мысли, чувства и т.п. (*о, насчёт, по поводу, про, к* и др.) и другие.

Одновалентный или поливалентный характер предлога заставляет поставить вопрос семантической цельности предлогов, способных употребляться с разными падежами и выражать разные значения. Вероятно, в

диахронном аспекте здесь следует говорить о многозначности, однако с синхронной точки зрения вопрос требует специального разъяснения. Сравним: предлог ***из*** в любом из значений употребляется только с родительным падежом, а предлог ***на*** в разных значениях – с разными (винительным и предложным), причем вид выражаемого данным предлогом значения зависит от лексического значения связываемых в словосочетании знаменательных слов (*пойти на реку, претендовать на должность, стоять на берегу, настаивать на приходе, настаивать на травах, основываться на слухах*). В речи появляются грамматические ошибки в выборе предлога и сочетающейся с ним падежной формы, например: *отзыв о статье / рецензия на статью → ?отзыв на статью; ?по приходу, ?согласно распоряжения.*

Предлоги элементарной структуры, которые оформляют разные падежи, но одинаково звучат, О.А. Шиганова классифицирует как омонимичные, так как «они внутри каждого падежа имеют свой, особый круг значений, не совпадающий с кругом значений, выражаемых таким же по звучанию предлогом, оформляющим другой падеж» [Шиганова 2001: 51].

В отличие от союзов, среди которых выделяются неспециализированные (выражающие только типовое значение своей группы: ***когда, так как***) и специализированные (выражающие нюансы типовой семантики: ***пока, благодаря тому что***), предлоги обычно обладают специализированным значением. Далеко не всегда в группе предлогов, способных выражать определенные грамматические отношения, можно выделить «типичного представителя», не «обремененного» семантическими или стилистическими нюансами. Это ярко проявляется для предлогов причины, среди которых нельзя выделить «универсальный» – способный заменить любой другой предлог причины в любом контексте. Внутри одной и той же общей по значению группы разные предлоги выражают разные частные значения.

Различия между предлогами носят и стилистический характер; особенно заметно это различие при сопоставлении синонимичных предлогов: ***о*** *встрече*

(стилистически нейтральный) – ***насчёт*** *встречи* (книжный). При этом можно говорить о группах предлогов с разным значением, но объединенных по стилистическим признакам: стилистически нейтральные (*отойти от края, спрашивать об успехах, расстроиться из-за чьих-то слов*); книжные (*по поводу защиты, по причине невнимательности, по случаю свадьбы*) или разговорные (*говорить про знакомых, убежать со страху*). Появление у предлога книжной стилистической окраски обусловлено и формированием в сфере научной или деловой речи, а также действием специфических механизмов их образования, поэтому в нашем исследовании мы не можем не учитывать стилистических свойств отымённых предлогов причины.

Изучение предлогов имеет большую научную традицию. Предлог выделяется уже в трудах ученых Древней Индии. В V веке до нашей эры в грамматических учениях Александрийской школы в Древней Греции предлог представлен как часть речи наряду с именами, глаголом, местоимением, наречием, причастием, союзом и артиклем. Среди русских лингвистов первыми обратились к предлогам как предмету научного исследования М.В. Ломоносов, А.Х. Востоков, Н.П. Некрасов, Ф.И. Буслаев, К.С. Аксаков, А.А. Потебня. В XX веке на основе научного наследия русских грамматистов предшествующих эпох теория предлога получила дальнейшее развитие в работах Л.В. Щербы, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, Г. А. Золотовой и др.

Так, Виктору Владимировичу Виноградову, в частности, принадлежит заслуга выделения и анализа 21 вида выражаемых предлогом отношений, в том числе и причинных. Учёный отмечает, что во второй половине XVIII–первой трети XIX века наблюдается не только значительное увеличение количества производных предлогов, но и расширение числа абстрактных знаний у непроизводных предлогов, что обусловлено расширением сфер применения книжной речи. При этом активно развивались группы предлогов, выражающие объектные, целевые, причинные значения. Многие из

сформировавшихся в то время предлогов и их значения сохраняются в современном русском языке.

Среди первообразных предлогов В.В. Виноградов выделяет такие, которые способны выражать причинное значение: «Часть простых непроизводных предлогов (*за, по, под, из, от, в, на*) совмещает причинные значения с пространственными и временными. Таков и был один путь развития понятия причинной связи. Другая часть предлогов, выражающих причинные отношения, совмещает причинные значения со значениями цели, назначения (*для, по* и др.). Третья часть предлогов сочетает причинные значения с сравнительными (например: *в, на, по* и др.)» [Виноградов: 376]. Появление у данных предлогов способности выражать причинные отношения связано с расширением круга лексики, употребляемой в составе предложно-падежных словоформ; анализ спектра значений, выражаемых первообразными предлогами, помимо значения причины, может, на наш взгляд, показать направления развития концепта причины.

Полагаем, что использование для выражения причинных отношений названных в работе В.В. Виноградова первообразных предлогов стало возможным в связи с развитием абстрактного мышления (с выделением категории причинности) и является следствием семантической деривации – метафоризации пространственного и делиберативного значений. Ср.:

- предлог ***из***: *«Встав, я вышел **из аудитории** и поплелся в свою комнату»* (Виктор Пелевин «Бэтман Аполло» - **пространственное значение**) – «*Главным выводом **из вышесказанного** является то, что было бы абсурдным пытаться разработать особую теорию для каждого из этих силовых полей»* (ж. «Зеркало мира» - **значение источника информации, основания для умозаключения**) – «*Кейзе **из уважения** к артистам не прерывал пения, но, когда певцы замолчали, он сказал скуластому, что тот в хоре не пел, пусть теперь поёт соло»* (Василий Гроссман «Жизнь и судьба» - **каузальное значение**);

- предлог ***за***: «*Это было золотое время: ни спортсмены, ни тренеры не могли уехать* ***за границу****, спортивных баз и объектов хватало на всех.»* (ж. «Русский репортёр» - **пространственное значение**) – «*Женщина рассказывала девочке о том, что ее отца должны вот-вот наградить* ***за*** *службу, и поэтому она надеется: они скоро "переедут на повышение»* (ж. «Новый мир» - **каузальное значение**).

Описание исторического развития системы русских предлогов иллюструет, что процесс образования производных предлогов наиболее активно протекает в сфере деловой речи; активное образование новых производных предлогов, начавшееся в XVIII веке, характеризует и развитие литературного русского языка XIX века [Черкасова: 20]. Кроме того, отымённые предлоги характеризуются разными степенями препозиционализации: одни уже не имеют семантическую и парадигматическую связь с производящими именами, к таковым относятся, например, предлоги *ввиду, в силу, в условиях, вследствие* и др.; в то время как другие, выражая смысловые отношения между компонентами словосочетания, одновременно сохраняют компонент предметного значения, имеют живые семантические связи с производящими существительными и поэтому расцениваются как синкретичные образования. Такие отымённые предлоги Черкасова называет предложными сочетаниями (*на тему, по теме* и др.) [Черкасова 1955: 113-121].

Таким образом, предлоги представляют собой семантически, морфологически и синтаксически специфический класс слов, объединяющий разные по происхождению, словообразованию, структуре, значению, грамматическому поведению и стилистическим свойствам языковые единицы. Состав предлогов активно пополняется в современном русском языке, что связано с детализацией выражаемых ими отношений.

1.2. Общие закономерности образования русских составных предлогов

Пополнение класса предлогов в современном русском языке происходит за счет производных составных предлогов. М. В. Раевская выделяет следующие тенденции в развитии предлогов: «1) непрерывный рост состава предлогов за счет внутренних резервов языка; 2) закрепление в новом лексико-грамматическом классе словоформ с устойчивой синтаксической функцией, которая способствует при таком морфолого-синтаксическом словообразовании переходу из одной части речи в другую (предложно-падежная форма → предлог); 3) оживление роста предлогов в периоды усиления общественной, государственной жизни, которое связано с нормализацией и формализацией делопроизводства» [Раевская: 23].

Механизмы образования производных предлогов причины подчиняются общим закономерностям образования производных предлогов. Главная из них – неморфологическое словообразование. Под неморфологическим способом словообразования понимается образование производных слов без использования словообразующих аффиксов. Образование большинства производных предлогов в современном русском языке происходит на основе механизма транспозиции (морфолого-синтаксический способ). Транспозиция в лингвистике представляет собою такое языковое явление, при котором производное слово образуется путём переноса лексической единицы из одной части речи в другую и использования данной языковой формы в функции другой, например: *столовая ложка* (имя прилагательное) и *войти в столовую* (имя существительное). Переход знаменательных частей речи (или их сочетаний со служебными словами – частицами и непроизводными предлогами) в предлоги можно выделить как частный случай транспозиции, обозначаемый термином препозиционализация (от латинского названия предлога – praepositio).

Говоря о транспозиции применительно к формированию новых слов служебных частей речи, нельзя не упомянуть о термине «грамматикализация», введенный в научный дискурс французским лингвистом А. Мейе в 1912 году. В 80-е годы XX века на фоне углубления интереса к взаимодействию лексического и грамматического значений в слове термин получил достаточно широкое распространение. Под **грамматикализацией** (в широком смысле) понимается качественное изменение лексических единиц в определённых синтаксических условиях и сложный процесс превращения данных языковых единиц в грамматические показатели, предназначенные для выражения разных грамматических значений или указывающие на различные смысловые отношения между компонентами словосочетания, предложения либо предикативными частями в сложном предложении, на отношение информатора к высказыванию и, следовательно, высказывания к действительности. В результате грамматикализации полнозначных слов изменяется соотношение их лексического и категориального значения, морфологических свойств и синтаксической функции.

Грамматикализация определяется и как переход знаменательного слова в грамматический показатель – служебное слово или морфему; грамматикализация в этом случае предполагает расширение исходного значения лексической единицы, абстрагирование его от соответствующего денотата и стабильное использование лексической единицы в этом новом значении для выполнения грамматических функций [Шмыкалова: 33].

В настоящей работе данный термин используется для обозначения семантического механизма, связанного с процессом препозиционализации: лексическое значение исходной единицы трансформируется в более абстрактное значение нового предлога, пополняющего ту или иную семантическую группу[2]. Это происходит в том случае, когда лексическое

[2] В работе А.А. Загнитко грамматикализацией называется использование лексических средств для выражения языковых значений [Загнитко: 182]; лексические единицы, приспосабливаясь для выражения смысловых

значение исходного слова носит достаточно абстрактный характер и совпадает по смыслу с видом грамматических отношений, выражаемым соответствующей группой предлогов. Например: *во время* (значение времени), *по причине* (значение причины), *с целью* (значение цели). В других случаях специфика лексического значения исходного знаменательного слова нейтрализуется, но не утрачивается – сохраняется как внутренняя форма, объясняющая семантическое своеобразие в рамках определенной группы предлогов. Ср.: *по причине – по поводу, по милости*.

Своеобразие способа образования производных предлогов требует изучения оснований, позволяющих говорить о завершенности процесса препозиционалзации и, следовательно, о правомерности рассмотрения того или иного примера в качестве сформировавшегося предлога, а не его функционального эквивалента.

Выделены следующие обязательные условия перехода полнозначных слов в разряд предлогов:

- изменение категориального значения данного полнозначного слова в направлении укрепления в нем значения релятивности в результате развития необычных (несвойственных прежде данному слову) смысловых и синтаксических его связей с другими словами в предложении и синтаксических функций;
- неизменяемость; утрата способности выполнять самостоятельную роль в предложении;
- способность функционировать только в условиях двусторонних синтаксических связей;
- невозможность определяться согласованным словом;

отношений между компонентами словосочетания или частями сложного предложения и пополняя состав собственно грамматических средств, в разной степени сохраняют исходное лексическое значение.

- закрепление за данной формой определенного места в порядке слов (обязательная препозиция по отношению к следующему за ним имени) и устойчивость сочетания подлежащих слиянию слов» [Черкасова 1967: 19-20].

Качественное изменение знаменательного слова в результате наличия у его всех вышеуказанных признаков свидетельствует о превращении данной формы имени в производную, семантически и синтаксически неразложимую грамматическую единицу – предлог.

Лингвисты сходятся во мнении, что процесс опредложивания субстантивных форм оказывается в прямой зависимости от изменения лексического значения базового существительного.

Препозиционализация характеризует исключительно те имена существительные (преимущественно абстрактные), в семантической структуре которых сема релятивности либо уже реализовалась, либо в определённых контекстуальных условиях может реализоваться [Е.Т. Черкасова, А.М. Финкель, Н.А. Каламова], что и определяет основные пути препозиционализации тех или иных форм полнозначных слов: «1) путь абстракции первичных значений отвлечённых существительных за счёт усиления семы релятивности в их структуре; например, лексическое значение существительных типа *цель*, *причина*, *время* и т. д. «как бы указывает на смысловые отношения, выражаемые соответствующими предлогами *с целью, по причине, во время*»; 2)путь расширения вторичных значений отвлечённых существительных, возникших в результате метафоризации или их употребления в специальном контексте, в направлении актуализации потенциальной семы релятивности в их структуре. Например, прямое значение существительных типа *течение*, *сила* и др. не указывает на отношение чего-либо к чему-либо и слишком далеко от лексических значений соответствующих предлогов (временных, причинных и т.д.)» [Черкасова 1967: 16].

Самый очевидный переход в предлоги возможен на базе наречий, так как это неизменяемая часть речи, способная выполнять в предложении функции тех членов, которые соотносимы с типовой семантикой предлогов и могут быть выражены предложно-падежными словоформами. Наречие утрачивает лексическую конкретность, становится средством выражения абстрактного значения и требует сочетания с управляемой словоформой в качестве основного носителя лексической семантики члена предложения – ср.: *идти мимо – идти мимо парка*. Среди предлогов, образованных подобным образом, Г. А. Шиганова выделяет: «1) предлоги, омонимичные знаменательным частям речи, на базе которых они образовались и с которыми, следовательно, сохранили живые мотивационные связи, например, *наперекор* (кому, чему) – предлог и *наперекор* – наречие; 2) предлоги, которые не имеют омонимов в современном языке (в толковых словарях эти слова принято фиксировать только как предлоги, они утратили связь с исходными словами, произошла полная транспозиция, то есть осуществился полный переход наречий в предлоги и исходные формы в русском языке перестали существовать, ушли в пассивный состав языка)» [Шиганова: 29]. К последним исследователь относит *близ* (кого, чего), *вне* (чего), *вопреки* (чему), *вперекор* (кому, чему), *помимо* (кого, чего), *сверх* (чего), *среди* (кого, чего), *супротив* (чего) [Там же].

Однако отнаречное образование не характерно для производных предлогов причины; предлог *согласно* (*действовать согласно инструкции*) представляет собой редкий и дискуссионный с точки зрения семантики случай. Среди предлогов причины есть образованный от сохраняющего сильное управление глагола «*благодарить*» деепричастия *благодаря* (в качестве предлога слово требует уже не винительного, а дательного падежа). Данный предлог Г. А. Шиганова включает в группу отглагольных наряду с другими: «*благодаря* (кому, чему), *включая* (кого, что), *выключая* (кого, что), *исключая* (кого, что), *начиная* (кем, чем), *кончая* (кем, чем), *погодя* (что), *пройдя* (что), *спустя* (что), *считая* (кого, что)» [Шиганова: 31].

Большинство производных предлогов причины являются отымёнными, поэтому нас больше всего интересовали общие закономерности образования производных предлогов такого типа. По подсчетам Г.А. Шигановой, отымённых предлогов в русском языке, характеризующихся единооформленностью, всего 26; они образованы на основе предложно-падежных и падежных форм имён существительных или кратких форм имён прилагательных. К таковым учёный относит предлоги «*ввиду* (чего), *вместо* (кого, чего), *вроде* (кого, чего), *вследствие* (чего), *емкостью* (что), *насчет* (кого, чего), *объемом* (что), *порядка* (чего), *посредством* (чего), *протяженностью* (что), *путем* (чего), *размером* (что), *силами* (кого, чего), *силой* (чего), *стоимостью* (сколько), *типа* (кого, чего), *тиражом* (что), *ценой* (чего), *численностью* (что), *касательно* (кого, чего), *относительно* (кого, чего), *подобно* (кому, чему), *согласно* (чему), *сообразно* (чему), *соответственно* (чему), *соразмерно* (чему)» [Шиганова: 30]. Обсуждение списка не входит в наши задачи, однако заметим, что в список не включены, например, единицы, которые РГ-80 включает в число производных предлогов причины: *по причине* (чего), *в связи с* (чем) [Русская грамматика 1980, т. II: 43].

Производные предлоги, имеющие соответствие с предложно-падежной словоформой, Г.А. Шиганова предлагает квалифицировать как явление фразеологической омонимии, указывая при этом, что проблема отграничения таких предлогов от нефразеологических сочетаний слов остается малоисследованной [Шиганова: 233]. По мнению учёного, почти все предлоги с компонентом-существительным имеют внешние омонимические соответствия с предложно-падежными формами имен существительных [3][Шиганова: 237]. В ходе грамматической транспозиции частотная в речи предложно-падежная словоформа выпадает из морфологической парадигмы

[3] При этом Г.А. Шиганова замечает, что производные предлоги с субстантивным компонентом употребляются гораздо продуктивнее, чем их омонимические соответствия, а многие вообще утратили это соответствие [Шиганова: 243].

существительного, утрачивая противопоставленность другим его падежным формам. В составе новой фразеологической единицы субстантивный компонент теряет предметное значение и оформляющие его категории рода, числа и падежа. Лексическое значение служебного компонента (непроизводного предлога), лексическое значение субстантивного компонента и грамматическое значение падежной формы становятся средствами выражения целостной семантики новой единицы, меняя ее категориальные свойства – превращая ее в служебную часть речи. Соответственно меняется синтаксическая и лексико-семантическая сочетаемость новой единицы, характер выполняемой ею в связной речи функции. Функциональное падежное значение исходного существительного для субстантивного компонента в составе новой единицы становится категориальным и постоянным, утрачивая соотнесенность с другими падежами [Шиганова: 235].

Лексические предлоги (в терминологии Шигановой) обладают единооформленностью. В иной терминологической системе такие предлоги называют сложными. Предлоги типа *вследствие, вместо, насчет* получили орфографическую маркированность, помогающую отличать их от грамматических омонимов. **Фразеологические** предлоги понимаются как сочетания слов, включающие знаменательное(-ые) слово (-а) и первообразный(-ые) предлог (-и) (*начиная с*, *по случаю*, *по причине*, *в силу*, *в связи с* и др.). В соответствии с объёмом исследуемых единиц учёный подразделяет их на двухкомпонентные, трехкомпонентные и четырехкомпонентные [Шиганова: 35]. Основным показателем данной группы является раздельнооформленность компонентов, поскольку непонятно, почему в разных группах оказались *вроде* и *в силу*. По утверждению исследователя, двухкомпонентные фразеологические предлоги в качестве знаменательного компонента имеют имя существительное, наречие, деепричастие: «*в деле* (чего), *в дни* (чего), *в итоге* (чего), *в канун* (чего), *в качестве* (кого, чего) и другие; *далеко от* (чего), *задолго до* (чего), *поблизости*

от (кого, чего), *неподалеку от* (кого, чего) и другие; *исходя из* (чего), *судя по* (чему), *глядя по* (чему), *невзирая на* (что), *несмотря на* (что) и другие» [Шиганова: 35-36]; тогда как трехкомпонентные фразеологические предлоги в качестве такого компонента имеют только имя существительное или деепричастие: не *доходя до* (чего), *в соответствии с* (чем) [Там же].

Разграничение производных предлогов и омонимичных им частей речи требует многоаспектного сопоставления и контролируется в ходе синтаксического анализа и синонимических замен с помощью непроизводных и других производных предлогов той же группы [Чуглов: 37, 39]. Однако метод синонимических замен в данном случае имеет ограничения в применении в силу специфичности семантики предлогов внутри одной группы. Если по отношению к производным предлогам других групп границы проверки с помощью синонимии можно расширить за счет синонимии предложно-падежных конструкций с беспредложными (например: *доказать путём рассуждений – доказать рассуждениями*), то по отношению к предлогам причины это невозможно, так как причинное значение не выражается беспредложной словоформой. Кроме того, исследователь предлагает еще один метод: сопоставление словосочетаний, в которых замена одного предлога другим невозможна, и таких, в которых она возможна (ср.: *стоять во время спектакля – молчать во время обеда / за обедом*) [Чуглов: 39]. Антонимические отношения с предлогами той же группы могут служить средством контроля сформированности производного предлога[4]. Бесспорно, одним из наиболее важных оснований для разграничения предлогов и не предлогов является наличие или отсутствие при анализируемом слове зависимых слов: *учились* ***во время*** *войны* и *учились* ***в трудное время*** *войны* [Чуглов: 39].

---

[4] О возможности применения этого приема в связи с изучением предлогов причины в аспекте категории градуальности будет сказано ниже.

Таким образом, в составе производных предлогов с субстантивным компонентом имена существительные утрачивают: **1)** предметное значение; **2)** лексико-грамматические категориальные семы: абстрактность, вещественность, собирательность, одушевленность / неодушевленность и др.; **3)** групповые семы: термины родства, части тела, пространства, времени и др.; **4)** грамматические родовые, числовые и падежные семы; **5)** формы изменения; **6)** способность иметь при себе определение; **7)** способность выполнять разные функции в предложении [Шиганова: 235].

Лексические предлоги утрачивают субкатегориальные, групповые и индивидуальные семы. Новая единица языка обладает следующими свойствами: **1)** непредметное релятивное категориальное значение; **2)** субкатегориальные значения обстоятельства, объекта, признака; **3)** групповые значения времени, пространства, причины, цели, объекта речи и т.п.; **4)** морфологическая неизменяемость, что говорит об отсутствии грамматических категорий; **5)** отсутствие самостоятельной функции в предложении [Там же].

Изучение производного предлога причины *в связи с* позволяет говорить и о возможности изменения места ударения в процессе образования предлога, а орфография предлогов типа *вследствие*, *насчет*, *ввиду*, *вроде* и под. демонстрирует также орфографический маркер завершенной препозиционализации.

По способности к переходу в класс предлогов структурно-семантические классы слов неоднородны: наиболее активны в этом отношении наречия, конкретно-предметные существительные в сочетании с непроизводными предлогами и спрягаемые формы глагола [Загнитко: 191]. Тенденция к языковому аналитизму превращает предложно-падежные словоформы в основной источник формирования новых производных предлогов причины.

Предлоги употребляются в составе предложно-падежной словоформы, но в свою очередь сами предложно-падежные словоформы в случае

регулярности их употребления и ослабления конкретности субстантивного компонента могут стать речевым материалом для образования слов с новыми грамматическими свойствами.

Для формирования производных предлогов причины с субстантивным компонентом предложно-падежная словоформа играет роль производящего элемента. В связи с этим нельзя не учитывать лексико-синтаксические связи такой словоформы.

Для нашего исследования продуктивной является типология словоформ Г.А. Золотовой, в рамках которой противопоставлены синтаксически связанные, конструктивно обусловленные и свободные словоформы. Для синтаксически связанных предложно-падежных словоформ падеж и выбор предлога определяется свойствами управляющего слова. Так, форма винительного падежа с предлогом «*за*» получает значение объекта, каузирующего названное главным словом словосочетания действия или состояния только в сочетании с определенными группами лексики, причем производные слова сохраняют управляющие свойства основных лексем: *благодарить* (за что? почему?), *отвечать* (за что? почему?), *осуждать* (за что? почему?), *пострадать* (за что? почему?) и др. Зависимость от управляющего слова не создает предпосылки для грамматикализации подобных словоформ.

Другое дело – синтаксически свободные предложно-падежные словоформы, обладающие определенным грамматическим значением вне сочетания с другими компонентами связной речи и способные по этой причине выступать в роли заголовка.

Анализ научной литературы и собственные наблюдения позволили выделить основные модели транспозиции предложно-падежной словоформы в сферу производных предлогов причины.

Модель 1. В исходной для образования ОПП конструкции с непроизводным предлогом «***по***» основанием для разграничения временнóго и причинного значений служит лексическое значение существительного (ср.: *по*

возвращении – по болезни). Субстантивный компонент «***причина***», включаемый в состав конструкции «**ПО + N$_3$**», эксплицирует значение причины и нейтрализует многозначность непроизводного предлога (ср.: *по возвращении – по причине возвращения*), к тому же допуская дальнейшую экспликацию актантов каузирующего положения дел в словоформах следующего уровня подчинения – и даже требуя этого (*по причине возвращения в страну вывезенных некогда произведений искусства*). В сочетании с лексемами с очевидным каузирующим значением субстантивный компонент «***причина***» дублирует причинное значение предлога «***по***» (*по болезни – по причине болезни*; *по неопытности – по причине неопытности*). Сочетание «***по причине***» фразеологизируется, лексическое значение существительного «***причина***» грамматикализуется; имя существительное, называющее конкретное событие-причину, употребляется в форме Род. п. с последующим возможным распространением этой словоформы. Кроме существительного «***причина***», лексическое значение которого совпадает с видом выражаемого производным предлогом грамматического значения, в описываемой модели могут быть использованы существительные «***повод***» и «***случай***», называющие отдельный вид причины – самое яркое событие в цепочке причинно-следственных связей (*по поводу приезда известного писателя*, *по случаю предстоящего праздника*). В отличие от непроизводного предлога «**ПО**», производный предлог «***ПО + причине / поводу / случаю*** » допускает сочетаемость с более широким кругом существительных, обладая значительно большим информативным потенциалом; однако неуместной оказывается сочетаемость с некоторыми существительными, допускающими в роли обстоятельства причины употребление с предлогом «по» (*по недоразумению – ?по причине недоразумения*; *по глупости – ?по причине глупости*; *по милости – ?по причине милости* и др.). Потенциально (из-за распространенности в книжной речи и тенденции к стандартизации) такими

же свойствами обладают выражения *по ошибке, по вине, по распоряжению, по просьбе, по совету* и др.

Модель 2. Производный предлог формируется в процессе фразеологизации сочетания слов с косвенным (перифрастическим, метонимическим) обозначением причинно-следственных отношений. Исходными для образования ОПП становятся модели с непроизводным предлогом «***в***», не входящим в число предлогов причины: «**В + N_4**» и «**В + N_6**». Метонимически со значением причины связано значение следствия – именно оно эксплицируется в субстантивных компонентах «***следствие***», «***результат***» и в определенной мере «***итог***». Эти субстантивные компоненты требуют от существительного, называющего событие-причину, формы Род. п. – возникают новые конструкции с производными предлогами «**вследствие + род. п.**» (завершенность процесса грамматикализации для этого предлога причины выражена в том числе орфографически: *вследствие наступления холодов*), «**в результате + род. п**» (*в результате долгих раздумий*), «**в итоге + род. п.**» (*в итоге кропотливой работы*). Причинно-следственные отношения в таких конструкциях представлены как бы со стороны следствия. Субстантивные же компоненты типа «***сила***», «***связь***», «***соответствие***» указывают на важные составляющие концепта «Причина», а форма существительного в сочетании с новыми производными предлогами определяется валентностью субстантивных компонентов: ***сила*** (чего?) – «**в силу + род. п.**» (*в силу сложившихся обстоятельств*), ***связь*** (чего с чем?) – «**в связи с + тв. п.**» (*в связи с бракосочетанием*), ***соответствие*** (чего чему?) – «**в соответствии с + тв. п.**»; позицию другого актанта предикатов «***связь***» и «***соответствие***» (чего?) в предложении занимает следствие из обозначенной в существительном в форме **N_5** причины). Компонент «***соответствие***» воспринимается как синоним субстантиву «***связь***» и «наследует» его управляющие свойства (*в соответствии со статьей конституции*). Важную роль в интерпретации словосочетаний такого типа играет лексическое

значение управляемого и управляющего компонентов. Вариантом этой модели следует признать конструкцию «**на + субстантив + род. п.**» (***на основании***, ***на базе*** и др.).

Модель 3. Исходной грамматической конструкцией становится сочетание существительного с многозначным непроизводным предлогом «***под***» – «**ПОД + N_5**». В роли субстантивного компонента выступает имя существительное со значением декларируемой причины, не являющейся подлинной, но убедительной для внешнего наблюдателя. Относительно сформировавшимся (судя по данным словарей) является предлог ***под предлогом*** (*под предлогом помощи сиротам*), однако в некоторых работах в число таких ОПП включаются «***под флагом***», «***под вывеской***», «***под маркой***» и под. Та же исходная конструкция может включать субстантивные компоненты противоположного типа – указывающие на непосредственное воздействие одного положения дел на другое: «***влияние***», «***воздействие***» и под. Вследствие грамматикализации подобных выражений тоже образуются новые ОПП.

Можно предположить, что соотносимые с такими предлогами причины производные союзы причины, имеющие инвариантную семантическую структуру «**производный предлог причины + местоименный компонент + простой союз**» (например: *вследствие того что, в силу того что* и др.), являются грамматической моделью развернутого выражения причинно-следственных отношений с такими предлогами: в предложно-падежной словоформе компоненту «**местоимение *то* в определенном падеже + простой союз**» соответствует имя существительное в том же падеже (*в связи с тем что – в связи с опозданием*).

Сохраняя общую закономерность, свойственную предлогам причины, большинство ОПП сочетается с существительными, имеющими пропозициональное содержание – обозначающими положение дел, являющееся причиной другого положения дел (*в результате ошибки*, *в связи*

с болезнью, по причине нехватки средств и др.). Исключение в этом отношении составляет предлог ***по милости***, сочетающийся с обозначением лица. Однако наименование лица является метонимическим средством обозначения всей ситуации-причины, субъектом которой является это лицо (*по милости моего соседа* = из-за того, что сделал мой сосед). В этом отношении он похож на предлог ***из-за***, который также может сочетаться с существительным, обозначающим один из актантов каузирующей ситуации. Сходные свойства обнаруживаются у предлогов ***под давлением***, ***под воздействием***, ***под действием***, ***под влиянием***, сочетающихся как с именами пропозиций, так и с наименованиями субъекта пропозиции, предикатом которой является субстантивный компонент (*под давлением окружения, под воздействием алкоголя, под действием анальгетика, под влиянием общественности*).

Не во всех ОПП процесс грамматикализации носит завершенный характер. Это проявляется и в сохранении исходного лексического значения субстантивного компонента (*по милости, под давлением, под предлогом*), и в возможности употребления без конкретизирующего причину существительного (*в результате, в итоге*), и в возможности включения препозитивного определения (*под сильным давлением обстоятельств, под прямым воздействием препараты, в прямым соответствии с законом* и под.). Поэтому разграничение сформировавшихся ОПП и их функциональных омонимов является непростой научной задачей.

Таким образом, рассматривая процесс формирования производных предлогов причины с субстантивным компонентом на основе предложно-падежных сочетаний, мы учитываем ряд факторов, позволяющих говорить о завершенности / незавершенности этого процесса:

- изменение синтаксических условий употребления языковой единицы а) синтаксический статус фрагмента речи, релевантного для определения свойств этой единицы (предложно-падежная словоформа с

непроизводным предлогом / сложное словосочетание в определенной форме / предложно-падежная словоформа с производным предлогом) б) синтаксические свойства именного компонента (наличие согласуемого слова или словосочетания); в) падеж словоформы, выражающей в сочетании с предлогом основной смысл предложно-падежной словоформы;

- изменение категориальных свойств предложного и субстантивного компонентов;
- изменение в морфемной структуре и в парадигме субстантивного компонента;
- изменения лексического характера: а) лексическое значение субстантивного компонента, взаимодействующего с исходным непроизводным предлогом; б) лексическое значение управляющего компонента; в) лексическое значение управляемой падежной формы; г) лексическое значение производного предлога по сравнению со значением исходного предложно-падежного сочетания;
- изменения в орфографии предложно-падежного сочетания;
- изменения в стилистической окраске субстантивного компонента.
- допускает ли рассматриваемое предложно-падежное сочетание или употребление вне сочетания с лексемой в определённой падежной форме (наличие или отсутствие двусторонних связей у данного предложно-падежного сочетания).

1.3. Вопрос о функциональной омонимии в современной русистике

В работах, посвященных образованию производных предлогов, неоднократно отмечалось, что системы знаменательных и служебных частей речи не являются замкнутыми — их соединяет зона синкретизма, в которой находит отражение взаимодействия функциональных омонимов и синкретичных слов [Загнитко: 341]. Все служебные части речи связаны со знаменательными частями речи явлениями переходности не только в диахронии, но и в синхронии. Разная степень грамматикализации знаменательных частей речи обусловлена не только диахронией (незавершенным процессом перехода), но и синхронией – потребностью выразить оттенки, которые невозможно передать без синкретичных лексико-грамматических средств [Загнитко: 342].

Функциональное направление в современной лингвистике включает функциональную грамматику, функциональный синтаксис, функциональную стилистику и т.п. Функциональный анализ даёт возможность выявить сущность языкового явления в его отношении к условиям «правильного» и «неправильного» употребления. На наш взгляд, изучение производных предлогов причины и аналогичных им в функциональном отношении предложно-падежных сочетаний слов со структурных и семантических точек зрения недостаточно, если вообще возможно.

В. В. Бабайцева рассматривает грамматически неустойчивые явления в качестве зоны переходности, противопоставляя функциональную омонимию собственно грамматическим омонимам (см., В.В. Бабайцева). Под функциональными омонимами в морфологии понимаются слова, не теряющие в полной мере свойств слов одного грамматического класса, но получающие в речи свойства другого грамматического класса, выступающие в типичной для этого класса функции, но не обладающие в полной мере свойствами этого

нового класса; функциональные омонимы – потенциальный источник пополнения грамматического класса слов.

Под явлением **переходности** понимается совмещение в одной языковой единице, в частности морфологической и синтаксической, дифференциальных признаков двух или более ядерных единиц в рамках того же уровня языковой системы, которая отличается от ядерных синкретизмом свойств. К появлению семантически синкретичных слов и синтаксических конструкций приводит освобождение формы языковой единицы от привычного содержания, что в свою очередь вызвано стремлением носителей языка выразить какие-то особые оттенки мысли. Таким образом нарушается привычное соотношение между формой и содержанием [Загнитко: 179—180]. Однако полагаем, что не совсем точно утверждение, что при этом старая форма используется, по словам исследователя, «для выражения нового содержания» [Загнитко: 181]. Считаем, что «форма» тоже неизбежно подвергается трансформации, и характер этих изменений как раз и нужно установить.

Лингвисты сходятся в том, что «основным условием перехода лексической единицы из одной части речи в другую является изменение её синтаксической функции и синтаксических свойств» [Бабайцева 2000: 187]. Изменение синтаксической функции языковой единицы обусловлено изменением её лексического, грамматического значения и структурных свойств. В сфере предлогов и союзов в результате появляются новые лексико-грамматические единицы, которые, сохраняя в определенной степени лексические значения производящих слов, способны более точно дифференцировать смысловые отношения во фрагментах связной речи.

Показателями сформированности новой грамматической единицы в области служебных частей речи являются изменение синтаксических условий употребления, изменение состава аффиксальных морфем и (не всегда) изменение орфографии единицы в литературном языке. Классическими примерами служат предлоги «*в течение*», «*в продолжение*» и союзы «*зато*»,

«*тоже*», а также подобные им единицы, ставшие камнем преткновения в школьной грамматике и орфографии.

Функциональный анализ объекта нашего исследования (производных предлогов причины, включающих субстантивный компонент) требует разграничить следующие языковые единицы:

- предложно-падежные словоформы (с непроизводными предлогами в относительно свободной сочетаемости с разными лексемами в определенном падеже); ***по*** *предложению*, ***по*** *совету*, ***по*** *просьбе* и т.д.
- предложно-падежные словоформы с производными предлогами, синонимичными непроизводным предлогам той же семантической группы и состоящими из непроизводного предлога, утратившего грамматическую самостоятельность и функционально подобного морфеме, и лексически ограниченного субстантивного компонента, – эти производные предлоги омонимичны свободным сочетаниям с именем существительным, выступающим в роли обстоятельства причины. (***по причине*** *болезни*=***по*** *болезни* и ***по неизвестной причине***).

Таким образом, функциональному анализу подвергнуты единицы разного грамматического уровня: предложно-падежные словоформы с непроизводными предлогами, предложно-падежные сочетания с существительным в роли обстоятельства причины, омонимичные производным предлогам, и производные предлоги. Ср.: ***По*** *рассеянности я надел чужую шляпу* / ***По непонятной причине*** *он перестал мне звонить* / ***По причине*** *переезда в другой город мне пришлось распродать свою мебель.* Данные примеры показывают, что между исходной и новой (образованной на ее основе неморфологическим способом – без использования морфем) морфологическими единицами при синхронном подходе обнаруживаются явления переходности, которые в научной литературе связываются с понятием функциональной омонимии.

Определенная теоретическая трудность заключается в том, что в трактовке понятия функциональной омонимии между лингвистами нет единства. Большинство ученых придерживаются той точки зрения, что функциональные омонимы – это разные слова (В.В. Виноградов, А.А. Реформатский, Ю.С. Маслов, А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова, О.П. Суник и др.). Подобная квалификация опирается на определение слова, данное В.В. Виноградовым: «Слово представляет собою внутреннее конструктивное единство лексического и грамматического значений» [Виноградов: 15]. Однако общность исходной посылки не означает отсутствие расхождений другого рода в трактовке языковых единиц, обладающих общностью звукового состава.

Омонимия в широком понимании – большая группа языковых явлений, основанных на совпадении внешних форм разных в лексическом и / или грамматическом отношении языковых единиц. В научной и учебной литературе используются термины «лексическая омонимия» (полная или частичная), «грамматическая омонимия», «функциональная омонимия».

Под **лексическими омонимами** понимаются слова, которые созвучны при употреблении во всех возможных грамматических формах, относятся к одной и той же части речи, но в то же время различаются по лексическому значению. Грамматические омонимы определяют как слова, совпадающие в звучании, но относящиеся к разным частям речи и различающиеся по значению, грамматическим признакам и синтаксической функции.

Случаи функциональной омонимии впервые полно и достаточно последовательно рассмотрены О.С. Ахмановой, которая относит к этой области омонимию, возникающую в связи с принадлежностью созвучных слов к разным частям речи, сближая, таким образом, понятия грамматических и функциональных омонимов. Функциональная омонимия представляет собою такие парадигматические отношения в лексической системе, которые группируют созвучные слова, тождественные по морфемному составу,

связанные сходным вещественным значением и деривационными отношениями, но в то же время различающиеся категориальным значением, частеречной принадлежностью и, следовательно, синтаксической функцией (*Тайн**ой*** - имя существительное в Тв. п. и *Тайн**ой*** - имя прилагательное женского рода). Среди созвучных слов, которые имеют между собою определённые семантические и словообразовательные связи, учёный выделяет **функциональные** и **функционально-синтаксические** омонимы [Ахманова 1986: 374]. Под понятие «**функциональные омонимы**» подводятся созвучные слова, которые, различаясь в грамматическом плане, семантически и словообразовательно связанны и представляют разные знаменательные части речи (например, ***прачечная комната*** (прачечная – имя прилагательное) / ***стирать одежду в прачечной*** (в *прачечной* – предложно-падежная словоформа с субстантивом). Под **функционально-синтаксическими омонимами** понимаются такие созвучные слова, которые образованы путём переноса лексической единицы из знаменательной части речи в служебную, т.е. путем грамматикализации, например: ***Когда*** *ты скажешь мне правду?* (когда – наречие времени) / *Я тебе скажу правду,* ***когда*** *придет время* (когда – временный союз) [Ахманова 1986: там же]. Верное по отношению ко многим типичным случаям в грамматике определение Ахмановой не в полной мере объясняет другие случаи (например, частеречную принадлежность словоформ типа «*осенью*», «*вечером*», сочетаний слов типа «*для того чтобы*», «*в связи с*», «*рядом с*»).

В работах других лингвистов функциональная омонимия поставлена в разные отношения к лексической омонимии, с одной стороны, и к собственно грамматической, с другой. Так, Г.А. Шиганова рассматривает производные предлоги, омонимичные падежным формам имени существительного, как частичные лексические омонимы [Шиганова: 226], не разграничивая собственно производные предлоги и выступающие в их функции предложно-падежные сочетания, не утратившие связь с другими падежными формами

слова и его способность иметь зависимые слова. С точки зрения других лингвистов, рассматриваемые Шигановой примеры *рядом* и *рядом с* могут быть квалифицированы как грамматические омонимы. А.А. Загнитко полагает, что функциональная омонимия проявляется между отдельными словами (*стоять* ***около*** / *стоять* ***около метро***5) и грамматическими формами одного и того же слова (*белые* ***берёзы*** и *две* ***берёзы***) [Загнитко: 199].

Кроме того, считается, что нельзя относить к функциональной омонимии лексико-синтаксическую полисемию, когда одно и то же слово в зависимости от синтаксического употребления функционирует в роли то одной, то другой части речи [Абаев: 42]. Функциональная омонимия рассматривается в данном случае как разновидность полисемии – функционирование созвучных слов, близких по лексическому значению, но различающихся по грамматическому значению и частеречной принадлежности.

Функциональными омонимами называют и созвучные слова или сочетания слов, этимологически связанные между собою, но относящиеся к разным частям речи (например: *верить* ***в силу*** *доброты* / ***в силу экономического кризиса*** *в России стоимость продукции на российском рынке постепенно повышается*) [Бабайцева 2000: 194]. В большинстве случаев функциональные омонимы близки по лексическому значению6, а наиболее ярко различает функциональные омонимы синтаксическая функция; она же

---

[5] Некоторые лингвисты, признавая подобные единицы разными словами, всё-таки считают неправомерным называть их словами-омонимами, так как, по их мнению, омонимы должны резко различаться во всех значениях [Дискуссия по вопросам см. также Георгиев С., Русинов Р., Учебник по лексикографии на българския език. – София, 1979].

[6] При этом В.В. Бабайцева замечает, что о тождестве всех значений функциональных омонимов нельзя говорить, поскольку данные лексические единицы всегда характеризуются различием в категориальном значении. [Бабайцева 2000: 200].

выступает основным условием развития специфичных категориальных значений [Бабайцева 2000: 194-195].

Следовательно, понятия функциональной и грамматической омонимии совпадают.

Общими дифференциальными признаками функциональных омонимов, дающими право относить их к разным частям речи и, следовательно, считать разными словами В.В. Бабайцева считает 1) различие в синтаксической функции, что является условием их формирования; 2) различия в категориальном значении, формирующемся при использовании слов в новой для них синтаксической функции; 3) возможное различие в лексическом значении [Бабайцева 2000: 206]. На наш взгляд, следует сказать о возможных морфемных, орфоэпических и орфографических различиях, хотя это касается не всех случаев, которые Бабайцева рассматривает в области функциональной омонимии.

Выделяется четыре типа функциональных омонимов, которые объединяют слова, имеющие общий корень, связанные и живые семантические связи: 1) функционально-грамматические омонимы (*это интересно – мне интересно его слушать*); 2) чисто функциональные омонимы (*около* – наречие *и около* – предлог); 3) словообразовательно-функциональные омонимы (*тепло* – наречие – и *тепло* – слово категории состояния); 4) словообразовательно-функционально-грамматические омонимы (*учащийся* – причастие и *учащийся* – имя существительное; *просто* – имя прилагательное и *просто* – наречие) [Бабайцева 2000: 195]. Однако считаем, что основания для разграничения этих видов омонимов недостаточно убедительны и не проясняют сути явления.

С неопределенностью в толковании грамматической и функциональной омонимии прямо связана квалификация производных предлогов. Грамматический статус того, что обычно называют производными предлогами, не имеет в лингвистической литературе однозначного понимания, что

отразилось и в терминологическом разнобое. И.А. Шмыкалова, например, отмечает: «В лингвистической литературе и сегодня отсутствует единая терминология применительно к производным предлогам. Так, В.В. Виноградов, РГ-80, Е.Т. Черкасова, Ю.Г. Скиба, В.С. Бондаренко и др. говорят о составных предлогах, Ю.И. Леденев – о функциональных аналогах предлогов, Р.П. Рогожникова – о грамматических фразеологизмах, В.Г. Гак – о предложных сочетаниях, Е.С. Шереметьева использует термин «релятив». Однако все авторы сходятся во мнении, что производные предлоги – это предлоги, образованные от самостоятельных частей речи (существительных, наречий и глаголов (деепричастий) путем грамматикализации» [Шмыкалова: 33]. На подобную терминологическую неупорядоченность указывает и А.А. Загнитко: собственно предлоги, языковые единицы в значении предлога, аналог предлога, окказиональный предлог, потенциальный предлог.

Анализ лингвистических работ показывает, что различие между грамматической и функциональной омонимией так и остается терминологически не проясненным, если подходить к этим явлениям в синхронном плане.

Для нашего исследования продуктивным представляется подходить к функциональной омонимии как к диахронному явлению и рассматривать ее как использование лексико-грамматических единиц в новой для них функции при неполной утрате ими исходных лексических и грамматических свойств. На наш взгляд, следует говорить о незавершенности процесса образования новой лексико-грамматической единицы, и это явление можно противопоставить грамматической омонимии как завершенному процессу. Примером грамматических омонимов в этом случае могут служить предложно-падежные сочетания (словоформы) с непроизводными предлогами в противопоставлении производным предлогам (*верить <u>в силу</u> коллектива – отказаться от поездки <u>в силу</u> занятости*), а примером функциональных омонимов – сочетания с непроизводным предлогом знаменательных слов в

определённой форме падежа, которые функционально аналогичны предлогу, но допускает включение согласуемого компонента при знаменательном слове: *действовать* ***в соответствии с*** *законом – действовать* ***в [полном] соответствии с*** *законом*. Подобное разграничение позволит дать терминологическое обозначение завершенным и незавершенным процессам образования производных предлогов, квалифицировать сочетания слов, выступающих в функции предлогов, но не отмечаемых словарями в качестве таковых.

Таким образом, в настоящей работе мы используем термин «функциональные омонимы» по отношению к случаям, когда грамматическая единица (словоформа – сочетание существительного и непроизводного предлога), не меняя принципиально своего лексического значения, попадает в новые синтаксические условия употребления и выступает в функции, типичной для предлога, благодаря чему создаются предпосылки для ее перехода в этот грамматический класс. В таких условиях происходит перераспределение значимости лексической и грамматической семантики компонентов смысла в рамках синтаксической единицы более крупного, по сравнению с исходной, порядка.

Производные предлоги вступают в отношения омонимии с другими частями речи достаточно активно. Из 96 единиц, содержащихся в нашей картотеке, омонимы имеют 86, что составляет 89,6 % от общего количества собранного нами языкового материала.

Понятие **функциональной омонимии** распространяется и на соотношение форм знаменательных частей речи, тогда как соотношение знаменательных частей речи со служебными в перечень омонимических соответствий не включается, так как объявляется «качественно отличным от первого: полнозначное и служебное употребления одного и того же слова как бы накладываются на существующую систему частей речи, пересекают ее» [Ахманова 1986: 375].

В современных толковых словарях омонимия знаменательных слов и производных лексических предлогов не отражена в большей части словарных статей. В частности, значение производных предлогов в «Словаре русского языка» АН СССР трактуется как одно из значений существительных, деепричастий, наречий, на базе которых образованы данные грамматические единицы.

Не поднимая вопроса о способе представления производных предлогов в словарях, считаем возможным использовать понятие **функциональной омонимии** и применительно к области их соотношения со свободными словоформами и сочетаниями слов.

Производные предлоги вообще и предлоги причины в частности вступают с исходными частями речи в такие омонимические отношения, которые в работе Г.А. Шигановой определяются как внешняя омонимия, противопоставленная омонимии внутренней [Шиганова: 294]. Производные предлоги, следовательно, сопоставимы не с другой формой того же слова, а со словами других частей речи (предлоги *из-за*, *из-под*, *по-над* и подобные – редкое исключение). В настоящем исследовании представлен особый случай: производный предлог соотносится со словоформой – сочетанием непроизводного предлога и субстантива, поэтому при описании структуры и семантики производных предлогов причины нужно учитывать лексико-грамматические свойства обоих исходных компонентов – непроизводного предлога и существительного.

Таким образом, грамматическая транспозиция и возникновение грамматически переходных явлений вызваны функционированием языковой системы. Функциональная омонимия – показатель живой жизни языка и источник пополнения его состава – характерна для сферы функционирования предложно-падежных словоформ и является источником формирования новых, более точных и разнообразных средств выражения различных смысловых отношений между компонентами словосочетания.

1.4. Синтаксические конструкции с русскими производными предлогами причины в системе средств выражения функционально-семантической категории причинности

Функционально-семантическая категория (ФСК) «характеризуется определённым семантическим значением, выраженным различными языковыми средствами (лексическими, словообразовательными, морфологическими, синтаксическими и стилистическими)» [Колесникова 2016: 29].

В современном русском языке структура ФСК на уровне средств ее выражения имеет характер поля.

Выдвигая и разрабатывая понятие функционально-семантического поля (ФСП) в рамках направления функциональной грамматики, А.В. Бондарко в качестве его главных признаков называет 1) наличие у разноуровневых языковых средств, включенных в данное ФСП, общих семантических функций; 2) взаимосвязь не только однородных, но и разнородных языковых средств – лексических и грамматических; 3) членение на ядро и периферию и наличие переходов между разными сферами поля.

Центральное место в ФСП, по мнению А.В. Бондарко, занимают морфологические средства, рассматриваемые в тесной связи с окружающими ее другими языковыми средствами (лексическими, словообразовательными и синтаксическими). Российские ученые Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс, в отличие от А.В. Бондарко, признают равноценность лексических и грамматических средств выражения определённого интегрального значения: «Разнообразные средства грамматического и лексического уровня, призванные выражать и называть общие значения, связаны между собой не случайными отношениями, а отношениями, позволяющими установить определенные закономерности. Совокупность взаимодействующих средств образует систему – грамматико-лексическое поле» [Гулыга 1969: 8-9]. Тем не

менее, при разграничении ядра и периферии приоритет отдается грамматическим средствам, которые в высказывании являются основным выразителем ключевой семантики ФСП.

В современной лингвистике нет единого мнения о лингвистическом статусе причинности, при этом понятно, что не может быть тождества между философским пониманием причины и содержанием категории каузальности в языке [Аматов: 5]. Е.М. Григорян отмечает, что «каузальные отношения не задаются однозначно описываемой реальностью, а конструируются на языковом уровне в зависимости от ее интерпретации» и «могут быть описаны только применительно к конкретному высказыванию» [Григорян: 23]. Они не представляют собой нечто однородное и четко структурированное, имеют разные средства выражения, могут быть представлены в оппозициях, не сводимых к единой логической схеме [там же].

В «Новейшем философском словаре» каузальность представлена как «философская категория для обозначения необходимой генетической связи явлений, из которых одно (называемое причиной) обусловливает другое (называемое следствием или действием)» [Новейший философский словарь 1998: 311]. При этом различается причина полная (совокупность обстоятельств, при которых наступает следствие) и причина специфическая (совокупность ряда обстоятельств, появление которых при наличии других обстоятельств, уже имевшихся ранее, ведет к следствию). Различение их возможно лишь в самых простых случаях, так как специфические причины входят в состав полных, но именно они чаще всего, в силу их заметности, и являются объектом изучения. Философское понимание причины исходит из того, что все явления, процессы в природе, обществе и мышлении обусловлены, находятся в необходимой связи друг с другом. Отношения между этими явлениями и определяются как каузальность. Причина и следствие существуют объективно во всех формах движения материи. Каждое явление имеет свою причину, и наоборот: каждое изменение в материальном

мире или сознании вызывает то или иное следствие. Явление может быть следствием одного и, в свою очередь, причиной другого. Это заставляет субъекта, познающего мир, искать причину данного явления и прогнозировать возможные следствия из него. Причинно-следственные связи сложны и не всегда прямолинейны [Ракитов: 532-533;].

«Логический словарь», определяя понятие «причина», подчеркивает конкретно-ситуативный и антропологический факторы в познании причины и указывает, что без последнего фактора невозможно, в частности, отличить причину от повода, т.е. «события, непосредственно предшествующего другому событию, делающего возможным его наступление, но не порождающего и не определяющего его» [Логический словарь: 479-480]. Понятие порождения позволяет отличить причинно-следственные связи от простого следования событий во времени. От причинной связи явлений отличается причинная логика в умозаключениях и высказываниях: «Задача логического анализа причинности заключается в систематизации тех правильных схем рассуждений, посылками или заключениями которых служат каузальные высказывания» [там же]. Язык вырабатывает средства как для отражения разных видов объективной причинности, так и для построения умозаключений о причинных связях.

Анализируя философское определение причины и указывая, что здесь причина понимается как главное, выделенное субъектом познания условие, Н.И. Штыкало видит в этом источник неразграничения причинной семантики и семантики условия, цели. Она настаивает на необходимости собственно лингвистического определения каузальности и отмечает, что в современных учебниках и грамматиках «не отграничиваются типичные и нетипичные формы выражения причинности… не отмечаются варианты категории каузальности… не раскрывается категория причинности со стороны ее семантических слагаемых» [Штыкало: 37]. О тавтологичности в определении обстоятельства причины говорит и Е.М. Григорян [Григорян: 24].

Философский и лингвистический подходы не отрицают друг друга, но имеют разные сферы применения: «Когда лингвист прослеживает причинно-следственные связи в развитии языка, он пользуется философским понятием причины; когда же он анализирует значение выражений со словами *из-за, по причине, благодаря* и другими, он обязан описать это значение так, как его понимают носители языка и как оно выражается в данной лингвистической концепции мира» [Штыкало: 38]. Для построения лингвистического определения причины (с учетом парного характера категорий причины / следствия) считаются значимыми следующие основания: понимание причины и следствия как событий (в широком значении), предшествование причины во времени, порождающий характер события-причины, реальный характер события-причины (в отличие от условия как возможного). Категория каузальности носит бинарный характер [Штыкало: 39]: если какое-то явление маркировано как причина, то, следовательно, другое должно мыслиться как следствие, – и наоборот.

Таким образом, лингвистическое понимание причинности не совпадает в полной мере с философским и логическим. А.А. Потебня рассматривает понятие причины с опорой на внутреннюю форму выражающего его слова: «…русское причина есть причиняющее (nom agentis), причинение (совершение действия), причинённое (совершённое, сделанное); отражение действия на предмете имеет причиною действие субъекта» [Потебня: 7]. Однако внутренняя форма слова «причина», связанная с представлением о действии, не охватывает всей совокупности явлений, включаемых современной лингвистикой в понятие причинности.

Лингвисты не во всем едины в трактовке причинности. Так, С.Д. Кацнельсон разделял понятия причинности и каузальности, тождественные в философии и в представлении многих лингвистов; для него каузальность – сознательное взаимодействие двух личных агенсов, тогда как причинность в целом – любое обусловленное действие [Аматов: 9].

В «Русской грамматике» (1980) причинность понимается как одна из разновидностей обусловленности, и она предполагает такую связь двух событий, при которой одно событие является полноценным основанием для реализации другого. Один из элементов каузальных конструкций играет роль мотивирующего фактора (аргумента, каузатора), другой обозначает каузируемое явление [Русская грамматика 1980, т. II: 577].

Значение каузальности в причинных языковых конструкциях реализуется как «необходимое основание, порождающий (предопределяющий) фактор, побочный (сопутствующий) фактор, обоснование, подтверждение, доказательство, довод, предпосылка, прямое или косвенное свидетельство, повод, предлог, стимул» [Русская грамматика 1980, т. II: 577]. Данные частные причинные значения актуализируются в таких конструкциях, которые выражают «собственно-причинные и несобственно-причинные отношения» [Там же]. Собственно-причинное значение – информация о непосредственной истинной причине: *«В нашем примере для изделия «сборочная единица» такая возможность не продемонстрирована из-за ограниченности объема»* (ж. «Информационные технологии»). Под несобственно-причинным значением понимается выражение внешнего повода или косвенного свидетельства, который используется для умозаключения: «*И хоть залы фестивальных спектаклей ввиду устоявшейся хорошей погоды отнюдь не были переполнены, эта связь состоялась»* (газ. «Экран и сцена») (хорошая погода находится в косвенной связи с обозначенным следствием, истинной причиной которого является желание людей воспользоваться хорошей погодой и провести время на природе). Несобственно-причинное значение очевидно связано с антропологическим фактором, так как предполагает субъекта умозаключения.

Е.М. Григорян указывает на множественность и неоднозначность подходов к разграничению видов причинных отношений и, обобщая идеи разных лингвистов, приводит основные семантические оппозиции в рамках каузальности: непосредственная – добавочная (способствующая,

промежуточная); каузация результирующего состояния – каузация каузирующего события – инструментальная каузация, ненамеренная каузация – самопроизвольность, собственно каузация – пермиссивность (неосуществление), длительная – первотолчок, внутренняя – внешняя, прямая – косвенная, каузация контактного и дистантного характера, [Григорян: 26].

Формирование понятия причинно-следственных отношений и связанный с ним процесс формирования в языке системы средств для выражения этих отношений происходили постепенно – на основе общего понятия обусловленности и путем разграничения смежной семантики: *пространственно-временная смежность / причина, временная последовательность / причина, причина / цель, причина / условие, нарушение причинно-следственных или условных отношений / уступка.* Изначальный синкретизм мышления нашел выражение не только в многозначности непроизводных предлогов, которые используются в построении словоформ с причинным значением. Среди грамматических средств выражения причинного значения есть такие, которые соответствуют переходным явлениям в сфере разграничения указанных выше значений. Например, предлог *из-за*, помимо пространственного значения (в определенных лексических условиях), может быть средством выражения синкретичной семантики причины-цели – см. анализ примера «Я погибаю из-за любви!» в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» – в статье: [Виноградова: 40]. В структуре архаичного союза *затем что* также заметно неполное разграничение причины и цели как мотивирующих факторов.

А.В. Бакулев, развивая в своей диссертации о категории каузальности в русском языке идеи М.В. Всеволодовой и используя понятие функционально-семантического поля А.В Бондарко, определяет каузальность как функционально-семантическое поле, которое представляет собой систему разноуровневых средств, предназначенных для выражения причинных значений; а в рамках этой функционально-семантической категории

исследователь выделяет микрополе причины и микрополе следствия [Бакулев: 4], выражая таким образом представление о бицентричной структуре рассматриваемого поля. По мнению А. В. Бакулева, «ФСП каузальности обладает всем набором существенных признаков функционально-семантического поля: объединяющим фактором семантической категории каузальности и средствами выражения, объединяемыми данной семантической категорией» [Бакулев: 45]. «Семантическая категория распадается на две субкатегории – причины и следствия. ФСП каузальности поэтому также членится на два микрополя — микрополе причины и микрополе следствия» [Бакулев: 46].

Категория причинности, как и другие ФСК, является «неотрывной частью общей антропоцентрической установки языка, закономерной ориентации языковых значений, лексических и грамматических, на такую референциальную сферу отражения и интерпретации, как человек и его деятельность» [Логинов 2015: 3] и изучается в русле взаимодействия семантики, грамматики и прагматики.

Причинно-следственные отношения могут быть выражены только синтаксическими единицами, центральное место среди которых принадлежит сложноподчиненному предложению с придаточными причины и следствия. Лексические же единицы могут обозначать только один из компонентов этой смысловой структуры – причину или следствие [Бакулев: 5].

Семантика причины актуализируется и в таких простых предложениях, в которых причина, обозначенная именем в Тв. п., примыкает к глаголу-сказуемому и реализуется без помощи предлога: *Эта книга мне нравится* ***содержанием*** [Всеволодова, Ященко 2008: 104].

Каузальные отношения могут опираться не на грамматические средства выражения, а на лексическую семантику предикатов, относящихся к одному субъекту. Например: ***Голодному*** *солдату* ***трудно воевать*** (согласованное определение и сказуемое относятся к субъекту, выраженному одущевлённым

существительным в дательном падеже *солдату*; один признак является причиной другого). Аналогично в предложениях с причастными и деепричастными оборотами: ***Устав**, я **не мог говорить***; ***Возбужденному** разговором, мне **не сразу удалось уснуть***. В подобных примерах средством выявления каузальных отношений может служить замена на синонимичные конструкции с придаточными причины или с обстоятельствами причины, выраженными предложно-падежными словоформами: *Из-за того что он был голоден…* (*из-за голода, от голода, с голоду*); *так как я устал…* (*из-за усталости, от усталости, по причине усталости*); *так как я был возбужден разговором…* (*от возбуждения*). Во многих случаях, конечно, синонимы не могут быть полными.

Предикаты, обозначающие связанные в высказывании ситуации, могут быть квалифицированы как причина и следствие на основании фоновых знаний, позволяющих воспринимать какую-либо часть высказывания с непричинным предлогом как косвенное указание на настоящую причину: *После плотного обеда брюки стали ему тесноваты*. В таких случаях замена предлога на конструкцию с союзом или предлогом причины представляется возможной (обед был плотным – брюки стали ему тесноваты: *из-за того что он плотно пообедал…).*

В конструкциях с многозначными предлогами именно семантика связанных через эти предлоги слов (управляющего и управляемого) становится определяющим фактором для установления каузальных отношений. Высказывания с собственно лексическими средствами выражения каузальных отношений и высказывания, в которых грамматическое средство (предлог или союз) приобретает функцию средства выражения причины в определенных лексических условиях, не могут быть включены в ядро ФСК причины. Подобные высказывания могут иметь форму словосочетания, простого, осложненного или сложного (прежде всего бессоюзного) предложения.

К зоне периферии следует отнести и случаи совмещения в рамках одной синтаксической конструкции причинно-следственных отношений и отношений другого вида (см. приведенный выше пример с предлогом *по поводу*).

Если с грамматической точки зрения в конструкции с причинно-следственными отношениями маркированным компонентом могут быть и причина (это бывает значительно чаще, так как в языке большое количество грамматических средств выражения причинного значения – прежде всего предлогов и союзов), и следствие (с помощью союза следствия), то с лексической точки зрения определяющим фактором установления в высказывании причинно-следственных отношений может стать семантика компонента, обозначающего следствие.

В сложноподчинённых предложениях с придаточными причины и следствия соответствующий вид смысловых отношений выражается специальными грамматическими средствами – союзами причины или следствия. В таких конструкциях открыто обнаруживается полипропозициональная природа каузальных структур: каждое из связанных каузальными отношениями положений дел обозначено предикативной единицей (частью сложного предложения). По этой причине сложноподчинённые предложения с придаточными причины и следствия включают в ядерную зону ФСК причинности.

Значительную группу в рамках микрополя причины ФСК причинности составляют придаточные предложения с причинными союзами недифференцированного значения, т.е. указывающими на причинные отношения в наиболее общем виде (***ибо***, ***поскольку***, ***потому что***, ***оттого что***, ***так как***, ***ведь***) [Русская грамматика 1980, т. II: 577]: *«Тема эффективности и ее оценки крайне сложна,* ***потому что*** *нет единой формулы, ее определяющей…»* (эл. «коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым») ; «*И салатик,* ***оттого что*** *постоял в*

холодильнике, стал ещё вкуснее, и торт тоже стал вкуснее» (Евгений Гришковец «ОдноврЕмЕнно»); «*А в России и крупный собственник тоже феодал,* ***так как*** *сидит на ренте с полученной общественной собственности»* (эл. «коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым»); «*Наиболее перспективными в этом аспекте представляются модели, разработанные Б. Шнайером и СПИИ РАН,* ***поскольку*** *они обладают наибольшим числом перечисленных свойств»* (ж. «Информационные технологии»); *«Только на этот раз тебе надо действительно обследовать Рузу,* ***ибо*** *ты должна ее знать как свои пять пальцев»* (эл. «Переписка в icq между agd-ardin и Колючий друг»); «*Но, скорее всего, и эти ребята вряд ли все вернутся обратно,* ***ведь*** *при ответе на следующий вопрос об обстоятельствах возвращения только 1% (!) твёрдо заявил, что, получив диплом, не останутся в чужом городе»* (ж. «Человек»). Союзы причины типа *благо, благодаря тому что, в связи с тем что* и др. предназначены для выражения специфических причинных значений.

М. В. Всеволодова отмечает: «важную роль в репрезентации семантической категории причины играют предложно-падежные сочетания (именные причинные группы – ИПГ)» [Всеволодова, Ященко 2008]. В них в качестве средства выражения значения причины используется предлог. Вопрос о включении этого средства выражения в ядерную или приядерную зону ФСП причинности представляется нам дискуссионным, так как связан с проблемой первичности предлогов по отношению к союзам, а также с решением еще одной проблемы: предложно-падежные словоформы с причинным значением – это результат свертывания полипредикативных конструкций или наоборот – полипредикативные конструкции с причинно-следственными отношениями – это результат развертывания обстоятельств причины, выраженных предложно-падежными словоформами? Кроме того, на наш взгляд, конструкции с предлогами причины представляют собой неоднородное явление: в одних из них уже семантика предлога указывает на

причинные отношения (*благодаря, ввиду, согласно* и др.), а в других многозначный предлог становится средством выражения причинной семантики, только оказавшись в определенных лексико-грамматических условиях.

В предложении предложно-падежные словоформы играют роль обстоятельства причины. Впервые в русском языкознании среди членов предложения обстоятельство причины называет П.М. Перевлесский, который, однако, не разграничивает причину и цель [Штыкало: 36]. Ф. И. Буслаев разграничивает собственно причину (*отчего?*), основание (*почему?*), повод, или нравственную причину (*из чего? из-за чего?*) и цель (*для чего? на что?*) [Буслаев: 275]. Значение обстоятельства причины в дополнение к другой роли в структуре предложения может быть выражено словоформами с другими предлогами (не предлогами причины) – в силу логической соотнесенности их лексической семантики и семантики подчиняющего слова или предложения в целом. Например: *В жару очень хочется пить* (жара – причина желания пить); *В рабочей одежде сюда не пускают* (внешний вид лица является причиной действия по отношению к нему); *В страхе я бежал оттуда* (состоянием субъекта обусловлено его действие); *Разговоры о деньгах мне неприятны* (содержание разговоров – причина недовольства). В подобных примерах, помимо сказуемого, есть еще и имплицитные семантические предикаты, содержание которых вступает в каузальные отношения с группой сказуемого. В данном случае имеет место синкретизм соответствующих членов предложения, в том числе вызванный их двойным смысловым подчинением.

Словоформы с предлогами причины тоже могут быть синкретичными, например: *Я не осуждаю тебя за слабость* (совмещаются объектное и причинное значения); *Я пришел сюда из-за тебя* (совмещаются значения причины и цели); *Благодаря вашему ходатайству я смогу получить интересную работу* (модальный контекст не позволяет однозначно разграничить условие и причину). Кроме того, обстоятельства причины не

обязательно выражаются предложно-падежными словоформами: они могут быть выражены наречиями, деепричастиями (в том числе с совмещением, например, значения причины и образа действия: *сгоряча, впопыхах*).

Полипропозициональный характер конструкций с причинно-следственными отношениями проявляется не только в сложном предложении, но и в тех конструкциях, в которых средством выражения причины является непредикативная единица, имеющая, однако, полупредикативное или скрытое предикативное значение. Выделятся три случая реализации данного значения:

1) имена прилагательные, причастия, деепричастия, отглагольные или отадъективные имена существительные и заменяющие их местоимения выражают предикативный признак как знак всего положения дел, играющего роль причины; зависимые слова обозначают актанты данной ситуации: *Соленый воздух сушил губы*; *Засмотревшись на облако, я споткнулся*; *От блеска болели глаза*; *От усталости слипались глаза*;

2) имена существительные с пропозициональной семантикой или вмещающие содержание предшествующей предикативной единицы местоимения (местоимения это, что) обозначают в целом положение дел, являющееся причиной чего-либо: *Из-за зимы прекратилась навигация; От этого сердце мое забилось сильнее*;

3) имя существительное в составе предложно-падежной группы, называя один из актантов, метонимически включает содержание обозначающей причину пропозиции в целом: *Спор разгорелся из-за чашки* (= из-за того, к чему имела отношение чашка); Благодаря матери я научился понимать музыку (= благодаря неким действиям матери); *По милости дяди я оказался здесь* (= из-за того, в чем участвовал дядя).

Скрытый полипропозициональный характер имеют, таким образом, и конструкции, в которых причина представлена предложно-падежным сочетанием. Не только управляющий компонент, выражающий то, что с логической точки зрения следует считать следствием, но и управляемый

компонент словосочетаний с предлогами причины может быть выражен не предикативными, а номинативными единицами, при этом сохраняется так или иначе пропозициональная семантика (*Горе от ума*). Например: *Отпуск по болезни* – главный компонент обозначает следствие и соотносится с представлением «кто-то был / будет отпущен, получит отпуск», зависимый обозначает причину этого; оба компонента словосочетания связаны словообразовательными связями с предикатами (отпустить, болеть). *Задержка из-за чемодана* – в главном компоненте пропозициональная семантика выражена отглагольным именем существительным, а зависимый компонент указывает на являющееся причиной положение дел косвенно (имело место нечто связанное с чемоданом); словоформа *из-за чемодана* является метонимическим знаком всей каузирующей ситуации.

Анализ группы подчинительных союзов с дифференцированным значением причины показывает, что в их числе есть составные подчинительные союзы, соотносимые с производными предлогами причины (Например, ***благодаря*** *тому что*, ***вследствие*** *того что*, ***в силу*** *того что*, ***ввиду*** *того что*).

Наличие семантико-структурной соотнесенности между сложноподчиненными предложениями с придаточными причины и простыми предложениями, содержащими предложно-падежные конструкции с предлогами причины, иллюстрирует, что большинство таких предлогов входит в состав причинных союзов и что маркируют они одни и те же отношения, хотя в сложноподчиненных предложениях причинно-следственные отношения представлены с большей полнотой и определенностью7. При условии, «если предлоги, маркирующие различные

---

[7] И.Я. Рыбакова выделяет следующие виды причинных отношений, которые могут параллельно выражаться предлогами и союзами причины:

– внешняя способствующая причина (благодаря);
– внешняя препятствующая причина (из-за);
– внешняя причина – источник оценки опредленного качества или признака (за + вин.п.);
– внешняя причина – источник действия (по + дат.п.);

оттенки причинного значения, отмечены довольно высокой частотностью, то частнопричинные союзы, в состав которых входят эти предлоги, отличаются низкой частотностью и четкой стилистической противопоставленностью, а наибольшей частотностью в сложноподчиненных предложениях обладают общепричинные союзы» [Рыбакова: 178].

Особенно легко, по нашим наблюдениям, трансформируются в члены простого предложения придаточные части сложноподчиненных предложений, если в состав союза входят производные предлоги причины. Сказуемое придаточной части в этом случае обычно заменяется однокоренным именем существительным. Приведем примеры прямой и обратной трансформации: *«Несколько автографов появились на моей скатерти благодаря тому, что к нам в Москву приезжало немало выдающихся певцов»* (И. К. Архипова «Музыка жизни») → *Несколько автографов появились на моей скатерти благодаря приезду к нам в Москву немалого количества выдающихся певцов*; *«Ввиду отсутствия дисциплины в этой добровольческой армии, ввиду того, что приказы не всегда исполнялись, ввиду дезорганизации в управлении армии, мы терпели поражения, сдали противнику Казань… »* (И. В. Сталин «Международное положение и оборона СССР») → *Ввиду того, что в добровольческой армии отсутствовала дисциплина, ввиду того, что приказы не всегда исполнялись, ввиду дезорганизации в управлении армии, мы терпели поражения…*

Трансформация упрощается, если в сложноподчинённом предложении в главной части употребляется предложно-падежное сочетание в роли указательного слова, а придаточная часть присоединяется союзным словом *что*: «*Так моё образное восприятие мира начинало формироваться под*

– внешняя причина – источник состояния и его изменения у субъекта (от + род.п.);
– внутренняя осознанная причина (из + род.п.);
– внутренняя неосознанная причина (от, с + род.п., по + дат.п.)
– значение причины, не осложненное дополнительными оттенками (вследствие, ввиду, в связи с, в силу, по причине). [Рыбакова: 84]

влиянием того, что предлагала природа, пусть и городская» (И. К. Архипова «Музыка в жизни») → *Так моё образное восприятие мира начинало формироваться под влиянием природы*. И наоборот, препятствием к трансформации является невозможность разграничить субъектное и объектное значения родительного падежа словоформы, зависящей от предложно-падежной конструкции: *«Курослепов согласился с волей своей дочери под влиянием того, что был обманут женою»* (газ. «Советское искусство») → *Курослепов согласился с волей своей дочери под влиянием обмана жены* (субъект или объект?). В этом случае производный предлог в сочетании с местоименным компонентом в составе главной части играет роль семантически неполного члена предложения, и эта семантика восполняется за счет содержания придаточной части, включаемого через местоименную пару *то – что*.

Соотносимость и, соответственно, синонимичность конструкций с союзами и предлогами причины обусловлены происхождением составных союзов причины. Уже в «Грамматике русского языка» 1954 г. перечислена группа составных подчинительных союзов, образованных при участии предлогов. Эта мысль подтверждена и в «Русской грамматике (1980): «Типичным способом конкретизации подчинительных союзов … является их соединение с предложными сочетаниями, например: *после того как, ввиду того что, несмотря на то что, вопреки тому что, не в пример тому как, подобно тому как*; в результате такого соединения образуется составной союз»[Русская грамматика 1980: 713]. В формировании таких составных союзов предлог причины сочетается с местоименным компонентом и простым союзом.

В то же время вне соотнесенности с союзами причины оказываются производные предлоги *по милости, по случаю*…. И наоборот: не имеют точной соотнесенности с предлогами причины не только простые союзы *благо* и *ибо*, но и составные *потому что, тем более что, оттого что, тем паче что* и

называемые союзами в грамматическом описании НКРЯ, но не входящие в список союзов причины в «Русской грамматике» *судя по тому что, под предлогом того что, смотря по тому что, под видом того что*8 .

Помимо того что соотнесенностью конструкций с союзами и конструкций с предлогами причины демонстрируется наличие в языке синонимических синтаксических средств, названный факт заставляет задуматься о первичности одной группы производных слов по отношению к другой, а значит, и о месте в ФСП каузальности союзных и предложно-падежных конструкций с составными союзами причины. Не случайно многие производные предлоги причины (в том числе с субстантивным компонентом) сочетаются в составе словоформы с существительными, имеющими свернутую предикативную семантику: *вследствие болезни* (быть больным, болеть), в связи с заносами на дорогах (дороги занесены) и др. Развертывание предложно-падежной конструкции в придаточную часть сложноподчиненного предложения или, наоборот, свертывание содержания такой придаточной части в более лаконичную предложно-падежную словоформу можно считать двунаправленным явлением. Поскольку определить первичность того или иного явления не представляется возможным, выскажем следующее суждение: в ядре ФСП причинности оказываются грамматические конструкции с производными союзами и производными предлогами, за счет которых происходит развитие ФСП именно в ядерной зоне.

В микрополе причины ФСК причинности входит и ряд лексических единиц: *причина, причинный, причинность, повод, почему-то, почему-либо, отчего-то, отчего-либо, отчего-нибудь, почему-нибудь, причинить, мотив, предлог, импульс, источник, стимул, резон* и др.

Особую группу внутри таких лексических единиц составляют глаголы причинно-следственных отношений, представленные в исследовании Р.М.

---

[8] Указанный в том же источнике союз *по поводу того что* можно соотнести с предлогом *по поводу*, способным выражать причинное значение [Русская грамматика 1980: 716].

Гайсиной в качестве глаголов зависимости: «*вести* (перен.), *влечь* (перен.), *выводить*, *вызывать*, *вытекать*, *выходить, доводить, исходить, обусловливать, обусловливаться, объяснять, объясняться, определять, определяться, основывать, основываться, повлечь* (перен.)*, повлечься* (перен.)*, порождать* (перен.)*, послужить, предопределять, предполагать, предрешать, приводить* (перен.)*, причинять, производить, проистекать* (книжн.)*, следовать, сопровождаться*» [Гайсина 1981: 93]. Например: *В результате изменения лексических и грамматических свойств имени существительного данная часть речи переходит в класс предлогов → изменение лексических и грамматических свойств имени существительного обусловливает (= является причиной) его переход в класс предлогов*.

«Глаголы, выражающие причинно-следственные отношения подразделяются на две группы: каузативные и фактитивные (консекутивные, следственные). Причинные глаголы представляют прямую номинацию ситуации причинно-следственных отношений, обозначая ее в направлении от причины к следствию. Фактитивные глаголы репрезентируют конверсную номинацию ситуации и обозначают ее в обратном направлении — от следствия к причине» [Бакулев: 54].

Для нашего исследования очень важно рассмотрение семантики предикатов в аспекте категории причинности. Здесь выделяются каузируемые действия и состояния, которые обязательно предполагают наличие определяющей их причины. В подчинении таким словам грамматическая единица (словоформа в роли члена предложения или придаточное причины), обозначающая причину, становится предсказуемым компонентом высказывания.

Таким образом, наиболее распространенным в современной русистике является такой подход, согласно которому под каузальностью (причинностью) понимается одна из основных бытийных, универсальных категорий, которой в языке соответствует функционально-семантическое поле причинности,

включающее синтаксические, словообразовательные, морфологические, лексические средства. Своеобразие функционально-семантического поля каузальности в современном русском языке вызвано спецификой средств и способов выражения соответствующей функционально-семантической категории в русском языке, так как входящие в данное функционально-семантическое поле средства отражают направления развертывания концепта «Причина» в русском языке. В ядерной зоне ФСП причинности находятся в том числе предложно-падежные конструкции с непроизводными и производными предлогами причины.

Выводы

1. Анализ научной литературы показывает, что в современной русистике выработано целостное и многоаспектное представление о предлоге как служебной части речи, играющей важную роль в построении связной речи и выражении смысловых отношений в словосочетании и предложении. Предлоги причины современного русского языка являются объектом активного изучения в ставших традиционными структурном, семантическом и функциональном направлениях: уточняется корпус этой группы единиц языка, их морфемные, словообразовательные, семантические и стилистические особенности, отношение к другим средствам выражения причинной семантики, в частности к союзам причины. Однако отымённые предлоги причины продолжают оставаться актуальным объектом исследования: не все из них получили развернутое функционально-семантическое описание в научной литературе и лексикографической практике; не в полной мере выявлена связь между словообразовательными свойствами таких предлогов и их семантикой; не были предметом исследования особенности ОПП в отношении к взаимосвязанным концептам «Причина» и «следствие» и в аспекте

категории градуальности; нуждается в дополнительном изучении семантическое своеобразие русских предлогов причины, обнаруживаемое в практике перевода конструкций с ними на иностранные языки.

2. Описание конструкций с предлогами в работах современных лингвистов и анализ собранных нами материалов приводят к выводу, что предлоги причины употребляются преимущественно в составе синтаксически свободных словоформ, имеющих пропозициональное содержание (кроме случаев совмещения объектного и причинного значений). Общая семантика словоформы формируется с учетом своеобразия лексического значения предлога – вида выражаемой им причинной семантики. Среди предлогов причины нельзя выделить «типичного представителя», не «обремененного» семантическими или стилистическими нюансами и способного заменить любой другой предлог в любом контексте.

3. Исследования, посвященные предлогам причины, показывают, что механизмы образования ОПП подчиняются общим закономерностям образования производных предлогов, главная из которых – неморфологическое словообразование; переход знаменательных частей речи в предлоги является частным случаем транспозиции.

4. Отыменные производные предлоги причины образуются в результате грамматикализации (препозиционализации) исходных предложно-падежных сочетаний, которая носит диахронный характер, не всегда поддается однозначной интерпретации и включает переходные явления. Степень фразеологизации сочетания слов и сформированности ОПП в качестве готовой грамматической единицы (производного предлога, а не его функционального аналога) определяется не одним признаком, а рядом факторов: изменение лексического значения субстантива, ограничение в его сочетаемости для выражения причинного значения, возможность включения согласуемого элемента и др. Процесс образования

ОПП носит стадиальный характер и включает изменение лексического значения субстантивного компонента (переносное значение, десемантизация, семантическое расширение); грамматическую и функциональную омонимию можно считать стадиями процесса образования отыменных производных предлогов причины.

5. Первообразный предлог и субстантивный компонент в составе ОПП во взаимодействии определяют их частное причинное значение. Современные научные исследования доказывают, что семантические свойства ключевого субстантива и синтаксическое значение его падежной формы в сочетании с непроизводным предлогом в той или иной степени «наследуются» отыменным производным предлогам причины: субстантивный компонент прямо эксплицирует причинно-следственную связь или служит средством уточнения ее характера.

6. Отымённые предлоги причины в своём большинстве употребляются в сфере книжной речи; они пополняют группу предлогов причины в современном русском языке. Расширение их списка свидетельствует об активном развитии категории причинности в русском языковом сознании. Эти предлоги (наряду с непроизводными предлогами и с союзами причины) входят в ядерную зону соответствующей ФСК и являются показателем своеобразия ФСП каузальности в русском языке.

ГЛАВА II. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКИХ ОТЫМЁННЫХ ПРЕДЛОГОВ ПРИЧИНЫ

2.1. Отымённые предлоги в парадигме русских предлогов причины

Наиболее авторитетными грамматическими трудами в российском языкознании являются академические грамматики 1960, 1970 и 1980 годов.

В «Русской грамматике» 1960 года в параграфе 993 рассмотрены предлоги, выражающие причину. К ним относятся первообразные «предлоги ***с, от, из, из-за*** в сочетании с именами в родительном падеже»; приводятся примеры *заплакал* ***с*** *горя, плакал* ***от*** *радости, отказался* ***из*** *принципа, опоздал* ***из-за*** *грозы* [Грамматика 1960: 655]. Производные предлоги причины также упоминаются, но в соответствующих группах по происхождению без указания значения: **наречные** (*согласно, соответственно*), **отглагольные** (*благодаря*), **отымённые** (*ввиду, в силу, вследствие, по причине, по случаю*) [Там же: 658]. Сочетания слов *в связи с, в соответствии с* рассматриваются в данном грамматическом труде как отымённые предлоги, в которых субстантивный компонент в определённой степени утрачивает лексическое значение исходной единицы, приобретая значение релятивности, и при этом выступает в роли именной основы отымённого причинного предлога [Там же: 659].

В «Русской грамматике» 1970 года внимания лексическому значению предлогов не уделяется. Ряд причинных первообразных и производных предлогов приводится в соответствующих группах по происхождению. Среди непервообразных причинных предлогов названы **наречные** (*согласно, соответственно, сообразно с, соразмерно*), **отымённые** (*ввиду, в силу, вследствие, по причине, по случаю*) и **отглагольный** (*благодаря*) [Грамматика 1970: 312].

В «Русской грамматике» 1980 года в разделе «Морфология» предлоги причины не выделены в отдельную группу с точки зрения выражаемых предлогами отношений. Здесь внимание уделяется происхождению и

структуре предлогов в русском языке [Русская грамматика 1980, т. I: 704-708]. Полный перечень причинных предлогов и предлогов, семантически близких первым, приведён в разделе «Синтаксис». В данный перечень предлогов включены такие единицы, как «*из, от, с, по, за (В. п.), за (Тв. п.), через, из-за, по причине, по милости, по поводу, по случаю, вследствие, ввиду, в связи с, в зависимости от, независимо от, в порядке, в результате, благодаря, в силу, под предлогом, на основании, исходя из*» [Русская грамматика 1980, т. II: 48]. Из них субстантивный компонент включают предлоги «*по причине, по милости, по поводу, по случаю, вследствие, ввиду, в связи с, в силу, в зависимости от, в порядке, в результате, под предлогом и на основании*» [Там же].

В исследованиях В.А. Белошапковой причинные предлоги не рассматриваются в качестве объекта специального изучения, однако их классификация по происхождению, выработанная учёным, оказывается несколько своеобразной: предлоги, образованные от наречий *согласно* и *соответственно*, квалифицируются как предлоги «гораздо более позднего происхождения» и «выражают более сложные отношения» [Белошапкова 1964: 212-213]. Имена существительные, включенные в состав отымённых предлогов, характеризуются как «существительные, которые наиболее обобщённо выражают понятия» [Там же: 213], в том числе понятие причины.

В научной и учебной литературе отмечается, что выражаемые отымёнными предлогами отношения, в том числе причинные, «как правило, зависят от лексической семантики производящих имён существительных» [ср.: Шанский 1981: 217].

Состав производных предлогов причины в русском языке дополнен словарём синонимов Н.А. Абрамова, в котором в синонимическом ряду с доминантой *вследствие* приводятся отымённые предлоги *в рассуждение, в уважение, во внимании к* [Абрамов 1999].

В перечне предлогов причины, составленном нами на основе различных источников, преобладают производные (непервообразные) предлоги причины, этимологически связанные с **деепричастием** (*благодаря, исходя из*), **наречием** (*согласно, соответственно*), **именами существительными** в сочетании с первообразным предлогом (*ввиду, в связи с, в силу, в соответствии с, вследствие, по милости, по поводу, по причине, по случаю, под влиянием, под воздействием*)» [Гун Цзинсун 2016].

Как мы заметили, «в состав некоторых ОПП входит второй первообразный предлог, предопределяющий падеж имени существительного или местоимения, с которым употребляется данный отымённый предлог (*в связи с*, *в соответствии с*)» [Гун Цзинсун 2016]. Такие ОПП (с вторым первообразным предлогом, следующим за именным компонентом отымённого предлога) не все исследователи квалифицируют как собственно предлоги; например, Н.М. Шанский относит их к «сложным типам предложных сочетаний» [Шанский 1981: 217]; в учебном пособии Д.Э. Розенталя они именуются «сложно-составными предложными оборотами» [Розенталь 2003: 271]. Данные частные варианты наименования обусловлены живым характером процесса образования новых производных предлогов в русском языке. По нашему наблюдению, предложно-падежное сочетание, приобретшее все свойственные собственно предлогам функции и не допускающее включение согласуемого слова, уже опредложено.

Проанализировав авторитетные грамматические источники, мы обнаружили, что класс отымённых предлогов причины является самым объёмным и разветвленным и показывает основное направление пополнения предлогов причины в современном русском языке. Имена существительные, включенные в состав таких производных предлогов, выполняют роль лексического квалификатора разновидности причинных отношений. В группе отымённых предлогов причины ядерным явлением является предлог *по причине*, в составе которого субстантивный компонент выступает как средство,

нейтрализующее многозначность предлога *по*. Например: *«Спор этот давний, и ожесточенность его чрезмерна – по причине крайней отвлечённости»* (ж. «Эксперт»). «Похожим оказывается предлог *вследствие*, однако он представляет каузальную ситуацию с другой стороны – со стороны следствия, связанного с причиной парными отношениями» [Гун Цзинсун 2016]. Например: *«Вследствие катастрофы с автомобилем, ранен комендант Владивостокской крепости генерал Нищенков, его жена и дочь»* (газ. «Новое время»). Рассматривая состав отымённых предлогов современного русского языка, нельзя не затронуть проблему завершенности данного списка.

Грамматисты отмечают, что «отымённые предлоги – активно развивающийся разряд предлогов», продолжающий своё пополнение «ещё с XX в.» [Белошапкова 1964: 214]. Причиной открытости разряда и появления в нём новообразований считается «потребность точно и дифференцированно выразить разные виды смысловых отношений» [Там же], особенно острая в сфере деловой письменности. Процесс конкретизации абстрактных смысловых отношений стал особенно активным в начале XXI века: «язык находит новые средства выражения усложняющихся отношений в виде лексических производных и фразеологических предлогов» [Шиганова 2001: 5].

Некоторые исследователи характеризуют активное формирование новых производных служебных слов как «процесс втягивания знаменательной лексики в разряд служебной» [Чуеакаев 2016: 173], и это касается прежде всего имени существительного. В данном случае наблюдается устойчивый языковой механизм: имя существительное, будучи компонентом производного предлога, выпадает из своей морфологической парадигмы, утрачивает способность изменяться по числам и падежам, приобретает новые функции и синтаксические свойства, образуя с первообразным предлогом единое целое. Видимо, аналогичное явление наблюдается в отношении сочетаний ***за отсутствием***, ***за неимением***: *«Соловьев был вполне прав, когда, возражая против отвлеченного субъективизма, говорил: Думать, что одной наличной*

добродетели нескольких лучших людей достаточно, чтобы переродить нравственно всех остальных, значит переходить в ту область, где младенцы рождаются из розовых кустов и где нищие ***за неимением*** *хлеба едят сладкие пирожки*» (П. И. Новгородцев. «Об общественном идеале»). В приведенном примере причинное значение предлога ***за отсутствием*** осложняется заместительным значением.

В начале XXI века у широкого круга русских лингвистов наблюдается рост интереса к составу отымённых предлогов причины в русском языке. Утверждается, что в русском языке причинно-следственные отношения выражают 72 предлога (с учетом многозначных предлогов), а самыми продуктивными являются фразеологические предлоги (63 единицы), употребляющиеся с родительным падежом: ***в знак, в итоге, в ознаменование, в порядке, в силу, за неимением, по причине, на почве, под угрозой, по соображениям*** и др. [Шиганова 2001: 36].

Предлагается значительный по объему список предложно-падежных выражений («фразеологических предлогов»), среди которых часть, на наш взгляд, оказывается функционально-синтаксическими аналогами предлогов причины, причём в данный список включаются не только единицы, выражающие собственно причинное значение, но и единицы со значением обоснования, рассматриваемого как один из аспектов концепта «Причина»: «*на основе* (чего), *на основании* (чего), *на базе* (чего), *на почве* (чего), *исходя из* (чего), *ввиду* (чего), *в видах* (чего), *в итоге* (чего), *вследствие* (чего), *в ознаменование* (чего), *в результате* (чего), *в честь* (чего), *в связи с* (чем), *в соответствии с* (чем), *за неимением* (чего), *за отсутствием* (чего), *под влиянием* (кого/чего), *под воздействием* (кого/чего), *под давлением* (кого/чего), *под действием* (кого/чего), *под натиском* (кого/чего), *под видом* (кого/чего), *под вывеской* (чего), *под завесой* (чего), *под знаменем* (чего), *под крышей* (чего), *под лозунгом* (чего), *под маркой* (чего), *под печатью* (чего), *под сенью* (чего), *под покровом* (чего), *под соусом* (чего), *под фирмой* (чего), *под ширмой*

(чего), *под предлогом* (чего), *под флагом* (чего), *по милости* (кого/чего), *по вине* (кого/чего), *по поводу* (чего), *по причине* (чего), *силой* (чего) » [Шиганова 2001: 589-611].

В системе релятивных единиц, выражающих причинно-следственные отношения в простых предложениях, выделяется подгруппа, включающая единицы для выражения значения выдуманного предлога, используемого для сокрытия истинной причины. «Этот вид причинных отношений передаётся в языке только с помощью фразеологических предлогов: ***под видом*** – *«Растащили колхозы под видом кооперации»*; *под вывеской* – «*Торговать под вывеской чужого имени»*; ***под завесой*** – *«Благоденствовать под завесой секретности»*; *под знаменем*, ***под крышей*** – *«Работать под крышей международной верификационной миссии»*; ***под лозунгом*** – «*Пленум прошел под лозунгом восстановления принципов и норм партийной жизни»*; ***под маркой*** – *«Провокации под маркой заботы»*; ***под печатью***, ***под покровом*** – *«Работать под покровом секретности»*; ***под предлогом*** – «*Уволены под предлогом серьезного нарушения правил поведения»*; ***под соусом***, ***под фирмой***, ***под ширмой***, ***под флагом*** – *«Наступление на эти завоевания под флагом “свободы предпринимательства” вызвало резкое сопротивление»*; ***под эгидой*** (чего) » [Шиганова 2001: 404].

Единицы данной подгруппы являются объектом исследования отдельных научных работ, рассматривающих семантические и грамматические свойства моделей фразеологизмов с творительным падежом [Голощапова 1986].

На наш взгляд, список фразеологических предлогов, предложенный Г. А. Шигановой, является спорным, поскольку включение в него некоторых предложно-падежных выражений в качестве средств выражения причины основано на чрезмерно широком понимании семантики причины и на неразграничении значения причины и других значений (***условия***, ***цели***, ***способа действия*** и др.). В частности, это касается следующих единиц: «***на***

базе (чего), ***в ознаменование*** (чего), ***под видом*** (кого/чего), ***под вывеской*** (чего), ***под завесой*** (чего), ***под знаменем*** (чего), ***под крышей*** (чего), ***под лозунгом*** (чего), ***под маркой*** (чего), ***под печатью*** (чего), ***под сенью*** (чего), ***под покровом*** (чего), ***под соусом*** (чего), ***под фирмой*** (чего), ***под ширмой*** (чего), ***под предлогом*** (чего), ***под флагом*** (чего)» [Шиганова 2001: 589 – 611]. В то же время в данный список фразеологических предлогов следует добавить единицы ***в силу*** (чего), ***по случаю*** (чего).

Таким образом, в поле нашего зрения оказываются следующие единицы:

1) собственно предлоги причины (и обоснования): ***в итоге***, ***ввиду***, ***в видах*** (арх.), ***в результате***, ***в силу***, ***в силе*** (арх.), ***в связи с, в соответствии с***, ***вследствие***, ***по силе*** (арх.), ***по причине***, ***по случаю***, ***по поводу***, ***по милости***, ***за отсутствием***, ***за неимением***, ***силой*** (силою) (арх.), ***под влиянием*** (*воздействием*), ***под давлением***, ***под действием***, ***под предлогом***:
2) синтаксические предлоги причины, или функционально-синтаксические аналоги предлогов причины: ***на основании***, ***на основе***, ***по вине***, ***по приказу***, ***по требованию***, ***по постановлению***, ***по просьбе***, ***по совету***, ***по распоряжению***, ***по указанию***, ***по указу***, ***по манию*** (арх.), ***под натиском***, ***под нажимом***.

Частотность использования отымённых предлогов причины в современном русском языке различна, что обусловлено их различием в сфере функционирования и стилистической окраске.

С точки зрения структурного состава ОПП делятся на следующие группы:

1) предлоги, образованные на базе имени существительного в творительном падеже: ***силой*** (***силою***). Например: *«Я буду вынужден силою обстоятельств в марте или апреле начать движение – успеть или погибнуть»* (ж. «Родина»);

2) предлоги, образованные на базе сочетания непроизводного предлога с падежной формой имени существительного (пр. + сущ.): *в + сущ. в вин. п.* (***в силу***), *в + сущ. в предл. п.* (***в итоге***), *за + сущ. в тв. п.* (***за неимением***), *по + сущ. в дат. п.* (***по случаю***).

3) предлоги, образованные на базе сочетания непроизводного предлога с падежной формой имени существительного и ещё одним непроизводным предлогом (пр. + сущ. + пр.): *в + сущ. в предл. п. + с* (***в связи с***, ***в соответствии с***).

ОПП второй группы (пр. + сущ.) количественно преобладают над единицами других структурных типов, и поэтому подавляющее большинство новых единиц в системе причинных предлогов в современном русском языке образованы именно по данной структурной модели. При их образовании используется абстрактное имя существительное, указывающее на тот или иной аспект концепта «Причина» и при этом вносящее определённый дополнительный семантический оттенок в общее причинное значение, выражаемое данной группой производных причинных предлогов.

Словообразовательные особенности производных предлогов причины обусловливают их структурное своеобразие. ОПП этимологически связаны с именами существительными, в определённой степени сохраняя их лексическое значение (прямое или переносное), намекающее на определённый аспект причины и тем самым детализирующее данный концепт, именно по данной причине они резко отличаются от первообразных причинных предлогов, значение причины у которых реализуется только при их функционировании в определённом контексте.

Различие между отымёнными предлогами причины состоит и в употреблении с разными падежами. Большая часть рассматриваемых предлогов употребляется с родительным падежом (***за неимением, в итоге, по случаю, в результате, в силу, по причине*** и др.), тогда как ***в связи с*** и ***в соответствии с*** требуют после себя творительного падежа.

Поскольку активное образование ОПП началось в XVIII в. в связи с интенсивным развитием и нормализацией книжной речи [Белошапкова 1964: 214], то подавляющее большинство из них (***в связи с, за отсутствием, вследствие, ввиду, по случаю, в соответствии с*** и др.) в качестве речевых клише используются в официально-деловом, публицистическом и научном стилях. Например: «*Респонденты также допускают возможность остаться дома* ***в связи с*** *различными событиями в семье (болезнь близких и т. д.), изменениями в личной жизни (любовь, создание семьи), появлением своего жилья»* (ж. «Человек»); «*Это отражение образуется* ***вследствие*** *существующих в среде взаимовоздействий, обусловленных формой существования всего материального— его движением»* (ж. «Информационные технологии»); «***В соответствии с*** *постановлением Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2000 г.№ 197 для координации работы была создана Межведомственная комиссия по развитию приграничного сотрудничества, однако в связи с ликвидацией головного ведомства — Минфедерации — её деятельность прекратилась»* (ж. «Дипломатический вестник»).

В отличие от остальных ОПП, предлог ***по милости*** характерен для разговорной речи, употребляется либо при выражении благоприятной причины, либо при ироническом переосмыслении чужой вины, вызывающей неблагоприятное следствие, и поэтому синонимичен предлогам ***благодаря*** и ***из-за***: «*По милости судьбы арестован он не был даже тогда, когда в самом конце войны написал гневное письмо на имя члена Военного совета о мародёрстве и массовых изнасилованиях немецких женщин, о недостойном поведении советских солдат и даже офицеров, носящих высокое звание воинов-освободителей…»* (ж. «Новый мир») (***по милости судьбы = благодаря судьбе***); «*Мой Боливар на полном скаку налетел на мину — экая досада! Случилось это по милости труса Борьки. Упросил-таки проводить его до*

парикмахерской» (ж. «Сибирские огни») (***по милости труса Борьки = из-за труса Борьки***).

Ироническое переосмысление значения существительного «***милость***», связанное с процессом препозиционализации выражения «***по милости***», очевидно, когда это выражение в сочетании с наименованием лица обозначает неблагоприятный каузирующий фактор. В других случаях, когда ироническое значение не очевидно (например: «*Замечательно интересно прогулялся* ***по*** *милости начальства, больше пятисот верст прошел*» (М. Горький «Жизнь Клима Самгина») и тем более если субстантивный компонент «милость» сохраняет положительное значение, его квалификация в качестве предлога затруднена. Следует отметить, что в ряде лингвистических словарей русского языка отсутствует указание, что при обозначении благоприятной причины ***по милости*** в функции предлога употребляется только с именем существительным, называющим какое-либо абстрактное явление, предмет или лицо, не обладающее властью и правом миловать: «***По милости*** *рекомендательных писем моего опекуна я очень скоро был помещён в число чиновников, служащих в канцелярии московского главнокомандующего*» (М. Загоскин. «Искуситель»). В противном случае всё выражение «***по милости***» утратит статус отымённого предлога и, соответственно, останется омонимичным предложно-падежным сочетанием, где предлогом окажется только слово ***по***:
«После раскаяния ***по милости*** *Божией Матери к ямщику вернулось зрение»* («Журнал Московской патриархии», 2004.06.28).

Таким образом, активизация изучения отымённых предлогов в русском языке берёт своё начало в 60-тидесятых годах XX века, когда заметно вырос интерес русских лингвистов к изучению производных предлогов в современном русском языке и при этом вышло в свет монографическое описание русских производных причинных предлогов как грамматических средств выражения причинных отношений [Финкель 1962]. Однако после

выхода в свет данной монографии прошло более полувека, и научное представление о производных предлогах данной семантической группы, в частности отымённых, нуждается в уточнении и обновлении, поэтому современная русистика вновь проявляет научный интерес к данной группе грамматических средств выражения причинного значения [Шиганова 2001; Маркова 2016; Николенко 2017; Чуеакаев, Шереметьева 2016; Шмыкалова 2015 и др.].

На наш взгляд, общая характеристика ОПП современного русского языка должна быть дополнена анализом особенностей функционирования наиболее употребительных из них, поэтому в следующем параграфе наше исследовательское внимание будет сосредоточено на описании функционирования конкретных предлогов названного типа.

2.2. Особенности функционирования отдельных отымённых предлогов причины в современной русской речи

2.2.1. Функционирование отымённого предлога причины *в силу*

Подробное рассмотрение отдельных предлогов, входящих в группу ОПП, в данном параграфе вызвано необходимостью дополнить, уточнить и обобщить результаты изучения этой группы предлогов другими учеными, включив в поле зрения прежде всего такие предлоги, которые не были объектом детального научного рассмотрения

Предлог *в силу* в сочетании с родительным падежом «употребляется при указании на причинные отношения» [Ефремова 2000]. В семантике предлога выделяется «указание на непосредственную причину чего-либо» [Шиганова 2001б: 305]. Данный предлог указывает на «неизбежность следствия» [Всеволодова 1988: 43].

Рассматривая предлог ***в силу***, В.А. Маркова утверждает, что одним из факторов выбора данного предлога является желание подчеркнуть, что «обстоятельства, являющиеся причиной чего-либо, имеют объективный характер, не зависят от желания человека, сильнее его» [Маркова 2016: 13].

В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) представлено более 9000 конструкций с производным предлогом ***в силу***. Например: *«Но именно в силу скорбных обстоятельств, из-за которых семьи приезжают сюда, люди скорее открывают свою душу»* (М.В. Строганова. «Главное чудо – человек»). В данном примере в качестве причины указаны «скорбные обстоятельства», а следствие – то, что люди в данных обстоятельствах «скорее открывают свою душу». Данный предлог часто употребляется с абстрактными именами существительными (например, *в силу* ***изменения*** *свойств*, *в силу* ***невозможности*** *его выполнения, в силу* ***злоупотребления*** *правом* и т. п.) [Красильникова 2013: 312]. Соответствующее примечание «с отвлечённым именем существительным» к данному предлогу находим в Словаре сочетаний, эквивалентных слову [Рогожникова 2003: 115]. Доказательство данного утверждения видим в вышеприведённом примере.

Если рассматривать характер связи между исходной и производной ситуациями (между причиной и следствием), то, пользуясь терминологией Ю.Д. Апресяна, устанавливаем, что предлог «указывает на логическую связь» [Новый объясн. словарь… 2004: 430]. Связь между причиной и следствием, оформляемая предлогом *в силу*, характеризуется как прямая, объективная. Данный предлог «обычно предполагает указание на причину, существующую и после появления следствия» [Там же].

Рассмотрим пример из НКРЯ: *«Люди, в силу исторических обстоятельств оказавшиеся в зоне господства другого языка, теряют шансы вернуться в культурный контекст предков»* (ж. «Эксперт Северо-Запад»). В приведенном примере обнаруживается указание на предопределённость следствия (предлог ***в силу*** + ***род. падеж***), обусловленного объективной и

сильной причиной (историческими обстоятельствами). Основным средством выражения значимости, объективности причины и неизбежности следствия является в высказывании предлог ***в силу***.

ОПП ***в силу*** образован на базе простого предлога ***в*** и имени существительного ***сила***, входящего в производный предлог в застывшей форме винительного падежа. Первообразный предлог ***в*** при изолированном употреблении не способен однозначно выразить причинное значение под влиянием своей многозначности и при этом выражает либо пространственное, либо временное, либо определительное, либо объектное значение. На значение причинного предлога ***в силу*** он не оказывает значительного влияния и лишь подкрепляет частное причинное значение, вводимое именным компонентом в В.п., между тем частное причинное значение данного ОПП связано с переносным значением производящего имени существительного ***сила***, которое возникает путём метафоризации первичного значения имени и указывает на «Могущество, влияние, власть» [Ожегова, 2006: 716], воспринимаемая как один из аспектов концепта «Причина».

Во многих толковых словарях лексическое значение ОПП ***в силу*** даётся в общем виде, без указания конкретного оттенка значения причины; в Толковом словаре Д.Н. Ушакова значение данного предлога толкуется с помощью синонимов: '*вследствие*, *по причине*' [Ушаков 2000]. Аналогичное объяснение приводится в Малом академическом толковом словаре А.П. Евгеньевой [Словарь русск. яз. 1988, т. 4: 92]. В словаре С.И. Ожегова его значение объясняется в основном с помощью других причинных предлогов – производных (***по причине***, ***из-за***) '*по причине чего-нибудь*, *из-за чего-нибудь*' [Ожегов 1999: 716]. В толковых словарях предлог ***в силу*** упоминается в словарных статьях, посвящённых лексеме ***сила***. В словаре синонимов Н.А. Абрамова для пояснения значения предлога ***в силу*** использован предлог '*вследствие*' в качестве доминанты синонимического ряда причинных предлогов [Абрамов 1999]. Аналогичное расположение предлогов причины и

тот же состав синонимического ряда представлены в словаре синонимов и антонимов А.С. Гавриловой [Гаврилова 2013: 58].

Не все синонимические словари уделяют внимание предлогам, в частности, в словаре З.Е. Александровой предлоги вообще отсутствуют [Александрова 2001]. В Словаре синонимов (под редакцией Л.Г. Бабенко) ряд причинных предлогов ограничивается единицами ***вследствие, благодаря, по причине, из-за*** [Словарь син. русск. яз. 2011].

Наиболее точное толкование значения предлога обнаружили в специализированных словарях XXI века. Например, в Словаре сочетаний, эквивалентных слову данный предлог ***в силу*** трактуется как грамматическая единица, употребляемая при указании на причинные отношения [Рогожникова 2003: 115].

ОПП ***в силу***, как и большая часть причинных отымённых предлогов современного русского языка, требует после себя родительного падежа имени существительного, конструкция с данным предлогом часто занимает место детерминанта: *«В силу нашей ментальности, которая, впрочем, постепенно меняется, ресторан – это праздник»* (ж. «Эксперт»). Очевидно, что такое расположение привлекает внимание к указанной причине и подчёркивает неизбежность следствия, названного в базовом предложении.

Для характеристики предлога необходимо рассмотреть его валентность – «способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами» [Гак 1998: 79].

У предлога выделяются две валентности: левая и правая. Для предлога причины при нейтральном порядке слов левая валентность – это следствие (производная ситуация), а правая – причина (исходная ситуация). Стандартная схема: «*что-то произошло в силу обстоятельств*». Термины «левая» и «правая» условны, так как в тексте данные компоненты, заполняющие эти валентности предлога, могут меняться местами и занимают свои стандартные позиции только при нейтральном порядке слов. В случае с предлогом ***в силу***

мы чаще всего наблюдаем изменение порядка слов и вынесение причины (правой валентности) на первое, левое в линейном строе речи место. Связь между валентностями осознаётся как объективная и оценивается как сильная. Например: *«Во II квартале 2003 г. в силу определённых причин существенные условия заключённых договоров претерпели изменения»* (ж. «Бухгалтерский учёт»). В данном примере словосочетание, заполняющее левую валентность предлога ***в силу*** (**претерпели изменения**), расположено справа от предложно-падежной конструкции со значением причины и инверсивный порядок слов обусловлен тема-рематическим членением высказывания: предложно-падежное сочетание ***в силу определённых причин*** входит в состав темы.

Субъекты каузирующей и каузируемой ситуаций при употреблении предлога ***в силу*** чаще всего не совпадают и, следовательно, противопоставлены друг другу: причина обозначает некое вынуждающее явление со стороны, под влиянием которого реализуется изменение состояния субъекта каузируемой ситуации: *«В силу известных событий в начале 1990-х годов, когда мы были вынуждены заниматься в основном своими делами, нам было не до Латинской Америки»* (ж. «Дипломатический вестник»). В данном примере субъектом каузируемой ситуации выступает Россия, а субъектом каузирующей ситуации – другие лица, обусловившие известные события в начале 1990-х годов. Обнаруживаются единичные примеры совпадения субъектов каузирующей и каузируемой ситуаций: *«А кинотеатр в силу своей величины, технической оснащенности, уровня сервиса в известном объеме возрождает эту самую эксплозию»* (ж. «Эксперт»). В приведённом примере *кинотеатр* является субъектом и каузирующей, и каузируемой ситуации. В этом случае субъект часто выносится на первое место в предложении, как в приведённом примере.

Развитие предлога ***в силу*** в современном русском языке связано с постепенным увеличением его «грамматичности» [Финкель 1962: 159]. Он может употребляться с анафорическим местоимением *это*: *в силу этого*. В

НКРЯ выявлено около 600 случаев такого употребления. В большинстве примеров данное сочетание располагается в позиции детерминанта: *«В силу этого итальянская версия издания Huffington post советует не удивляться тому, что беременная монахиня нашла убежище в её обители в Сан-Северино»* (ж. «Огонёк»). Местоимение *этого* указывает на причину, названную в предыдущем предложении.

Предлог ***в силу*** свободно употребляется с согласуемыми указательными местоимениями *этот*, *тот*, *такой*. Местоимения стоят в форме любого рода и любого числа в зависимости от формы имени существительного, с которым они согласуются: *«Именно **в силу этого** обстоятельства политических перспектив у неё нет»* (ж. «Коммерсантъ-Власть»); *«Аберрации – природные явления, когда **в силу тех или иных** причин отдельные экземпляры бабочек становятся абсолютно неузнаваемыми»* (ж. «Наука и жизнь»); *«И вот **в силу такой** естественной смертности однажды в городе Москве скончалась старушка»* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени).

Данный ОПП образует частотный причинный союз ***в силу того, что***, и в НКРЯ обнаружено 470 примеров его употребления. Например: *«Ни о каком едином экономическом пространстве речи будет вести нельзя в силу того, что возможностей для проведения единой экспортно-импортной политики не останется»* (г. «Известия»).

В приведенном примере сложный причинный союз ***в силу того, что*** расчленён на две части: одна часть союза в роли указательного компонента расположена в главной части сложноподчинённого предложения, а другая часть – простой союз *что*, находится в придаточной части со значением причины.

Для данного союза характерно то же значение и та же стилистическая окраска, что и для предлога ***в силу***, – выражает сильную, объективную, неизбежную причину и имеет книжную окраску. В толковом словаре семантика данного союза поясняется в общем виде, указывающем на

причинное значение: ‘употребляется при присоединении придаточной части сложноподчиненного предложения со значением причины, обусловливающей действие главной части’ [Ефремова 2000].

Предлог ***в силу*** при употреблении с местоимением ***что*** в родительном падеже образует анафорическую словоформу в функции союзного слова, предполагающего смысловую и грамматическую завершенность главной части СПП и вводящего придаточное присоединительное со значением следствия: «*Видимо, за последние два месяца талибы всерьез потрепали охранников Хамида Карзая,* ***в силу чего*** *выплаты по страховым обязательствам сильно обнажили русло финансового потока*» (Александр Иличевский «Перс»).

Предлог ***в силу*** имеет грамматическим омоним, представляющий собой сочетание непроизводного предлога ***в*** и имени существительного ***сила*** в винительном падеже. Например: *«Я верю в силу наличных денег, как верят дети в Санта-Клауса»* (А. Рубанов. «Сажайте, и вырастет»). Чаще всего, не будучи предлогом, сочетание ***в силу*** входит в состав фразеологического оборота *вступать (вступить) в силу* / *входить (войти) в силу*, трактуемого во фразеологическом словаре как «становиться (стать) законным, действующим; крепнуть (окрепнуть), быстро развиваться (развиться)» [Булыко 2007: 81]. Пример из НКРЯ: «*Мы удовлетворены тем, что в апреле 2003 года уже вступил в силу Дополнительный протокол к Соглашению между государствами*» (ж. «Дипломатический вестник»).

Предлог причины ***в силу*** в современном русском языке полностью сформировался, и употребление свободного сочетания *в + сила в в. п.* обуславливает одно из проявлений грамматической омонимии, полностью отличающееся семантически и синтаксически от рассматриваемого отымённого предлога.

На наш взгляд, нельзя говорить о полной синонимии предлога ***в силу*** и непроизводных причинных предлогов, поскольку он, будучи семантически

связан с производящим существительным, отличается от непроизводных причинных предлогов либо семантическим оттенком, либо стилистической окраской. Полагаем, что наиболее близким по семантике к предлогу ***в силу*** является отымённый предлог ***ввиду***, однако и здесь о полной синонимии говорить нельзя. Например: «*Хотя предки многих из них поселились в Латвии сотни лет назад, а другие – оказались в силу исторических обстоятельств»* (ж. «Дипломатический вестник»). Если произвести замену («…ввиду исторических обстоятельств»), то несколько изменится значение причины (смягчится её значимость и усилится её очевидность).

В новом объяснительном Словаре русских синонимов (под редакцией Ю.Д. Апресяна) предлог ***в силу*** даётся со стилистической пометой «книжное» [Новый объясн. словарь… 2004: 430]. Такая же помета дана и в Словаре Р.П. Рогожниковой [Рогожникова 2003: 115]. Примеры показывают, что данный предлог употребляется в официально-деловом стиле: *«В силу предписаний Гражданского кодекса РФ оплата реализуемого товара допускается как до момента фактической отгрузки товара покупателю»* (ж. «Бухгалтерский учёт»); публицистическом: *«Как-то: советская конституция была полна свобод, но, в силу отсутствия общества, они не реализовывались»* (г. «Завтра»); научном стиле: *«Тезис истинный, но говорящий в него не верит однако в силу каких-то соображений вынужден его доказывать »* (Е.Н. Зарецкая. «Риторика»).

А.М. Финкель в середине XX века отметил, что «в настоящее время предлог ***в силу*** употребляется в устной разговорной речи и во всех видах письменной литературной речи [Финкель 1962: 161]. В настоящее время материалы НКРЯ демонстрируют обратный процесс: в начале XXI века данный предлог не употребляется в обиходно-бытовом стиле, и тогда применение его в разговорном стиле, естественно, приводит к стилистическим ошибкам и несоответствиям (ср.: *«Потому что в силу своего образования*

можно что-то понимать / и то очень немного / лишь в какой-то одной теоретической области» (Интернет)).

2.2.2. Функционирование отымённых предлогов причины *в результате, в итоге, вследствие*

Предлоги ***в результате***, ***в итоге*** и ***вследствие*** в семантическом плане сходны между собою и «употребляются при указании на причину, ведущую к определенному результату (с оттенком следствия)» [Гареева 2012: 17-18].

Предлоги ***в результате*** и ***вследствие*** относятся к числу наиболее употребительных ОПП, тогда как предлог ***в итоге*** гораздо менее употребителен. В НКРЯ мы обнаружили 18879 примеров употребления предлога ***в результате*** (грамматическая омонимия снималась вручную), 14690 примеров употребления предлога *вследствие* и около десяти примеров употребления предлога ***в итоге***: *«В результате такого взаимного непонимания ИТ-директора пасуют перед всеми этими проблемами, и проекты замораживаются.»* (ж. «Computerworld»); *«Это отражение образуется вследствие существующих в среде взаимовоздействий, обусловленных формой существования всего материального – его движением»* (ж. «Информационные технологии»); *«В итоге размышлений было принято постановление “О мерах по сдерживанию роста цен на товары и услуги в Москве”»* (г. «Известия»).

Предлоги ***в результате*** и ***вследствие*** зафиксированы в толковых словарях, тогда как предлог ***в итоге*** не зафиксирован. В словаре Т.Ф. Ефремовой приведено следующее толкование предлога ***в результате***: «употребляется при указании на причину, дающую практический результат» [Ефремова 2000]. Данный предлог является многозначным, и в словаре Ю.Д. Апресяна в качестве его вторичного значения указано значение способа

действия [Новый объясн. сл-рь… 2000: 971]. Однако примеров употребления данного предлога во вторичном значении в НКРЯ немного: *«В результате отбора было получено 55 штаммов S. coronata, морфофизиологические характеристики некоторых из них представлены в таблице»* (монография «Фитоэкдистероиды», 2003) – …способом отбора…

Предлог ***вследствие*** в словаре Т.Ф. Ефремовой толкуется более кратко: ‘по причине’ [Ефремова 2000], между тем как в Толковом словаре С.И. Ожегова рассматриваемый предлог имеет более полную словарную статью: ‘по причине чего-нибудь, из-за чего-нибудь, являясь результатом, следствием чего-нибудь’ [Ожегов 1999: 105].

В результате и ***вследствие*** близки с точки зрения характера выраженной ими связи исходной и производной ситуаций: они выражают «объективную причинно-следственную связь между явлениями действительности» [Новый объясн. словарь… 2004: 430]. Частное причинное значение данных предлогов рассматривают М.В. Всеволодова и Т.А. Ященко: «предлог ***вследствие*** подчёркивает причинно-следственные отношения между двумя фактами, предлог ***в результате*** акцентирует результативный характер причины» [Всеволодова 1988: 43].

Предлоги ***в результате***, ***вследствие*** и ***в итоге*** сближаются с точки зрения ещё до конца нейтрализованного лексического значения их субстантивных компонентов, поскольку существительные *результат, следствие* и *итог*, на базе которых образованы данные ОПП, в одном из своих значений являются синонимами. В Словаре синонимов Н.А. Абрамова они включены в один синонимический ряд с доминантой ***следствие***: «Следствие, последствие, след, итог, плод, произведение, результат, сумма» [Абрамов 1999]. В Толковом словаре Т.Ф. Ефремовой значение результата трактуется как ‘то, что вытекает из какого-либо действия, явления, или следствие’ [Ефремова 2000].

Причинное значение у данных предлогов формулируется с учётом обязательной связи причины и следствия, выражаемого входящими в них субстантивными компонентами и уточняемого лексическим значением предиката, обозначающего каузируемую ситуацию. Предлог ***в результате*** используется при необходимости акцентировать очевидный результат исходной ситуации: *«В результате эксперимента были получены следующие данные»* (ж. «Информационные технологии»). В данном случае причинное значение у данного отымённого предлога осложняется дополнительным значением образа действия: ***В результате*** *эксперимента были получены следующие данные / Следуюшие данные были получены* ***путём эксперимента***.

Акцентируя внимание на соотношении времени реализации исходной и производной ситуаций, современные учёные устанавливают, что «предлог ***вследствие*** используется в том случае, если причиной является событие, которое имело место в прошлом» [Маркова 2016: 4]. Например: *«Многие из них нуждаются в медицинской помощи как раз вследствие потребления спиртосодержащих напитков»* (г. «Совершенно секретно»).

Примеров с ОПП ***вследствие***, в которых была бы выражена одновременность реализации причины и следствия, не обнаружено в НКРЯ.

Для предлогов ***в результате*** и ***в итоге*** характерно указание на рассмотренное выше соотношение времени реализации причины и следствия: причиной выступает событие, наступающее ранее события, называемого следствием. Например: *«Так, дореволюционные предметы постепенно девальвируются в послереволюционный период в результате потери статуса их первоначальными владельцами»* (ж. «Неприкосновенный запас»).

В состав предлогов ***в результате***, ***в итоге***, ***вследствие*** входит, помимо субстантива, и простой предлог ***в***, который, в свою очередь, усиливает результативный характер причины. Падежная форма именного компонента рассматриваемых предлогов, не совпадают: в первых двух предлогах

первообразный предлог сочетается с предложным падежом, тогда как в последнем предлоге – с винительным падежом.

В толковых словарях значение предлогов ***в результате*** и ***вследствие*** (предлог ***в итоге*** в словарях отсутствует) чаще всего трактуется с помощью синонимичных им предлогов причины. Например, в словаре Т.Ф. Ефремовой и в Малом академическом словаре лексическое значение предлога ***в результате*** толкуется через синонимы ***вследствие, благодаря*** [Ефремова 2000; Сл-рь русск. яз, т. 3, 1987: 700]; в словаре С.И. Ожегова – с помощью синонимов ***вследствие, из-за*** [Ожегов 1999: 674]. Лексическое значение предлога ***вследствие*** в словаре Т.Ф. Ефремовой, в словаре С.И. Ожегова и в Малом академическом словаре объясняется одним и тем же способом – посредством синонимов ***по причине, из-за*** [Ефремова 2000; Ожегов 1999: 105; Сл-рь русск. яз, т. 1, 1985: 232].

Предлоги ***в результате***, ***вследствие*** и ***в итоге*** объединяются и тем, что они управляют родительным падежом имени. Сопоставление конкретных случаев функционирования анализируемых предлогов позволяет определить, что предлог ***в результате*** характерен для контекстов, где причиной является активное действие, обусловившее благоприятное следствие или результат [Одинцова 2004: 486]. Наример: *«Позитивный опыт в этом плане получен в результате работы специально созданных Советом консультативных групп по Гаити и Гвинее-Бисау»* (ж. «Дипломатический вестник») – работа консультативных групп является причиной, вызвавшей позитивное следствие.

ОПП ***в результате, вследствие*** *и* ***в итоге*** употребляются, как правильно, с абстрактными именами существительными в родительным падежом: *в результате воздействий, исследований, обыска, отбора, потери, соглашения, стирки, творчества* и т. п.; *вследствие взаимодействий, затягивания, минерализации, недополучения, охлаждения, потребления, преподавания, роста, сдачи, сокращения* и др.; *в итоге исследований, работы, раздумий, размышлений.*

Отмечается, что лексический круг, в сочетании с которым употребляются предлоги ***в результате*** и ***вследствие,*** шире, чем лексический круг, с которым употребляется предлог ***в итоге*** [Гареева 2012: 18]. Полагаем, именно по данной причине предлог ***в итоге*** гораздо менее продуктивен.

С анафорическим местоимением ***это*** могут употребляться предлоги ***в результате*** *(в результате этого, около 140 употреблений в НКРЯ)* и *вследствие* (*вследствие этого*, 2243 употребления). Например: *«И в результате этого улучшить и качество жизни на селе»* (Д.А. Медведев. «Послание Федеральному Собранию»); «*Вследствие этого озеро в любой момент может стать ядовитым»* (ж. «Знание – сила»). Для сочетаний ***в результате этого*** и ***вследствие этого*** характерно расположение в абсолютном начале последующего предложения, поскольку они выступают средствами связи данного предложения с предыдущим, где названа причина.

Предлоги ***в результате*** и ***вследствие*** образуют подчинительные союзы причины ***в результате того что*** и ***вследствие того что***, зафиксированные в толковых словарях. Например, в словаре Т.Ф. Ефремовой союз ***в результате того что*** объясняется с указанием его семантического оттенка, зависящего от входящего в данный союз предлога ***в результате***: ‘употребляется при присоединении придаточной части сложноподчиненного предложения, в которой указывается причина, являющаяся практическим результатом действия’ [Ефремова 2000]; относительно союза ***вследствие того что*** указано, что присоединяемое им придаточное содержит «непосредственную причину действия главной части» [Там же]. Названные союзы присоединяют придаточное причины к главной части СПП, притом для таких придаточных характерна постпозиция: *«В частности, традиционные липучки теряют свои свойства вследствие того, что их облепляют насекомые»* (ж. «Знание – сила*»); «Костяк партии сформировался в результате того, что мы смогли привлечь в неё много сильных людей, разделяющих наши взгляды»* (ж. «Русский репортёр»). Главная часть СПП описывает следствие, между тем как

придаточное – причину данного следствия. Предлог ***в итоге***, в отличие от ***вследствие*** и ***в результате***, не образует подчинительного союза подобной структуры. Предлоги, будучи включены в составные причинные союзы, сохраняют свою семантику, а на выбор союза влияет характер исходной и производной ситуаций, представленных в СПП с придаточным причины или следствия.

Субъект каузирующей и каузируемой ситуаций в предложениях с анализируемыми отымёнными предлогами причины чаще всего различаются: *«Но в результате греховного актёрского творчества человечество приобретает важнейший опыт»* (г. «Богатей»). Совпадение субъекта каузирующей и каузируемой ситуаций наблюдается в том случае, если каузирующая и каузируемая ситуации относятся к одному лицу. Например: *«В итоге Ливонской войны Россия была разорена и потеряла все приобретения в Ливонии и на востоке Литвы»* («История», 5 кл.) – Россия является и субъектом каузирующей ситуации (она участвовала в войне), и субъектом каузируемой ситуации (понесла потери в итоге войны); *«В результате исследований Монагас выявил пять типов младенческого плача»* (ж. «Юный техник») Монагас – субъект и каузирующей, и каузируемой ситуации, так как он проводил исследование и получил результаты исследования.

Анализируемые предлоги (в том числе и малоупотребительный ***в итоге***) свободно употребляются с согласуемыми указательными местоимениями ***этот***, ***тот***, ***такой*** в различных формах. Например: «*В результате этих исследований были открыты разветвленные цепные реакции»* (ж. «Химия и жизнь»); *«Вследствие такого преподавания дети без особого труда и сознательно усваивают изучаемый предмет»* (ж. «Наука и жизнь»); *«В итоге такой работы должна будет получиться трехмерная модель формирования айсбергов, которые откалываются от этого ледника»* (ж. «Русский репортёр»).

Наиболее высокой является степень сформированности предлога ***вследствие***. Процесс препозиционализации в данном случае полностью завершён, утвердилось слитное написание, грамматические омонимы имеют совершенно иную семантику: *«Преступление раскрыто и задокументировано. Подпишите сопроводительную в следствие»* (Д.А. Корецкий. «Менты не ангелы, но…»).

Установленным фактом следует считать синонимию между всеми тремя предлогами: ***в результате***, ***в итоге***, ***вследствие***. Общий компонент их значения формулируется следующим образом: ‘причина, непосредственно обусловливающая результат, следствие’. Однако данная синонимия не является полной, так как каждый из предлогов имеет своеобразный семантический оттенок, определяемый контекстом: «…Данные единицы не всегда взаимозаменяемы и не являются вариантами одного предлога» [Гареева 2012: 18].

Стилистическая окраска предлогов ***в результате***, ***в итоге***, ***вследствие*** – книжная. Предлог ***в результате*** широко употребляется в официально-деловом стиле, к примеру, в тексте протокола: *«В результате обыска в квартире погибшей обнаружены различные записи, в которых содержались имена молодых людей и девушек, а также различные денежные суммы»* (ж. «Криминальный отдел»). В научном стиле он особенно часто используется при описании результатов наблюдений и экспериментов: *«В результате последующих воздействий систематических факторов начальные распределения в течение времени наблюдений постепенно изменяют свою форму»* (ж. «Вопросы психологии»). Предлог ***в результате*** имеет активное употребление в научно-техническом подстиле научного стиля [Николенко 2017: 350]. Данный предлог употребляется и в газетно-публицистическом стиле, особенно в случае имитации деловой, канцелярской стилистики: *«В результате операции, противоречащей не только закону, но и здравому смыслу, город лишился одиннадцати объектов недвижимости»* (г. «Богатей»).

Предлог ***в итоге*** преимущественно используется в научном стиле речи при передаче информации об итогах размышлений, изысканий, исследований. Например: *«Параллельно в итоге исследований старшего научного сотрудника ЦНИИТОЧМАШа П. Ткачева, проводимых в рамках темы “Абакан”, были предложены две новые перспективные схемы автоматики»* (ж. «Солдат удачи»).

Информация о книжной стилистической окраске предлога ***вследствие*** отражена в ряде словарей, в том числе в Толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова [Толк. сл-рь русск. яз. 2000]. Особенно часто данный предлог используется в официальных документах (законах, постановлениях, договорах и др.), когда речь идёт о неисполнении одной из сторон своих обязанностей и наступающем вследствие этого последствии: *«Исполнитель несёт ответственность за материальный ущерб и моральный вред, причинённый Заказчику вследствие недостатков предоставленного тура…»* (Договор о туристических услугах).

Использование данного предлога в обиходно-бытовом и художественном стилях оказывается неуместным, тем не менее такие примеры встречаются, притом даже в произведениях известных писателей: *«Каштаны роняют дырчатые, как дуршлаги, тени. Вследствие погоды в сквере многолюдно»* (Д. Гуцко. «Тварец»).

Таким образом, ОПП ***в результате***, ***в итоге***, ***вследствие*** характерны для текстов в первую очередь официально-делового стиля.

2.2.3. Функционирование отымённых предлогов причины *по милости, по поводу, по случаю, ввиду*

Лексема ***милость*** обозначает ‘доброе, человеколюбивое отношение’ [Ожегов 1999: 356]. Несомненно, лексическое значение данного имени существительного оказывает влияние на значение отымённого предлога

причины ***по милости***, употребляемого «при указании на благоприятную причину совершения действия, т. е. причину, вызывающую положительный результат», и синонимичного предлогу ***благодаря*** [Гареева 2011: 41]. Данный факт подтверждается следующим примером из Национального корпуса русского языка: *«Но он не жаловался на судьбу и не желал себе иной доли, чем та, которую имел по милости Курфюрста»* (В. Быков. «Главный кригсман») (***по милости Курфюрста = благодаря Курфюрсту***).

По милости обладает и вторичным значением, полностью противоположным первичному. В данном значении он употребляется «при указании на неблагаприятную причину действия» [Гареева 2011: 42] и поэтому синонимичен предлогу ***из-за***: «*Из года в год российские рыбаки по милости правительства РФ до последнего момента не знают, когда, где, чего и сколько им будет дозволено ловить и будет ли такое дозволение вообще*» (газ. «Ежедневные новости») (=***из-за*** *правительства РФ*).

Значение неблагоприятной причины у данного предлога отражено в толковом словаре С.И. Ожегова посредством синонимов: «*из-за кого-нибудь, по вине кого-нибудь*» [Ожегов 1999: 356].

Рассматривая лексемы, с которыми употребляется предлог ***по милости***, можно заметить, что он «употребляется преимущественно с одушевленными существительными» [Гареева 2011: 41]. Субъект каузирующей ситуации – лицо, к которому имеет прямое отношение определённое событие, вызывающее негативное или благоприятное следствие: *«Приходилось, выжидая, валять дурака, чем я и занимался по милости Ефима Шлайна в этой благословенной стране уже несколько дней»* (В. Скворцов. «Каникулы вне закона»); *«По милости судьбы арестован он не был даже тогда, когда в самом конце войны написал гневное письмо на имя члена Военного совета о мародёрстве и массовых изнасилованиях немецких женщин, о недостойном поведении советских солдат и даже офицеров, носящих высокое звание воинов-освободителей…»* (ж. «Новый Мир»).

Будучи употреблено с притяжательным прилагательным ***божий***, выражение ***по милости*** утрачивает статус отымённого предлога причины, становится свободным предложно-падежным сочетанием с дательным падежом существительного ***милости*** в прямом значении и образует с данным притяжательным прилагательным фразеологическое сочетание ***по милости Божией***. Фразеологизм в данной форме не зафиксирован в словарях и имеет ограниченное употребление (встречается в текстах богословского характера): *«По милости Божией будущий Предстоятель Русской Церкви возрастал и укреплялся духом в истинно православной атмосфере домашней церкви»* (ж. «Журнал Московской патриархии»).

Субъекты каузирующей и каузируемой ситуации в предложно-падежных конструкциях с предлогом ***по милости*** не совпадают. Характер причины, выражаемой с помощью данного отымённого предлога причины, зависит от лексического значения управляющего компонента: если глагол-сказуемое обозначает благоприятное следствие, то причина, разумеется, является тоже благоприятной; а если лексическое значение управляющего компонента указывает на негативное следствие, то причина мыслится как неблагоприятная. Например: «*По милости автора цветочный крест исполняет мечты: звонарь Тихон ласкается в бане с приглянувшейся вдовой»* (Сергей Шаргунов. «Россию надо выдумать заново?»); «*Может быть, по милости кого-то из бесплотных несчастье пришло в семью с началом лета, когда солнце может готовить пищу не хуже огня»* (ж. «Урал»)

Непроизводный предлог ***по*** в составе предлога ***по милости*** реализует своё причинное значение (*Не пришёл по болезни (из-за болезни*), косвенно указывая на наличие связи семантики субстантивного компонента с концептом «Причина», между тем как субстантивный компонент ***милость*** служит средством конкретизации характера каузирующего фактора, понимаемого как проявление благой воли или вины (возможно, неосознаваемой субъектом вины, невольной, но не прощённой пострадавшим),

что и оказывается одним из факторов формирования производного предлога на базе свободного предложно-падежного сочетания ***по милости***.

Предлог ***по милости*** не употребляется с анафорическим местоимением ***это***, чем и отличается от ОПП ***в силу*** *(этого)*, ***в результате*** *(этого)*, ***вследствие*** *(этого)*, ***в итоге*** *(этого)*. Кроме того, на базе данного предлога не образуется подчинительный союз причины, поэтому в НКРЯ нами не обнаружены примеры, где был бы употреблён подчинительный причинный союз ***по милости того что***.

По милости отличается от рассмотренных в предыдущих параграфах ОПП своей стилистической окраской. В Толковом словаре С.И. Ожегова он поясняется с помощью пометы «ироническое»[9] [Ожегов 1999: 356], между тем как в Словаре под редакцией Д.Н. Ушакова – с помощью двух помет – «разговорное», «ироническое» [Толк. сл-рь русск. яз. 2000], поэтому предложно-падежные сочетания с данным ОПП функционируют исключительно в разговорной речи.

Употребляясь в языке художественной литературы, предлог ***по милости***, наряду с другими языковыми единицами, служит для стилизации устной разговорной речи: *«А как их разгонишь, ежели, почитай, каждую ночь по милости этого хрыча колченогого Родислава Бутыча солнышко на добавочный осмотр ставят, время тянут, холоду нагоняют…»* (Е. Лукин. «Катали мы ваше солнце»).

Таким образом, предлог ***по милости*** занимает особое место в системе русских ОПП, ограничивается в употреблении с одушевлёнными существительными, метонимически указывающими на ситуацию вины в целом, обладает ироническим смысловым оттенком при выражении

[9] На наш взгляд, семантический оттенок иронии у данного ОПП возникает в результате изменения первичного лексического значения его субстантивного компонента на противоположное.

неблагоприятной причины, функционирует исключительно в разговорной речи.

Предлоги ***по поводу***, ***по случаю***, ***ввиду*** объединены функцией выражения наиболее заметного, хотя, возможно, и не самого важного каузирующего явления.

По поводу и ***по случаю*** сходны по значению и структуре, будучи образованы на базе сочетаний непроизводного предлога ***по***, сохраняющего причинное значение и тем самым укрепляющего релятивное значение субстантивного компонента, и формы дательного падежа имён существительных ***повод*** и ***случай***, указывающих, в свою очередь, на определённые аспекты концепта «Причина».

В толковых словарях лексическое значение данных предлогов объясняется в общем виде, с указанием на их общее причинное значение, как, например, в Словаре Т.Ф. Ефремовой [Толк. сл-рь русск. яз. 2000] или в Словаре под редакцией Д.Н. Ушакова, где предлог ***по случаю*** поясняется с помощью синонима «*вследствие какого-нибудь обстоятельства*».

В русистике отмечается недостаточная изученность предлога ***по случаю***, но при этом утверждается, что отнесение сочетания ***по случаю*** к разряду предлогов сегодня не вызывает сомнения [Финкель 1962: 53, 54].

Устанавливая различия между предлогами ***по поводу*** и ***по случаю***, Л. М. Гареева отмечает, что, в отличие от первого предлога, второй предлог «употребляется с именем существительным, указывающим на знаменательное событие, послужившее основанием для какого-либо действия, события» [Гареева 2011: 44].

В НКРЯ зафиксировано 2900 примеров использования предлога ***по поводу*** и 4080 примеров использования предлога ***по случаю***.

Связь исходной и производной ситуаций в предложно-падежных конструкциях с предлогами ***по поводу*** и ***по случаю*** – косвенная, объективная. Лексемы ***повод*** и ***случай*** конкретизируют концепт «Причина» и выступают

как обозначение события-предпосылки для реализации события-следствия и как феномен-каузатор в числе других явлений, обладающих миропорождающим потенциалом.

Субъект каузирующей и каузируемой ситуаций в высказываниях с предлогами ***по поводу*** и ***по случаю*** обычно не совпадают. Например: «*Жил он в Ленинских бараках Барселоны и в отеле на знаменитом бульваре Рамблас, который не может миновать ни один турист, прибывающий в столицу Каталонии, где, кстати, проходили торжества по поводу возвращения Колумба из далёкой Зипангу»* (ж. «Знание – сила»). В данном примере субъектом каузирующей ситуации является Колумб, между тем как субъектами каузируемой ситуации – те, кто организовали торжества.

ОПП ***по поводу*** имеет грамматический омоним: *«США после событий 11 сентября осознали, что бодаться с Китаем и с нами* ***по поводу*** *и без повода особой выгоды нет, поэтому начали поиск путей сближения позиций»* (г. «Вечерняя Москва»). Данное выражение представляет собой сочетание предлога ***по*** и формы дательного падежа имени существительного ***повод***, которое обозначает определённый вид концепта «Причина» и служит основой для образования отымённого предлога ***по поводу***.

Отымённый предлог ***по поводу*** многозначен, помимо причинного значения, он обладает и делиберативным значением и указывает на «кого-либо или что-либо как на объект высказывания» [Ефремова 2000], притом в большинстве примеров, подобранных нами из НКРЯ, данный производный предлог выражает значение речи и мысли: *«Потом напишу заявление в полицию и в суд по поводу невозврата кредитов»* (ж. «Русский репортёр»). Однако причинное значение при этом тоже имеет место: невозврат кредитов – основание для обращения в органы защиты правопорядка. Предлог ***по поводу*** в делиберативном значении характерен для разговорного стиля: *«Настя спросила: а что ты думаешь* ***по поводу*** *усыновления?»* (ж. «Русский репортёр»).

По поводу и ***по случаю*** как предлоги причины употребляются только в книжной речи, в частности в газетно-публицистическом стиле. Например: «*17 октября 2003 г. в столице Тайваня, городе Тайбэй, прошла официальная церемония по поводу окончания строительства 101-этажного Финансового центра высотой 508 метров*» (ж. «Мир & Дом. City»); *«По случаю международного дня медицинской сестры, который ежегодно отмечается 12 мая, вице-председатель демократической партии Валентина Булига поздравила медсестер с их профессиональным праздником»* (газ. «Комсомольская правда»)

Предлог ***ввиду*** отличается от других ОПП своеобразной семантикой. Часть лингвистов трактует значение предлога ***ввиду*** в общем виде: «…Означает причину следствия» [Матюшенко 2017: 1738], «Предлог со значением указания на непосредственную причину чего-либо» [Гареева 2011: 40]; другие лингвисты интерпретируют данный предлог более конкретно: «…Указывает на предстоящее событие, которое принимается во внимание» [Всеволодова 1988: 43; Маркова 2016: 4], «указывает на причину – действие в будущем» [Одинцова 2016: 5]. Однако данная трактовка, на наш взгляд, не вполне справедлива, поскольку предлог ***ввиду*** употребляется и с существительным, обозначающим событие, предшествующее событию-следствию: «*И хоть залы фестивальных спектаклей* ***ввиду*** *устоявшейся хорошей погоды отнюдь не были переполнены, эта связь состоялась*» (газ. «Экран и сцена»).

В НКРЯ зафиксировано 6120 примеров употребления предлога ***ввиду***, при этом примерно в 80 % случаев предлог ***ввиду*** используется как для обозначения причины, так и для придания информации официального характера: *«Присяжные оправдали Протопопова ввиду его невменяемости в момент совершения преступления»* (ж. «Отечественные записки»). В приведенном примере, с точки зрения времени реализации, событие – причина

происходит до момента события – следствия (сначала стал невменяем, а затем оправдали).

В Толковом словаре Д.Н. Ушакова указано, что предлог ***ввиду*** обозначает «по причине, принимая во внимание (что-нибудь предстоящее)» [Толк. сл-рь русск. яз. 2000], а в Малом академическом словаре значение данного предлога трактуется как ‘принимая во внимание что-либо, по причине чего-либо’ [Сл-рь русск. яз., т. 1, 1985: 141]. Аналогично толкование и в словаре Т.Ф. Ефремовой [Ефремова 2000].

С помощью данного предлога косвенно маркирован субъективный параметр установления причинно-следственной связи: каузирующий фактор оказывается в поле внимания того, от кого зависит приятие решения. Следовательно, предлог ***ввиду*** используется в контекстах, где речь идёт не об объективной и стихийной связи причины и следствия, а о подлежащем контролю действии, вызванном осознаваемыми объективными факторами.

Ввиду в значительной степени отошёл от исходного предложно-падежного сочетания в результате десемантизации его субстантивного компонента и его существенного отличия от производящей единицы в орфографии, употребляется только в причинном значении, выражая очевидную и обычно предстоящую причину. Причинно-следственная связь, выраженная данным предлогом, прямая и маркированная объективным положением дел.

Данный отымённый предлог употребляется с абстрактными именами существительными, которые обозначают некие обстоятельства, влияющие на человека-субъекта каузируемой ситуации: *ввиду демографической ситуации, ввиду экзаменов, ввиду отсутствия границ, ввиду всеобщего разделения труда* и т. п., а также с анафорическим местоимением ***это***, указывающим на причину события, названную в предыдущем контексте: *«Ввиду этого прошу Вашего распоряжения об откомандировании меня из экономическо-правового отдела, ровно как и из Народного Комиссариата вообще»* (А. Терехов. «Каменный

мост»). В таком предложении названо только следствие, а сама причина была обозначена в предыдущем предложении.

Предлог ***ввиду*** образует производный причинный союз «***ввиду того что***». Например: *«Ввиду того что Россия до сих пор не имеет своего отечественного препарата против краснухи, в последние годы в нашей стране проводилась лишь ограниченная вакцинация восприимчивых контингентов»* (ж. «Вопросы вирусологии»). В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой отмечается, что данный производный причинный союз «употребляется при присоединении придаточной части сложноподчиненного предложения, в которой содержится причинное обоснование действия главной части» [Ефремова 2000]. В русском языке союз причины «*ввиду того что*» используется широко, и в НКРЯ зафиксировано более 900 примеров функционирования данного союза.

На базе сочетания предлога ***ввиду*** и местоимения в родительном падеже ***чего*** образуется союзное слово ***ввиду чего***, используемое для соединения придаточного присоединительного со значением следствия с главной частью СПП. В НКРЯ зафиксировано 57 примеров функционирования данного союзного слова: *«…Бабушка всё порывалась прояснить, откуда взялась моя загадочная фамилия,* ***ввиду чего*** *я подумал, что евреи вообще и Евреиновы в частности всё-таки не одно и то же…»* (В. Рецептер. «Ностальгия по Японии»).

Предлог ***ввиду*** обладает книжной окраской и используется в первую очередь в официально-деловом и научном стилях: *«Это означает, что фактическое количество выведенной таким образом из производства сельскохозяйственной земли оценить вообще нереально, ввиду недостоверности данных Минсельхоза и Роснедвижимости, которую установила Счётная палата»* (ж. «Однако»);*«Синтез микроРНК в искусственных условиях не представляет проблем, а их стабилизация и*

доставка в клетки и организмы, ввиду малых размеров, будет, по-видимому, делом несложной техники» (ж. «Вестник РАН»).

Использование данного предлога в разговорной речи, где зачастую употребляется сниженная лексика, на наш взгляд, нарушает стилистические нормы русского языка, однако в НКРЯ мы всё-таки обнаружили примеры с подобными “стилистическими ошибками”: *«Я прощал ему выходки ввиду его исключительной даровитости…»* (ж. «Зеркало мира»).

Таким образом, функционирование различных ОПП в современном русском языке зависит от ряда факторов: степени сформированности, специфики их значения, сферы использования, стилистической окраски и т.п.

Выводы

1. Функционирование отыменных предлогов причины определяется не только необходимостью выразить причинно-следственную связь между явлениями, обозначенными предложно-падежной словоформой (причина) и управляющей синтаксической единицей (следствие), но и возможностью более тонко квалифицировать характер этой связи с точки зрения субъекта наблюдения.
2. Субстантивный компонент ОПП выполняет роль семантического квалификатора: характер лексического значения и грамматическое своеобразие каузирующего и каузируемого элементов (соответственно, играющих роль управляемого и управляющего компонентов синтаксической конструкции) в высказываниях с ОПП в значительной степени коррелируют со словообразовательными связями этих предлогов и обусловлены семантикой субстантивного компонента в их составе.

3. Немаркированной единицей в группе ОПП следует признать предлог ***по причине***, в составе которого субстантивный компонент служит средством нейтрализации многозначности непроизводного предлога ***по***.

4. Сопоставление структуры отымённых предлогов причины, выделяемых в академических грамматиках и в научных исследованиях на протяжении более пятидесяти лет, показывает, что сочетание падежных словоформ с непроизводными предлогами причины определяет структурные модели для образования ОПП; продуктивными в современном русском языке являются следующие модели: «**ПО + N_3**» (*по причине, по случаю, по поводу, по милости*); «**В + N_4**» (*в силу*); «**В + N_6 + С**» (*в результате, в связи с, в соответствии с*); «**ПОД + N_5**» (*под влиянием, под воздействием, под действием, под давлением*).

5. Функционирование других ОПП связано с характером явлений, выступающих в роли причины и следствия: предлоги ***в результате, вследствие, в итоге*** связан с событийной семантикой причины и следствия (действие и изменение состояния), предлог ***в силу*** – с каузирующей значимостью некоего статального положения дел, предлог ***по милости*** – с некими негативными действиями субъекта каузирующей ситуации по отношению к актанту каузируемой ситуации. Предлог ***ввиду*** сигнализирует о факте осознанного отношения к некоему положению дел как к причине вытекающих из неё действий.

6. В ходе формирования ОПП важную роль играет лексическое значение субстантивного компонента, указывающего на важные аспекты бинарного концепта «Причина – следствие». Анализ рассмотренных в главе 2 предлогов показал, что с семантической точки зрения значимыми оказываются следующие аспекты лексического значения:

– связь причины и следствия (***в результате, в итоге, вследствие***);

– выделенность феномена-каузатора в числе других явлений (***по случаю***);

– связь одного явления/события с другим (***по случаю***);

– воздействующий, приводящий в действие характер связи каузирующего с каузируемым (***по поводу***);

– воздействующий потенциал, сила каузатора (***в силу***);

– временная последовательность причины и следствия (***в итоге***);

– сближение причины и цели в качестве мотивирующих факторов в отношении предстоящих событий (***ввиду***);

– фактор субъективного осознания того или иного положения дел в качестве каузатора, принимаемого во внимание при выборе стратегии поведения (***ввиду***);

– конкретный тип явления–каузатора – например, проявление благой воли или вины (***по милости***).

Эти же закономерности, если судить по работам, в которых рассмотрены другие отымённые предлоги причины, характерны в целом для этой группы и объясняют, почему именно предлоги с субстантивным компонентом составляют основной корпус новых единиц в числе предлогов причины, являясь одним из важнейших средств экспликации сложной семантики концепта «Причины» в современном русском языке.

7. Поскольку формирование большинства ОПП связано с активным развитием книжной речи, начавшимся во второй половине XVIII в., то они стилистически маркированы и чаще употребляются в книжных стилях речи – деловом, научном, публицистическом. Устаревший предлог ***по милости***, выражая благоприятную или неблагоприятную причину (с ироническим оттенком), придает конструкции с ним разговорный характер.

ГЛАВА III. МНОГОАСПЕКТНОСТЬ РУССКИХ ОТЫМЁННЫХ ПРЕДЛОГОВ ПРИЧИНЫ

3.1. Отымённые предлоги причины как средство детализации ключевого концепта «причина»

Являясь одним из средств выражения причинно-следственных отношений, предлоги причины русского языка выражают сущность понятия «причина» в языковом сознании. Отыменные предлоги причины обладают в этом отношении особыми свойствами. Если непроизводные предлоги причины, в силу их многозначности, отражают метафорическую связь причинной семантики с пространственной (например, ***по***, ***с***), то отыменные предлоги, являясь по происхождению предложно-падежными словосочетаниями, сохраняют словообразовательные и семантические связи с именами существительными, называющими существенные аспекты концепта «Причина» или виды причинных отношений. Конечно, подобную связь сохраняют и другие производные предлоги причины (например, ***благодаря***, ***согласно*** и др.), однако отыменные предлоги представляют особый научный интерес в силу их значительного количественного преобладания.

В зависимости от семантики компонентов, входящих в состав производных предлогов и обусловливающих их совокупное лексическое значение, А.М. Финкель делит предлоги на сильные и слабые: «Если лексическое значение входящего в их состав существительного уже исчезло, слившись со значением предложной части в одно целое, то такой отымённый предлог является сильным; если же лексическое значение существительного ощущается ещё явственно, то такой отымённый предлог является слабым» [Финкель 1962: 56]. По данной классификации, подавляющее большинство ОПП являются слабыми (***по причине***, ***по поводу***, ***по милости***, ***под влиянием***, ***за отсутствием*** и др.). Не полностью ослабленное лексическое значение

ключевых существительных обусловливает наличие у таких предлогов различных смысловых оттенков, что отмечается в научной литературе – например: [Русская грамматика 1980, т. I: 706]. Тем более это касается аналогов предлогов причины. Так, языковые единицы ***за отсутствием, за неимением, в отсутствии*** квалифицируют каузирующий фактор как отсутствие чего-либо, тогда как пресуппозицией причинно-следственных отношений является наличие какого-либо специфического положения дел. Отсутствие чего-либо, необладание чем-либо со стороны субъекта нарушают привычные условно-результативные отношения и мотивируют развитие событий. Здесь причинно-следственные отношения взаимодействуют с условно-результативными: отсутствие чего-либо мыслится как новое условие, вызывающее закономерный результат и потому актуализирующееся как причина. Например: «*Дело закрыли за отсутствием состава преступления, – только и сказали в краевом ГУВД*» (газ. «Комсомольская правда») – Дело закрыли, так как не обнаружено состава преступления. Антонимичное выражение ***при наличии*** служит средством выражения, скорее, условных отношений.

Размышления о семантической дифференциации производных предлогов причины, обусловленной их словообразовательными связями, представленными в работе В.В. Виноградова «Русский язык», послужили основанием для дальнейших научных исследований в этом направлении. Обращение к частным значениям предложно-падежных каузальных конструкций представлено в работах Р.Я. Калнберзинь [Калнберзинь 1957; 1958], А.М. Финкеля [Финкель 1962], Л.Н. Засориной [Засорина 1961], Н.С. Прудниковой [Прудникова 1980], Р.М. Теремовой [Теремова 1985] и др. Наши наблюдения по этой проблеме отражены в статье «Семантические особенности производных причинных предлогов в современном русском языке» [Гун Цзинсун 2016].

Проведенные лингвистические исследования показывают, что семантическая специфичность ОПП не только находится в прямой зависимости от степени десемантизации входящих в них компонентов, но также служит одним из факторов допустимости их синонимической замены. Так, предлоги ***в силу***, ***под влиянием***, ***под воздействием***, ***под давлением*** и под., обладающие прозрачной внутренней формой и включающие синонимичные компоненты ***сила***, ***влияние***, ***воздействие***, ***давление***, выражают частное причинное значение: они указывают на непосредственную причину, осложнённую оттенком воздействия объективного закона, и допускают взаимные синонимические замены. Например: *Люди меняют своё местожительство* ***под влиянием / в силу / под воздействием / под давлением*** *разных обстоятельств* (ж. «Психология на каждый день») – ср.: … ***из-за*** *разных обстоятельств*. Однако эта синонимия является неполной, что обнаруживается в соответствующих примерах: ***в силу*** *своего характера* / ***под влиянием*** (*давлением*) общественности / ***под воздействием*** *лекарства*. В качестве средств выражения причинной семантики соответствующие языковые единицы сохраняют различие между потенциальным (***в силу***) и непосредственным (***под давлением***, ***под влиянием***, ***под воздействием***) причинным фактором, контролируемым (***давление***, ***влияние***) или косвенно контролируемым (***воздействие***).

Фронтальный анализ ключевых существительных в составе ОПП показывает, что их связь с концептом «Причина» выражается в следующих направлениях:

- экспликация каузирующего положения дел (***по причине***);
- экспликация двуединой природы концепта, в котором причина предполагает следствие, а следствие свидетельствует о наличии причины (***в связи с***, ***в результате***, ***вследствие***);
- выражение каузирующего характера положения дел, выступающего в роли причины, – направленного действия, обладающего

миропорождающей потенцией (***под воздействием***, ***под действием***, ***под давлением***, ***под влиянием***, ***в силу***, ***по милости***);

- выражение закономерной и адекватной связи между причиной и следствием (***в соответствии с***, ***в результате***[10]);
- выражение различий между видами причинной обусловленности (***по поводу***, ***по случаю***, ***под предлогом***, ***по милости***[11]);
- косвенное указание на связь между объективными причинно-следственными отношениями положений дел и мотивированными ими рациональными действиями субъекта (***ввиду*** – ср.: *иметь* ***в виду***).

Среди ОПП выделяется группа, основная функция которой – выражение общей причинной семантики, без детализации и без интерпретации в оценочном отношении: ***по причине***, ***вследствие***, ***ввиду***, ***в результате*** – например: «*Исполнитель не несёт ответственности за сбои и потерю данных по причине дефектов вычислительной техники, магнитных носителей, вирусов и пр.* » (Договор об оказании сервисных услуг); «*Присяжные оправдали Протопопова ввиду его невменяемости в момент совершения преступления*» (ж. «Отечественные записки»); «*Это отражение образуется вследствие существующих в среде взаимовоздействий, обусловленных формой существования всего материального – его движением*» (ж. «Информационные технологии»).

В толковых словарях семантическая специфика производных причинных предлогов отражается непоследовательно. В ряде толкований они предстают как синонимы. Например, словаре Ожегова-Шведовой дается следующее объяснение семантики предлогов ***в силу***, ***в результате*** и ***ввиду***: ***в силу*** – ‘по причине чего-нибудь, из-за чего-нибудь’ [Ожегов 1999: 716], ***в результате*** – ‘вследствие чего-нибудь, из-за чего-нибудь’ [Там же:

---

[10] В эту же группу следует включить отадвербиальный предлог ***согласно***.

[11] Частное значение благоприятной причины выражает омонимичный деепричастию предлог ***благодаря.***

674], ***ввиду*** – ‘из-за чего-нибудь, по причине чего-нибудь’ [Там же: 70]. В таких толкованиях эти предлоги выглядят полными синонимами, между тем как между ними есть существенные смысловые различия, определяющие специфику их правильного употребления в речи.

Примеры типа *по болезни – по причине болезни*, *по рассеянности – по причине рассеянности* приводят к мысли о семантической избыточности предлога ***по причине***: ключевое имя существительное обозначает понятие, совпадающее с семантикой всей предложно-падежной группы. Однако компонент ***причина*** является средством нейтрализации полисемии предлога ***по*** и становится необходимым во многих словосочетаниях. Ср.: ***по*** *возвращении в город* (время события) – ***по причине*** *возвращения в город* (причина события). Предлог ***по причине***, подобно первообразным предлогам ***по***, ***от***, ***с***, ***из-за***, указывает на то, что употребляемое с ним имя существительное называет источник негативных последствий, при этом подчеркивая закономерность соответствия следствия причине. В качестве каузатора «печальных последствий» выступает предшествующее им негативное событие или качество актанта каузируемой ситуации: «*По причине бедности второго Николая два верхних этажа дома были возведены из дерева, крашенного под штукатурку»* (А. Балдин. «Московские праздные дни»); «*Огромны масштабы болезней, прогулов по причине пьянств*а» (ж. «Наш современник»). Производный предлог ***вследствие*** является полным синонимом предлога ***по причине***, хотя его внутренняя форма делает акцент на следствии как компоненте, неразрывно связанном с представлением о причине. В высказываниях с предлогом ***в результате*** причина представлена как событие, обусловившее закономерный итог; подчеркивается реальный, а не потенциальный характер причины, которая может вызвать как негативные, так и положительные следствия (в семантике этого предлога ослаблен компонент негативной зависимости): «*В результате взрыва погибли 20 человек*» (эл.

«Форум:12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым»); «*Это сообщение выдаётся автоматизированной системой, если в результате вычисления формула получила значение "ложь"*» (ж. «Информационные технологии, 2004»). Внутренняя форма предлога ***ввиду*** сохраняет значение очевидности каузирующего положения дел, хотя в употреблении этот предлог синонимичен предлогам ***по причине***, ***в результате***, ***вследствие***, ***в силу***.

На наш взгляд, наибольший интерес представляют ОПП, определенно выражающие частные аспекты причинной семантики.

Предлог ***в силу*** подчеркивает, что следствие представляет собой объективную и в определенной степени неизбежную закономерность, логично вытекает из сложившегося положения дел и является неизбежным, причем с помощью этого предлога описывается положение дел в мире людей (а не в мире природы и вещей), которое говорящий оценивает как негативное, в определенном смысле фатальное.

Семантика именного компонента предопределяет сохранение в предлоге метафорического значения объективной необходимости как принуждающей силы. Например: «*Воплощение мечты… в силу обстоятельств отложилось всего-то на двадцать лет*» (газ. «Комсомольская правда»). Проявление этих свойств предлога ***в силу*** обнаруживается в его сочетаемости с лексемами, включающими модальный компонент семантики: *в силу невозможности, в силу необходимости, в силу неизбежности.* Например: «*Работать подонки не любят и делают это лишь в силу необходимости иметь деньги на развлечения*» (ж. «Октябрь»); «*В силу разных обстоятельств и причин товар этот после Хасавюрта не защищался ни федеральной властью, ни казначейством*» (Геннадий Трошев «Моя война») (= *под влиянием разных обстоятельств и причин…*). Указанное значение объясняет синонимическую связь предлога ***в силу*** с предлогами ***под влиянием*** – связь

большую, чем синонимия с предлогом ***по причине***. Наблюдения показывают, что этот предлог употребляется преимущественно с абстрактными существительными, называющими положение дел обобщенно.

Внешняя вынуждающая и непосредственная причина выражается в сочетании с предлогами ***под влиянием, под воздействием***. В этом случае субъект каузируемой ситуации выступает как объект в ситуации каузирующей. Причина, выражаемая с помощью данных предлогов, предстает как воздействие некого лица, предмета или вещества, в результате которого обязательно произойдёт какое-то следствие (не обязательно негативное, но вынужденное), например: «*В дальнейшем возбуждение несколько резче, временами раздражительна, слышит голоса, высказывает бред преследования, на нее действуют электричеством, машина стоит под ее кроватью, волосы ее под влиянием электричества то растут, то уменьшаются, няня нарочно бросает ей их в пищу и т.д.*» (Т.А. Гейер. «К вопросу о пресенильных психозах»). Анализ примеров из НКРЯ показал, что вариативный именной компонент рассматриваемых предлогов связан с семантикой того существительного, с которым они употребляются. Если имя существительное обозначает лицо, то в составе предлога в качестве именного компонента используется словоформа ***влиянием***; в языковом сознании она ассоциируется со способностью лица с помощью речи или каких-либо других форм психического воздействия внушить другому лицу определённую мысль и тем самым повлиять на его волю и поступки: «*Под влиянием все тех же самаритян он превратился в глашатая совершенно нового Закона*» (ж. «Знание – сила»). В сочетании с существительными со значением вещества в составе предлога употребляется именной компонент ***воздействием***, который указывает на субстанцию, способную изменить физическое состояние лица или предмета: «*Углеродный диод GE Global Research способен излучать свет и*

изменять свои свойства под воздействием света» (ж. «Computerworld»). Однако заметим, что обнаруженная нами закономерность проявляется в русском языке непоследовательно.

Именной компонент ***давлением*** как часть предлога причины ***под давлением*** обозначает усиленное целенаправленное воздействие со стороны лица, социальной группы или инстанции: «*Объяснили своё поведение тем, что показания на следствии были даны под давлением сотрудников милиции*» (Газ. «Завтра»); «*В этом году правительство под давлением Думы наконец-то собирается внести законопроект, который должен отрегулировать на бюджетном уровне процедуру расходования средств стабилизационного фонда*» (Газ. «Время МН»).

Семантическая специфичность и ограниченность в сочетаемости предлога ***по милости***, употребляемого с существительными, называющими лицо, обусловлена ироническим переосмыслением семантики именного компонента: он указывает на вину одного лица, вызывающую негативные последствия в жизни другого лица. Имя субъекта каузирующей ситуации косвенно, метонимически указывает на ситуацию вины в целом: «*Я и еще 11 семей пострадали по милости Воробьева»* (ж. «Комсомольская правда»). Если указание на лицо в сочетании слов осуществляется с помощью притяжательного местоимения типа ***мой***, ***твой***, ***наш***, ***ваш***, ***его***, ***её***, ***их***, то всё выражение сразу утрачивает свойства предлога и превращается в предложно-падежное сочетание с синтаксически нечленимым словосочетанием: «*Это по твоей милости у нас все пошло прахом*» (ж. «Знамя»). В значении благой воли (имя существительное в Р. п. обычно называет лицо, наделенное властью и правом миловать) выражение ***по милости*** также не может быть квалифицировано как производный предлог – это сочетание непроизводного предлога и существительного в прямом значении: «*По милости царя мог я с наступившего года лишнее блюдо на стол ставить*» (И. М. Долгоруков.

«Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни»); замене на предлог ***из-за*** здесь препятствует определенность лексического значения субстантивного компонента, поддержанного семантикой существительного, обозначающего лицо, наделенное особыми полномочиями. Однако в поле нашего зрения оказались примеры, в которых сочетание слов ***по милости*** выступает в функции предлога причины с семантикой благоприятной каузирующей ситуации: указание на субъект «милости» осуществляется с помощью существительного со значением лица, не обладающего высшей властью и правом миловать; следовательно, слово «милость» выступает в переносном значении (но не в явно ироническом), следствие мыслится как благоприятное, а выражение ***по милости*** в этом случае синонимично предложно-падежной конструкции **благодаря + кому / чему**: *«По милости римлян появился местный хлеб, посыпанный кунжутными семечками»* (ж. «Крылья News») (***по милости римлян = благодаря римлянам***).

Сочетания с предлогами ***по случаю***, ***по поводу***, ***в связи с*** используются для обозначения не непосредственной причины, а внешнего мотивирующего обстоятельства. У события может быть глубинная причина, но она не называется. В этом отношении важным представляется предлагаемое в лингвистике разграничение предопределяющего (порождающего) и побочного (сопутствующего) факторов [Ляпон 1988: 110]. В высказываниях с названными предлогами событие предстает как звено в цепочке причинно-следственных связей, причем называется только очевидное стимулирующее его событие – предлог, а не подлинная причина. Например: «*По поводу открытия в Москве новой консерватории давался очень большой торжественный концерт, на который пришла вся Москва*» (Ф. И. Шаляпин. «Моим детям») [12]. С помощью этих предлогов

[12] Заметим, что в сочетании с предикатами эмоционального состояния конструкция с предлогом по поводу выражает объектное (делиберативное) значение, хотя причинное значение тоже сохраняется: «*Радоваться*

обозначаются положения дел, которые не обязательно предшествуют во времени каузируемому событию, поэтому семантика причины в таких высказываниях не в полной мере противопоставлена семантике цели: событие-стимул играет роль причины в качестве предстоящего, предполагаемого и нуждающегося в обеспечении правильного течения. Каузируемые положения дел, таким образом, играют роль основы для каузирующего. Это особенно явно в примерах, подобных следующему: «*И попал он прямёхонько в святую купель-прорубь, которую сделали по случаю праздника Крещенья*» (Газ. «Вестник США»).

Частное значение этих предлогов причины исключает возможность их синонимической замены на выражения с другими предлогами.

С помощью предлога ***по случаю*** выделяется социально наиболее значимое – такое, которое служит эмблемой всей цепи причинно-следственных связей; чаще такое событие каузирует действия, направленные на подготовку к нему или на следствия, необходимые для его обеспечения. Например*: «По случаю въезда В.В. Путина все станции метро на Елисейских полях работали только на пересадку…»* (газ. «Известия»).

Предлог ***в связи с***, указывая на неразрывную связь причины и следствия, обозначает рационально осознаваемый внешний (не обязательно непосредственный) мотив вынужденного действия. Например: «*Дальний Восток обеспокоен ситуацией, которая может развиться в связи с ядерными процессами, происходящими на “Фукусиме”*» (газ. «Комсомольская правда»). При этом предполагается, что характер связи допускает детализацию, пояснение, в чем именно она заключается.

или грустить по поводу перемен, которые несет с собой время, присуще всем народам» (Всеволод Овчинников. «Ветка сакуры»).

Выражения ***за неимением*** и ***за отсутствием*** можно, на наш взгляд, считать одной единицей – производным предлогом причины с вариативным именным компонентом. Словоформа с этим предлогом синонимична предложно-падежной словоформе ***без + Род. п.***, совмещающей семантику условия; употребление словоформы ***неимением*** обусловлено желанием говорящего обозначить отсутствие чего-либо именно в сфере обладания субъекта каузируемой ситуации, тогда как словоформа ***отсутствием*** не связана прямо с семантикой принадлежности. Так в следующем примере может быть употреблен только один из вариантивных компонентов: «*А я считаю, что грабеж выдуман, и прошу оправдать его* ***за отсутствием*** *СОБЫТИЯ грабежа*» (ж. «Русский репортер»). Однако возможны и контексты, в которых компоненты ***неимением*** и ***отсутствием*** синонимичны, например: «*Иногда мне казалось, что если он не говорит человечьим языком, то исключительно по нежеланию, как Фру-ру,* ***за отсутствием/неимением*** *соответствующего аппарата*» (В. Белоусова. «Второй выстрел»).

Как уже было сказано выше, внутренняя форма предлога ***за неимением*** / ***отсутствием*** подсказывает, что с его помощью обозначается причина такого положения дел, которое не имеет места при наличии того, что названо употребленным в сочетании с этим предлогом существительным. Высказывания с таким предлогом основаны на презумпции стандартного поведения в благоприятных условиях: в них сообщается об альтернативном способе бытия, который является компромиссным выходом при неблагоприятном развитии событий, вызванном отсутствием привычных условий, Например: «*За неимением фактов придется довольствоваться психологическими характеристиками*» (В. Белоусова. «Второй выстрел»); «*К сожалению, не пришлось нам испытать Argo на плаву – за отсутствием водоема*» (Н. Качурин, Д. Литошик «Главное – маневры» // «Автопилот»). В сочетаниях

с предлогом ***за неимением*** / ***отсутствием*** значение причины соединяется со значением условия, что свидетельствует о родстве и близости этих концептов. Семантическая аморфность этого предлога нейтрализуется в условиях употребления: причинное значение конструкции с этим предлогом приобретают в контексте реальной модальности, тогда как в высказываниях с модальностью возможности они выражают условное значение. Ср: «*К сожалению, чаще всего на эту работу идут за неимением более выгодных вариантов*» (Газ. «Социальный работник. Секреты профессии») (= потому, что не имеется более выгодных вариантов); «*Прежде всего он раздавил их в чане тяжелым пестом, тогда эти зерна дали жидкость, крепкую, как спирт, и за неимением кленового сахара можно было употреблять ее для подслащивания горячих напитков*» (Жюль Верн. «Два года каникул») (= если не было кленового сахара…).

Предлог ***в соответствии с*** выражает несобственно-причинное значение: он указывает на авторитетный фактор – внешнюю по отношению к действующему лицу причину, важнейшее условие, в соответствии с которым осуществляется действие или происходит событие. В конструкциях с таким предлогом передаётся значение права, возможности, объективно или субъективно понимаемых как закон, на основании которого может или должно иметь место некое положение дел. Например: «*В соответствии с решением ООН координацию сопоставлений на глобальном уровне осуществляет Всемирный банк*» (ж. «Эксперт»).

То же значение может быть выражено конструкцией ***на основании***, которую можно считать функциональным аналогом предлога ***в соответствии с***[13]. Например: «*На основании решения Совета Министров*

[13] В словаре Ожегова-Шведовой для словоформы ***на основании*** используется функциональная характеристика «в значении предлога» [Ожегов: 380]. Отмечено, что в состав этого выражения могут быть включены согласованные распространители (на том основании, на том единственном основании и др.). Безусловно, это свидетельствует о незавершенности образования нового производного предлога на базе

СССР уменьшены рыночные фонды 1989 года в целом, в том числе первого полугодия, по муке на 1266 тыс. тонн и крупе на 519 тыс. тонн» (Егор Гайдар. «Гибель империи») (= в соответствии с решением).

Таким образом, отыменные производные предлоги причины обогащают синонимические ресурсы речи, так предоставляя говорящему возможность тонкого и дифференцированного выражения причинной обусловленности. Семантическая специфика ОПП сложилась под влиянием разных факторов и не имеет строго системного характера, однако она отражает объективную потребность в специализированном средстве выражения того или иного значения, связанного с концептом «Причина». В итоге можно выделить семантические «множители», по-разному комбинируемые в предлогах этой группы, противопоставляющие их друг другу, объясняющие условия и границы их синонимии:

- характер каузирующего явления (действие, событие, природное явление, качество, свойство, состояние – физическое, психическое, эмоциональное, социальное);
- внешний или внутренний характер причины;
- прямой или косвенный, подлинный или декларируемый характер каузации;
- степень логичности, осознанности, объективности причинно-следственных связей;
- сила, необходимость каузирующего явления;
- социальная значимость каузирующего и каузируемого явлений;
- негативный или позитивный характер причины и вызванного ею следствия.

данного предложно-падежного сочетания, однако то же самое можно сказать о выражении по причине, что не мешает его квалифицировать как предлог.

Субстантивный компонент в составе отымённого причинного предлога выступает как средство актуализации концепта «Причина» (***по причине***) или связанного с ним концепта «Следствие» (***вследствие, в результате***), как средство детализации характера причины (***в силу, по милости, по случаю, по поводу, под предлогом, под давлением, под влиянием, под действием***), как средство ее оценки (***в силу, по милости, в соответствии с***). Специфические компоненты семантики ОПП в значительной степени определяются лексическим значением существительных, от которых они образованы, а входящие в состав ОПП первообразные предлоги уточняют, конкретизируют эту семантику.

Продолжающийся процесс пополнения состава предлогов причины на основе препозиционализации предложно-падежных сочетаний открывает богатые возможности как для сохранения в языковом сознании важнейших смысловых компонентов концепта «Причина», так и для появления в языке специальных средств выражения новых аспектов каузальной семантики.

3.2 Роль русских предлогов причины и их функционально-синтаксических аналогов в реализации градуальной семантики в тексте

Богатая система средств выражения причинности позволяет поставить вопрос о возможности их квантификации и анализа в аспекте категории градуальности. Изучение градационности признака, положенное работой Ю.Л. Воротникова [Воротников 1987], продолжено С.М. Колесниковой, в многочисленных исследованиях которой детально разработан понятийный аппарат – ключевые положения теории градуальности [Колесникова, 1998, 1999, 2000, 2014, 2015, 2016]; рассмотрены и объяснены понятия

градуальности, градуирования, градационной лексики, градуатора, градотатива, градуальной функции, градуирующего субъекта и градуируемого объекта, шкалы градаций. Обязательным признаком для установления градуальных отношений является квантификация объекта, устанавливаемая субъектом градуирования и позволяющая говорить о мере и степени квантификации. Под градуальностью понимается функционально-семантическая категория, отражающая ту или иную степень проявления качественного признака предмета или явления относительно другого предмета или явления либо нормы данного признака на шкале градации, а также переход такого же признака от одной степени проявления к другой [Колесникова 1999: 153].

В аспекте градуальности предлоги причины впервые рассмотрены в работах О.Ю. Сидоровой [Сидорова 2016; 2017], касающихся, прежде всего, непроизводных предлогов в сочетании с предикатами причинной обусловленности и направленных на анализ преимущественно градуальности силы воздействия ситуации-причины на ситуацию-следствие. С.М. Колесникова в монографии «Градуальность: системные связи и отношения» анализирует градуальность на материале не столько лексических, сколько грамматических единиц – местоименных слов, частиц, сказуемых и т. п., а также на материале текста [Колесникова 2012]. Именно текстовая реализация предлогов (художественно-поэтические тексты М.И. Цветаевой) позволяет исследователю говорить о выражении градуальной семантики с помощью данных служебных слов: «Акцентуация служебных слов в тексте выполняет смыслообразующую функцию за счёт реализации выделительно-усилительной (градуальной) роли языковых единиц» [Колесникова 2016: 121].

Разработанная С.М. Колесниковой теория градуальности разграничивает парадигматический и синтагматический аспекты данной категории [Колесникова: 2000]. Парадигматический аспект касается прежде всего лексических и грамматических единиц языка, синтагматический –

единиц речи, поскольку проявляется в сочетании языковых средств выражения градуальной семантики в конкретном высказывании.

Нам необходимо выяснить, допускает ли категория причины рассмотрение в аспекте категории градуальности, на каких основаниях может быть представлено градуирование причинной семантики, какие виды градуальных причинных значений могут быть выражены с помощью предлогов причины (грамматическим средством) и связана ли семантика именного компонента производных предлогов причины с тем или иным градуальным причинным значением. Обозначенные проблемы могут быть разрешены только применительно к ФСП причинности в целом. С точки зрения смысла в рамках категории причинности различаются [Всеволодова, Ященко: с. 7-9] следующие факторы:

1) наличие / отсутствие причинной обусловленности;

2) причина-действие (наличие качества) / причина-бездействие (отсутствие качества): *я приехал сюда по просьбе Андрея* (определённая причина) /*я приехал сюда не по просьбе Андрея* (неопределённая причина);

3) характер ситуации-причины, проявляющийся в семантических свойствах предиката причинной пропозиции (происшествие, действие – физическое, ментальное, речевое и др., состояние – природы или человека, свойство, качество и др.);

4) характер ситуации-следствия (в той же классификации, что и ситуации-причины);

5) одна причина / две причины и более;

6) степень известности / определенности причины;

7) прямой / косвенный характер причинной обусловленности;

8) благоприятный / неблагоприятный характер причинно-следственной связи.

Планом выражения причины в речи служит не только отдельный грамматический или лексический элемент, но и «взаимодействие элементов,

образующих определенную структуру», в которой представлены «связи не только однородных, но и разнородных языковых средств, в частности, грамматических и лексических» [Бондарко 1984: 24]. Кроме того, с разной степенью полноты может быть представлена пропозиция, соответствующая ситуации-причине.

М.С. Милованова отмечает, что «для современных лингвистических исследований характерно стремление описывать семантически сходные языковые единицы в рамках единого подхода, каким бы образом соответствующий смысл ни выражался: лексически, морфологически, синтаксически» [Милованова 2011: 3]. Это положение представляется нам важным для изучения средств выражения причинного значения в аспекте категории градуальности: градуирование обнаруживается не столько в области предлогов (тем более оно не может касаться исключительно ОПП), сколько в высказываниях с различными средствами выражения семантики причины – в том числе и с помощью предлогов, что находится в центре нашего внимания.

В рамках ФСК причинности выделяется несколько видов оппозиций, допускающих градуирование. Каждый из видов оппозиций выражается как специализированными грамматическими средствами, входящими в ядро ФСП причинности (предлогами и союзами причины), так и другими средствами – наречиями, перифразами с причинным значением. Градуальная семантика причинной обусловленности выражается сочетанием конструкций, обозначающих причину, с сочинительными союзами, с частицами и с вводно-модальными словами, то есть распознается в речи. На значимость контекста и речевой ситуации при установлении градуальных отношений указывает С.М. Колесникова [Колесникова 1998]. Например, градуальная семантика причинных предлогов актуализируется в том случае, если они вводят в предложение однородные члены и с помощью сочинительных союзов (чаще

двуместных противительно-сопоставительных и градационных) указывают на наличие или отсутствие события-причины или на определённую степень воздействия события-причины на событие-следствие: *«Водокачку сохранили* ***не из*** *рационального подхода,* ***а по причине*** *прекращения финансов»* (А. Снегирёв. «Вера»); «*Скольжение происходит* ***не только вследствие*** *лиофобности жидкости,* ***но и из-за*** *сорбции стенками капилляров коллоидных частиц*» (ж. «Русский химический журнал»). Для выражения отсутствия предполагаемой причины в высказывании употребляется сочетание первой части противительно-сопоставительного союза и первообразного причинного предлога ***не из***, для выражения наличия реальной причины же – сочетание второй части противительно-сопоставительного союза и отымённого причинного предлога ***а по причине***; меньшая степень воздействия события-причины на событие-следствие выражена сочетанием первой части градационного союза и отымённого предлога причины ***не только вследствие***, тогда как большая степень воздействия события-причины на событие-следствия – сочетанием первой части градационного союза и сложного предлога причины ***но и из-за***.

Решающим фактором для градуирования причинно-следственной связи следует считать её онтологический параметр, то есть наличие или отсутствие причинной обусловленности: градуированию подвергается сам факт установления причинно-следственной связи: наличие причинной обусловленности (**А**) / предположительное наличие причинной обусловленности (**Аб**) / табуированное указание на наличие другой причины или причинной обусловленности, которое подтверждается отрицанием наличия данной причины или причинной обусловленности, отрицание наличия одной причины или причинной обусловленности и подтверждение наличия другой причины или причинной обусловленности (**АБ**) (наличие одной причины и отсутствие другой равноправны по степени реализации) / нарушение ожидаемой причинной обусловленности (**аБ**) одного положения

дел другим / отсутствие причинной обусловленности (**Б**). Этот параметр сопровождается модальными показателями достоверности знания субъекта, мнения о наличии / отсутствии конкретной причинной обусловленности – имплицитными или эксплицитными (обязательными в зоне **Аб**).

В зоне **А** нет ограничений на средства выражения причинной семантики: *«Правда, США уже не собираются развертывать эту систему в обещанном объёме по причине отсутствия средств»* (ж. «Эксперт»); при этом возможно самое общее указание на наличие конкретной причины или анафорическое ее обозначение: **по определенной** (**конкретной, явной** и др.) **причине** / **по этой** (**такой, той) причине** (**поэтому**, **потому**): *«Александр Алисиевич заметил, что регистрация по закону не нужна для оформления на службу, и посоветовал органам правопорядка наказывать работодателей, отказывающих людям в трудоустройстве по этой причине»* (г. «Новгородские ведомости»).

В зоне **Аб** находится большая группа комбинированных языковых единиц, выражающих градуальную семантику предполагаемого наличия причинной обусловленности – с помощью вводно-модальных слов (***думаю , кажется, пожалуй, вероятно, возможно, видимо*** и под.), неопределенных местоимений (***по некой, какой-то, какой-нибудь*** *причине*), сочетания частицы ***не*** и первообразного предлога ***без*** в препозиции к существительному, обозначающему причину вообще или определённый аспект причины (***не без причины/причин, не без повода, не без основания*** *и др.*), а также наречия типа ***небеспричинно, неслучайно*** и т. д.

Зона **АБ** предполагает а) использование частицы ***не*** перед предложно-падежной конструкцией или придаточным причины: ***не от…, не по…, не по причине…, не благодаря…*** и др. ; б) употребление двух выражений с причинным значением в составе противительной конструкции ***«не…, а…»: не от…, а от…, не из-за…, а из-за…*** и под.; в) соединение выражений с причинным значением с помощью сочинительных разделительных союзов:

от… или от…; то ли из-за…, то ли из-за… и под. Зона **аБ** включает выражения с предлогами уступки или с придаточными уступительными с соответствующими союзами (*вопреки, несмотря на, невзирая на, вопреки тому что, несмотря на то что, невзирая на то что, даром что, хотя*), в которых обозначается такое положение дел, которое могло быть закономерной (предполагаемой на основе предыдущего опыта) причиной отмены другого обозначенного в высказывании положения дел, но не стало ею. Помимо грамматических показателей уступительной семантики важно, чтобы событие-следствие носило не потенциальный, а реальный характер, – в противном случае уступительная конструкция будет обременена оттенком ирреального условия: *Несмотря на дождь, мы пошли на шашлыки = шёл дождь, поэтому мы должны остаться дома и никуда не выходить / Несмотря на дождь, мы всё равно пойдём на шашлыки = Мы всё равно пойдём на шашлыки, даже если пойдёт дождь*. Зона **Б** (отсутствие причины и причинной обусловленности) выражается наречиями ***случайно*** (***вдруг, беспричинно, немотивированно*** и под.), словоформой ***без причины*** – с возможным согласуемым компонентом (***всякой, любой*** и др.). Приведем пример варьирования высказывания по градуированию онтологического параметра причинной обусловленности.

Таблица 1.

Градуирование причинной семантики по онтологическому параметру

Зона градуирования	Примеры
А (причина есть)	«*Однако Computex в прошлом году* ***из-за эпидемии*** *атипичной пневмонии перенесли с июня на сентябрь*» (ж. «Computerworld»)
Аб (наличие причины предполагается /	*Computex в прошлом году,* ***пожалуй, из-за эпидемии*** *атипичной пневмонии перенесли с июня на сентябрь.*

имеет субъективно-модальную оценку)	*Cotrutex в прошлом году перенесли с июня на сентябрь,* ***вероятно, не из-за эпидемии*** *атипичной пневмонии* *Cotrutex в прошлом году перенесли с июня на сентябрь,* ***конечно, не без причины****.* *Cotrutex в прошлом году перенесли с июня на сентябрь,* ***вероятно, не без причины****.*
АБ (отрицается предполагаемая причина, но не называется подлинная)	*Cotrutex в прошлом году перенесли с июня на сентябрь* ***не из-за эпидемии*** *атипичной пневмонии.*
аБ (предполагаемая причина таковой не является)	***Несмотря на эпидемию*** *атипичной пневмонии, Cotrutex в прошлом году не перенесли с июня на сентябрь.*
Б (наличие причины отрицается или неочевидно для субъекта мнения)	*Cotrutex в прошлом году перенесли с июня на сентябрь* ***без всякой / видимой причины****.*

Тип предиката в конструкциях, обозначающих ситуацию-причину и ситуацию-следствие (соответственно, тип пропозициональной семантики этих конструкций в целом), вызывает дифференциацию предлогов, но не связан с градуальностью, поэтому следует переходить к следующему (количественному) параметру.

Количественный параметр применим в случае установления факта причинной обусловленности. Следует различать единственную причину при одном следствии (**А**) / две причины одного положения дел (**АБ**) / много причин (Б) какого-либо положения дел. В зоне **А** используются лексические показатели единичности: *по единственной (одной) причине, исключительно (только, лишь, единственно) по причине* и т. п. В зоне **АБ** с помощью

бессоюзной перечислительной связи, сочинительных соединительных или градуальных союзов (в сочетании с выражениями, называющими причины) обозначается наличие двух равноправных или неравноправных причин; здесь возможно более тонкое градуирование: ***из-за (1), из-за (2); от… и от…; по…, а также от…; как из-за…, так и из-за…; не только из-за…, но и из-за…; не столько из-за…, сколько из-за…*** и под. Двойная причинная обусловленность может быть обозначена лексически (***по двум причинам***) в сочетании с пояснительной конструкцией. В зоне **Б** множественность причинной обусловленности выражается прежде всего лексически (***по разным / многим / нескольким причинам*** и т.п.) с дополнительным использованием пояснительной конструкции или с помощью однородного ряда, включающего три или более компонентов.

Таблица 2.

Градуирование причинной семантики по количественному параметру

Зона градуирования	Примеры
А (единственная причина)	*Певец Ванг Канг достиг больших успехов в своей профессии* ***именно благодаря упорству*** *и настойчивости в совершенствовании своих вокальных навыков.*
АБ (две причины)	*Певец Ванг Канг достиг больших успехов в своей профессии* ***не столько*** *благодаря своему таланту к музыке,* ***сколько и*** *благодаря упорству и настойчивости в совершенствовании своих вокальных навыков.* *Певец Ванг Канг достиг больших успехов в своей профессии* ***по двум причинам: благодаря*** *своему таланту к музыке и* ***благодаря*** *упорству и настойчивости в совершенствовании своих вокальных навыков.*
Б (много причин)	*Певец Ванг Канг достиг больших успехов в своей профессии* ***по многим причинам****:* ***благодаря*** *своему таланту к музыке,* ***благодаря*** *упорству и настойчивости в совершенствовании своих вокальных навыков и* ***благодаря*** *постоянной поддержке своей мамы и жены.*

Первые два параметра семантики причины были нами рассмотрены с применением шкалы переходности общего типа, позволяющей в целом отразить варьирование в квантитативном аспекте. Однако для изучения явлений градуальности применяется специальная шкала, описанная С.М. Колесниковой. На данной шкале градуальности немаркированным компонентом является признак, принимаемый за точку отсчёта, а маркированными являются направления убывания и нарастания количественного параметра признака [Колесникова 1997]. Результат объединения двух рассмотренных выше аспектов градуирования причинной семантики становится ещё одиним вариантом шкалы градуальности, на которой в качестве центральной точки будут высказывания, выражающие фактическую единственную причину, а противопоставленные направления градуирования будут соответствовать, с одной стороны, проблематичности и отсутствию причинной обусловленности («минус-причина»), а с другой – неединственности причинного обоснования («мультипричина»).

Рассмотрим пример выстраивания подобной шкалы, разные компоненты которой выражают различные степени градуирования причинной семантики

Таблица 3

Пример шкалы градуальности причинной семантики

Шкала	Значение и пример
Минус-причина	*Он переехал в Москву без всякой причины* **(отсутствие причины)** ↑ *Несмотря на смерть отца, он не переехал в Москву* **(III ступень убывания реализации причины)** ↑ *Он переехал в Москву не из-за смерти своего отца* **(II ступень убывания реализации причины)** ↑ *Он переехал в Москву, вероятно, из-за смерти своего отца*

	(I ступень убывания реализации причины) ↑
Норма	*Он переехал в Москву из-за смерти своего отца* **(реализация единственной причины как норма на шкале градуальности)**
Мультипричина	↓ *Он переехал в Москву не только из-за смерти отца, но и из-за желания учиться в университете* **(нарастание количества причин)** ↓ *Он переехал в Москву по многим причинам: из-за смерти отца, из-за потери работы и из-за желания учиться в университете* **(множество причин)**

Установление причинно-следственных отношений и их количественная и качественная интерпретация предполагают наличие субъекта мнения, который определяет подобные отношения с разной степенью уверенности, однако мы считаем нецелесообразным выделять достоверность в качестве отдельного параметра, так как в этом отношении причинность не отличается от других видов информации высказывания. Градация степени известности / достоверности причины выражается не только с помощью вводно-модальных слов (ср.: ***конечно, из-за… / вероятно, из-за…***), но и с помощью согласуемого лексического компонента при слове *причина* в составе члена предложения – ср.: *по понятной* (***очевидной, вероятной, возможной, непонятной, странной, неизвестной, предполагаемой, какой-то, некой***) *причине.*

Видно, что в градуировании причинной семантики по параметру наличия / отсутствия причины, количества причин сами предлоги – непроизводные и производные – никак не участвуют: в этой группе грамматических средств выражения причинности нет специализированных средств. Из фразеологизированных выражений наречного типа, имеющих

исходную предложно-падежную структуру с семантикой причины, предметом особого внимания являются выражения, в которых субстантивный компонент допускает варьирование по признаку числа: ***не без причин*** / ***не без причины***; ***не без оснований*** / ***не без оснований***. В составе этих выражений отрицательная семантика предлога ***без*** нейтрализована семантикой частицы ***не***; субстантивный компонент не предполагает валентную связь с существительным, называющим конкретную причину (в отличие от ОПП ***по причине*** и его функционально-синтаксического аналога ***на основании***), а потому выражения в целом служат средством обозначения наличия причинной обусловленности, по разным причинам не конретизируемой говорящим. Форма числа субстантивного компонента различает ситуации наличия хотя бы одной причины и наличия множества обусловливающих явлений. Впрочем, если контекст не поддерживает эту дифференциацию, то для выражения семантики неопределенной (неназываемой) причины формы единственного и множественного числа субстантива становятся равноправными – ср.: «*Еще больше тех, кто против отторжения от России города русской боевой славы, как его не без причины называют, Севастополя*» (Е.М. Примаков «Мир без России? К чему ведет политическая близорукость») – «*Вероятно, не без причин были убиваемы погребальщики, знавшие все подробности обряда*» (Н.К. Рерих «Листы дневника»); «*Не без основания кто-то назвал меня христианином-ницшеанцем*» (Н.А. Бердяев «автобиография») – «*Приостановил же расцвет бизнеса все тот же Наполеон – он не без оснований опасался, что город провалится»* (ж. «Огонек»).

Прямой (непосредственный) / **косвенный** (а потому ослабленный в его воздействующей функции) характер причинной обусловленности, напротив, тесно связан с выбором предлога в предложно-падежной конструкции, выражающей значение причины (а в сложноподчиненном предложении – семантически соотнесенного с таким предлогом союза причины). В этом отношении противопоставлены **собственно причина**, **повод**, **предлог** и

основание. Кроме того, обыденное понимание причины не совпадает с научной картиной действительности, поэтому под причиной не всегда понимается явление, сущностно обусловливающее другое положение дел. За словом «**причина**» на самом деле может стоять множество событий или их последовательность, тогда как называется в качестве причины только одно явление из множества (в зависимости от того, как интерпретируется действительность) – метонимический представитель всего множества событий, причина-посредник.

Выделение обоснования как вида причины предполагает реализацию двух его разновидностей: обоснования умозаключения (ментального действия, например, вывода) и обоснования институализированного действия. Так, непосредственной причиной выселения из квартиры не может быть постановление суда, но оно является представителем всей цепочки причинной обусловленности того, что стало следствием. Непроизводные предлоги причины не предназначены для разграничения этих видов причинно-следственных отношений (они называют причину в широком понимании), тогда как производные предлоги в определенной мере могут выполнять эту функцию. Не случайно в этом отношении не наблюдается полной синонимии первообразных и производных причинных предлогов.

Различия между понятиями «**причина**», «**повод**» и «**обоснование**». находят отражение в современных лингвистических словарях, среди которых наиболее дифференцированную интерпретацию данных понятий даёт Толковый словарь русского языка Ожегова и Шведовой. В данном словаре «**причина**» трактуется преимущественно как явление, вызывающее, обусловливающее возникновение другого явления, «**повод**» — как обстоятельство, способное быть основанием для чего-н., а «**обоснование**» — как то, чем что-н. обосновано, довод [Ожегова: с. 573, 705, 806].

На шкале градуальности центральное положение занимают конструкции с непроизводными предлогами, не маркирующими ни повод, ни собственно

причину. Рассмотрим подобные примеры: *принять неверное решение по неопытности / из духа противоречия / от усталости; расстроиться из-за неосторожных слов друга* – в приведенных примерах с непроизводными предлогами выбор предлога не зависит от прямого / отдаленного характера связи причины со следствием; семантика повода такими предлогами не выражается; предлоги в сочетании с падежной формой выражают значение причины недифференцированно по рассматриваемому признаку. Аналогично немаркированным является производные предлоги *по причине* (*вывести из эксплуатации по причине изношенности корпуса / непригодности к использованию*), *за неимением* (*за неимением денег расплатиться работой / за неимением паспорта не принят на работу*), *за отсутствием (за отсутствием расчески причесаться рукой / освободить из-под стражи за отсутствием состава преступления*). Это нулевая ступень градуальной шкалы по рассматриваемому признаку, наиболее ярким выразителем неградуированного значения является предлог *из-за*[14].

Градуирование в сторону отказа от выражения непосредственной связи причины и следствия выражается производными предлогами с субстантивным компонентом: ***в связи с*** (*купить костюм в связи с предстоящей свадьбой*), ***ввиду*** (*запастись дровами ввиду наступления зимы*), ***по поводу*** (*устроить праздник по поводу окончания школы*), ***по случаю*** (*надеть новое платье по случаю приезда гостей*). Конструкции с этими предлогами не могут быть заменены синонимичными с предлогом *из-за*, так как обозначают не прямую причину, а повод. Семантика обоснования выражается преимущественно функциональными аналогами предлогов: ***на основании*** - *«На основании решения Совета Министров СССР уменьшены рыночные фонды 1989 года в*

[14] Предлог ***из-за*** О.В. Кожара со ссылкой на «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» называет доминантой синонимического ряда предлогов причины [Кожара: 103]: он обладает широкими семантическими возможностями, поскольку «констатирует простое наличие причинно-следственной связи между явлениями, но не указывает, насколько эта связь тесная» [НОССРЯ 2003: 431].

целом, в том числе первого полугодия» (Е. Гайдар. Гибель империи); ***на основе*** - *«На основе этого анализа мы сделали вывод о том, что центр внешних контактов должен быть объединен с подразделением, занимающимся работой на местах»* (Сбор данных и обмен данными в Статистическом управлении Нидерландов: вчера, сегодня, завтра); ***по приказу*** - *«Позже на его месте по приказу властей был возведён помпезный дворец культуры» (ж. «Жизнь национальностей»)*; ***по постановлению*** - *«По постановлению правительства с 1 мая 1998 года цветные телевизоры иностранного производства можно будет ввозить в Россию только по лицензии»* (ж. «Коммерсантъ-Власть»); ***по просьбе***: *«Ещё говорят, что после освобождения Виктор Баранов стал консультантом Гознака по просьбе Виктора Геращенко»* (г. «Вечерняя Москва»); ***по распоряжению*** - «*Коцебу был смещен со своего поста по распоряжению Керенского»* (Л. Евдокимова. Февральская революция…); ***по совету*** - «*Каждый день мать, по совету фельдшера Славы, заставляла его садиться в постели и грела неработающие уши его рефлектором»* (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха); ***по указанию*** - «*Через несколько минут Данзас вышел из кабинета и отправился по указанию Пушкина в оружейный магазин Куракина за пистолетами»* (ж. «Октябрь»); ***по указу*** - *«Начиная от Петра Великого, звания давались только по указу императора»* (ж. «Бельские Просторы»).

Семантика имён существительных, входящих в данные функционально-синтаксические аналоги отымённх предлогов причины, наглядно показывает, что именно является обоснованием того или иного явления, действия – ***приказ, постановление, просьба, распоряжение, совет*** и т. д.

В конструкциях с производными предлогами, включающими субстантивные компоненты *сила, результат, следствие, милость* и др., наоборот, подчёркивается непосредственная связь между причиной и следствием: ***в силу*** - *«В мире существует много регионов, где банковские системы представлены весьма ограниченно, в силу низкого экономического*

интереса или других существенных условий» (ж. «Вопросы статистики»); ***в результате*** - *«В результате такого взаимного непонимания ИТ-директора пасуют перед всеми этими проблемами, и проекты замораживаются»* (ж. «Computerworld»); ***вследствие*** - *«Экосистема реки Москвы не справляется с выведением соединений азота вследствие сильного антропогенного пресса»* (ж. «Геоинформатика»); ***по милости*** - *«Но он не жаловался на судьбу и не желал себе иной доли, чем та, которую имел по милости Курфюрста».* (Главный кригсман, 2002).

Непосредственная связь между причиной и следствием в вышеприведенных примерах актуализируется за счёт субстантивных компонентов отымённых предлогов, которые, называя определённый вид ситуации-причины или акцентируя закономерную взаимосвязь причины и следствия, косвенно указывают на то, в какой мере является прямой связь причины и следствия. Данные свойства сохраняют составные союзы, соотносимые с данными предлогами.

В ходе анализа лексических средств выражения причинной обусловленности с точки зрения силы воздействия ситуации-причины на ситуацию-следствие О.Ю. Сидоровой выделяются и причинные предлоги [Сидорова 2017]. К высказанным исследователем наблюдениям добавим, что производные предлоги причины с субстантивным компонентом и выступающие в функции предлогов причины сочетания слов, включающие непроизводный предлог и имя существительное, благодаря прозрачности семантики субстантивного компонента (или существительного) оказываются способными выражать градуальную семантику силы причинной связи. Данный факт касается субстантивов как отглагольного, так и неглагольного происхождения. Сравним внутреннюю форму выражений: *не без влияния – под влиянием, под действие*м (воздействием, влиянием) и *под давлением* (натиском, нажимом, гнетом), *по просьбе – по приказу, в связи с – в силу, в результате, по поводу – по причине.*

Градуирование причины в аспекте эмоциональной оценки затруднено тем, что чаще всего в причинной мотивировке нуждаются ситуации, имеющие негативный характер. Это выражается сочетанием лексем со словом ***причина***. Ср.: *причина упадка, болезни* (но не *процветания, здоровья*). Большинство предлогов причины допускает сочетание с лексикой, называющей как позитивные, так и негативные явления (они входят в нулевую зону градуальности). Однако есть предлоги причины, сочетаемость которых «**реагирует**» на эмоциональную оценку называемого в качестве причины явления. Такой зависимостью обладает непроизводный предлог **с** (*с перепугу, со страху*). Лексическое значение исходного компонента производного предлога или имени существительного в составе функционально-синтаксического аналога предлога причины может служить маркером эмоциональной оценки причины – в положительном или негативном направлении: ***благодаря*** (положительная оценка) – ***по вине, под давлением, под гнетом, под нажимом*** (негативная оценка). К последней группе примыкают выражения *по ошибке, по оплошности* и под. Особое место на этой градуальной шкале занимает выражение ***по милости***, которое может использоваться в двух значениях – для выражения благоприятной (***По милости римлян*** *появился местный хлеб, посыпанный кунжутными семечками*) и неблагоприятной (*лишиться зарплаты* ***по милости начальства***) причины.

Выбор тех или иных средств выражения причинности, по мнению исследователей, определяется – наряду с прочими факторами – “коммуникативной установкой говорящего” [Всеволодова, Ященко 1988: 8]. В том числе эта коммуникативная установка сказывается на выборе способа детализации выражения причины. Наиболее богатыми возможностями обладают предикативные единицы – придаточные причины или синонимичные им части сложносочиненного и бессоюзного сложного предложений.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что ФСК причины допускает изучение в аспекте категории градуальности. Производные предлоги причины и их функционально-синтаксические аналоги (и прежде всего предлоги с субстантивным компонентом) позволяют разграничивать характер причины:

- прямую и непосредственную причину / косвенную и отдаленную причину / повод;
- нейтральный / благоприятный / неблагоприятный характер причинно-следственной связи;
- немаркированную / сильную / слабую причинно-следственную связь.

Кроме того, причинность градуируется с точки зрения наличия / предполагаемого наличия / отсутствия причинно-следственной связи явлений, а также с точки зрения соотнесенности ситуации следствия с одной / двумя / множеством причин.

Таким образом, в аспекте категории градуальности в области отымённых предлогов причины могут быть выявлены виды системных отношений, дополняющие общую картину этих языковых единиц.

3.3. Проблемы перевода конструкций с русскими предлогами причины на китайский язык

Изучение свойств русских предлогов и закономерностей их употребления в речи важно не только в связи с задачей углубленного понимания структуры языка в ее отношении к мышлению, но и для практики переводческой деятельности, особенно если перевод касается языков с разными грамматическими структурами, не позволяющими однозначно выбрать эквивалентное средство для выражения смысла переводимого высказывания.

Русский и китайский языки не являются генетически родственными. Они принадлежат к разным языковым семьям, и различия между ними обнаруживаются на всех уровнях языковой системы. Категория причины относится к числу языковых универсалий, однако каждый язык вырабатывает собственные средства ее выражения. Грамматические средства выражения каузальности в русском языке не находят полного соответствия в китайском языке. Рассмотренные выше свойства отымённых предлогов причины ярче высвечиваются в сопоставительном аспекте.

В отличие от русского, в китайском языке средством выражения разнообразных тонких смысловых оттенков, грамматических значений и отношений, в том числе связей в словосочетаниях, прежде всего служат порядок слов (в китайском языке он фиксированный), служебные слова (у носителей китайского языка их принято называть вспомогательными словами – «辅助词») и интонация. Частицы типа *了, 过了, 在, 么, 呢* и т.п. помогают информатору чётко передать разные модально-временные отношения в высказывании). Китайский язык не располагает такой богатой с точки зрения семантики и стилистики системой предлогов причины, как русский – выражаемые в переводимых высказываниях смысловые оттенки должны быть переданы иными средствами.

Несмотря на наличие большого числа работ сопоставительного характера, проблема перевода русских предложно-падежных сочетаний со значением причины на китайский язык пока не получила развернутого освещения. К этому вопросу в числе других проблем перевода русских предлогов на китайский язык обращается С.Е. Яхонтов [Яхонтов 1968], а некоторые вопросы перевода предлогов причины рассмотрены в статье Л.Г. Петровой и Цуй Ливэй [Петрова, Цуй Ливей 2012]. Дополним высказанные в указанных работах наблюдения результатами анализа собранных нами примеров.

При переводе на китайский язык наибольшие трудности связаны с предложно-падежными конструкциями, включающими предлоги ***по***, ***от, из-за***, ***благодаря***, ***в связи с***. В одних условиях эти предлоги могут быть переданы одним и тем же словом (сочетанием иероглифов), в других – разными словами (сочетаниями иероглифов). Данный факт объясняется не только свойствами управляющего и управляемого слов, но и стилевыми особенностями высказывания, а также другими языковыми факторами, в том числе омонимией предлогов причины в китайском языке. Так, при переводе на китайский язык высказываний официально-делового стиля типа *В связи с погодой вылет рейса № CZ 9011 задержан до 19:00* (由于天气原因 CZ9011 次航班延误至晚上 19 点整起飞) причинная предложно-падежная конструкция ***в связи с погодой*** выражается сочетанием иероглифов 由于天气原因, где слово 由于 в соединении с существительным 天气 указывает на неблагоприятную причину, вызвавшую задержку вылета рейса как вынужденное следствие с негативной коннотацией. Имя существительное 原因 (причина) дополнительно эксплицирует значение обстоятельства причины, выраженное предшествующим именем существительным 天气 (погода), образуя в сочетании со словом 由于 предлог причины 由于...原因..., который в семантическом плане равноправен предлогу ***из-за*** в данном контексте, что и обусловливает семантическое тождество русских предлогов ***в связи с*** и ***из-за*** при их переводе на китайский язык в подобных случаях. В то же время китайский эквивалент имеет структурное сходство с русским производным предлогом ***по причине***, в котором также с помощью субстантивного компонента эксплицирована семантика причины. Приведенный пример перевода высказывания с предлогом причины на китайский язык показывает, какими способами могут быть нейтрализованы различия между русскими предлогами ***из-за***, ***в связи с*** и ***по причине*** (в буквальном переводе: из-за погоды как причины или в связи с погодой как причиной).

Типичные для китайского языка компоненты, которые можно было бы передать сочетанием слов ***как причина*** в синтаксической функции приложения (в современном русском языке) к предложно-падежной словоформе с непроизводным предлогом, в составе которой имя существительное непосредственно называет причину, должны были бы войти в состав предлогов, образуя с ними целостную структуру, дублируя их семантику и выступая как бы фиксаторами причинного значения: ***из-за ... как причины*** = ***в связи с... как причиной***. Однако при этом утрачивается содержащееся в составе русского отымённого предлога ***в связи с*** «реликтовое» значение связи причины и следствия: в русском предлоге оно эксплицировано в субстантивном компоненте, тогда как в китайском языке никак не выражено.

Частное значение предлогов ***благодаря*** и ***от*** при переводе на китайский язык формально не выражается, а лишь выводится из логико-семантического соответствия управляющего и управляемого слов в предложении. Например, в переводе на китайский язык предложений *Именно* ***благодаря*** *помощи научного руководителя Андрею удалось завершить свою дипломную работу в срок* и ***От*** *жары у Сиао Ли по лицу покатились капли пота размером с сою* (“正因为有了导师的帮助安德烈才能按时完成自己的论文” и “因为天气炎热小丽的脸上冒出了黄豆般大小的汗滴”) значение причинной обусловленности выражено одной и той же лексемой – «因为», и при этом благоприятная причина (частное значение русского предлога ***благодаря***), непосредственная внешняя / внутренняя причина действия / изменения физического или эмоционального состояния субъекта (частное значение предлога русского ***от***) могут быть определены только через посредство логико-семантического соответствия управляющего и управляемого слов: ‘***помощь*** + ***удалось завершить***’ (помощь стимулирует развитие работы и обеспечивает её своевременное завершение, является благоприятной причиной этого) и ‘***жара*** + ***покатились капли пота***’(жара непосредственно породила появление капель

пота на части тела человека как проявление его перехода из одного физического состояния в другое).

Таким образом, эксплицированная в вышеприведенных высказываниях на русском языке с помощью предлогов причины семантика при их переводе на китайский язык оказывается имплицитной и, следовательно, предлоги причины в китайском переводе данных высказываний «因为» оказываются омонимичными.

Русский предлог ***по*** употребляется в сочетании с именами существительными, называющими свойства человека – обычно негативные, которые способны вызвать нежелательные для носителя качества или другого субъекта последствия: ***глупость***, ***молодость***, ***слабость здоровья***, ***болезнь***, ***невнимательность***, ***неопытность***, ***неосторожность***, ***любопытство***, ***ошибка***, ***привычка*** (в сочетании с именами существительным в атрибутивной функции) и др. В переводе на китайский язык конструкций с этим предлогом используется иероглиф “因”, равноправный имени существительному русского языка «причина». В данном случае негативная коннотация оказывается невыраженной. Однако имплицитное негативное значение, возникающее за счет сопряжения в рамках высказывания с предлогом ***по*** имен существительных, обозначающих негативную причину негативного следствия, может быть передано в китайском языке сочетанием иероглифов «由于», тождественным по семантике русскому предлогу ***из-за***, сохраняющему презумпцию негативного характера причины, но не столь ограниченному в сочетаемости, как русский предлог ***от***, поэтому, переводя предложения с подобными причинными предложно-падежными конструкциями, китайские русисты испытывают затруднение в выборе более подходящей по смыслу и стилистическим условиям языковой единицы, неизбежно поступаясь теми или иными семантическими нюансами переводимого русского высказывания и снижая точность соответствия перевода оригиналу. Так, выбор элемента «由

于» (а не «因») при переводе на китайский язык предложения *По забывчивости Ли Хуэй оставила свою сумку в аудитории* (李慧由于健忘把自己的包留在了教室里) приведет к усилению обвинительной коннотации в описании ситуации: смысл ‘по забывчивости’ передается как из-за забывчивости’ (由于健忘), то есть не в буквальном, а в общем, но несколько утрированном синонимическом соответствии русскому выражению.

В рассмотренном примере смысловая разница несущественна, но по отношению к следующему высказыванию на русском языке нельзя говорить о синонимичности предлогов ***от*** и ***из-за***, в то время как в переводе на китайский язык с использованием указанного выше элемента «因» (вместо «由于») различие между русскими предлогами ***от*** и ***из-за*** становится нерелевантным, а негативная коннотация не эксплицируется: По ошибке Ли Ан вместо буквы «о» написал букву «а» в первом безударном слоге слова «молоко» (由于失误李安在“牛奶”一词的第一无重音音节中把字母 «O» 写成了字母 «A»).

Практика перевода с русского на китайский язык приводит к выводу, что семантика каузальности, тонко дифференцированная в системе предлогов причины русского языка и выражаемая в предложно-падежных конструкциях, не всегда может быть полностью эквивалентно передана в китайском варианте, нередко представляется в более обобщенном виде, в такой форме, которая резче подчеркивает одни аспекты семантики, нейтрализуя другие. В высказываниях на китайском языке частные значения причинной семантики, выражаемые в русской речи специализированными предложными средствами, возникают имплицитно – за счет смысловой соотнесенности слов, непосредственно называющих причину и следствие. Специализированных лексико-грамматических элементов, предназначенных для детализации причинной семантики, в китайском языке значительно меньше.

Различия в лексико-грамматическом строе китайского и русского языков, связанные с разными способами языкового мышления, оказывают

существенное влияние и на способы выражения причинных отношений в словосочетаниях и простых предложениях сопоставляемых языков. Многоаспектное описание русских предлогов причины призвано помочь переводчику на китайский язык точнее понять смысл предложно-падежных конструкций в том или ином контексте, чтобы избежать при переводе существенных ошибок и явных смысловых потерь.

Выводы

1. Не только отыменный предлог причины в целом как единица языка, но и субстантивный компонент в его составе связаны с представлением о причинно-следственных отношениях. Субстантивный компонент в ОПП выполняет три основные функции: а) служит средством вербализации концептов «Причина» и «Следствие», составляющих двуединую основу причинно-следственной связи (*по причине*, *вследствие*); б) является средством экспликации составных смысловых компонентов причинно-следственной зависимости (*в связи с*, *в соответствии с*, *в силу*, *в результате*, *в итоге*); в) выступает в качестве средства выражения видов причинно-следственной связи (*за отсутствием*, *за неимением*, *по поводу*, *по случаю*, *по милости*, ***под предлогом***).

2. Субстантивные компоненты «причина» (*по причине*), «повод» (*по поводу*) непосредственно связаны с концептом «причина»; компоненты «следствие» (*вследствие*), «результат» (*в результате*), «итог» (*в итоге*) – с концептом «Следствие»; компоненты «связь» (*в связи с*), «соответствие» (*в соответствии с*) – с взаимодействием этих концептов.

3. Субстантивные компоненты отыменных предлогов причины называют важные смысловые составляющие того, что в русском языковом сознании понимается под причиной:

- приведение чего-либо в действие (***по причине*** – ср.: чинить (препятствия) = ‘делать, совершать, устраивать’);
- способность вызвать последствия (***в результате***);
- связь с другим положением дел (***в связи с***);
- неслучайный характер этой связи (***в соответствии с***);
- средство привести в движение и направить течение событий (***по поводу***);
- определенное стечение обстоятельств (***по случаю***);
- декларируемый характер мотива поведения, маскирующий реальную причину, но авторитетный для внешнего наблюдателя ***(под предлогом***);
- способность следствия быть не только результатом одного явления, а конечным звеном цепочки событий, находящихся в отношениях последовательности и в причинной-следственной связи (***в итоге***);
- порождающий потенциал причины (***в силу***);
- двусторонний характер связи, при которой причина объективно порождает следствие, а следствие мыслится как вызванное причиной (вследствие);
- осознаваемый очевидный объективный регулятор контролируемых действий субъекта, который тот держит в поле зрения в процессе принятия решений (***ввиду***);
- различение подлинной и мнимой (предлагаемой окружающим в качестве внешне убедительного мотива поведения) причин (***под предлогом***);
- различение объективной причинно-следственной связи (содержится в пресуппозиции высказывания) и субъективного поведения, изменяющего условия и в качестве новой причины негативно влияющего на ход событий (***по милости***);
- отсутствие чего-либо, ставшее незапланированной причиной альтернативного поведения, – при пресуппозиции наличия этого как

основы / причины привычного хода событий (***за неимением***, ***за отсутствием***).

- В семантике некоторых ОПП совмещены семантика причины и условия (***в случае***, ***в соответствии с***), причины и времени (***в итоге***, ***в результате***, ***вследствие***).

4. Лексическое значение и семантические условия функционирования отыменных предлогов причины свидетельствуют о поисках в русском языке грамматикализованных средств для выражения тонких смысловых нюансов причинно-следственной связи. С точки зрения частной каузальной семантики предлоги причины в целом и ОПП в частности не образуют строгую систему. Функциональный анализ ОПП показывает, что существенными для разграничения их семантического своеобразия являются следующие компоненты семантики: онтологический тип каузирующего и каузируемого явлений (ср.: ***в результате*** – ***в силу***; ***в итоге*** – ***по милости***); прямой или косвенный характер каузации **(**ср.: ***по причине*** – ***под предлогом***; ***по причине*** – ***в связи с***)**;** сила, необходимость, объективность каузирующего явления **(ср.:** ***в соответствии с – по случаю***)**;** степень осознанности причинно-следственных отношений субъектом речи **(***ввиду***);** принадлежность каузирующего и каузируемого явлений к сфере одного или разных субъектов (***по милости***); характер субъекта каузирующей или каузируемой ситуации (ср.: ***под действием*** – ***под влиянием***); социальная значимость каузирующего явления (***по милости – в соответствии с, по случаю***).

5. Лексическое значение ОПП носит компонентный характер; ключевой является сема причины. Наличие в семантической структуре разных ОПП сходных семантических компонентов является предпосылкой синонимичности предлогов и их взаимозаменяемости в контекстах, где различающие их другие семантические компоненты нейтрализуются. В

ином случае синонимические замены невозможны, а употребление одного предлога вместо другого следует квалифицировать как речевую ошибку.

6. Функционирование синтаксических конструкций с предлогами причины и их аналогами свидетельствует о том, что причинная обусловленность может быть представлена как градуальная. Градуируемыми признаками служат онтологический и количественный параметры причины, степень её воздействия на следствие, её прямой или косвенный, благоприятный или неблагоприятный характер. В высказываниях с предлогами причины градуированию подвергаются субъективно-модальные компоненты (степень уверенности говорящего в установлении причинно-следственных отношений между явлениями, положительная / нейтральная / отрицательная оценка причины и следствия); на градуальной шкале могут быть представлены беспричинность / единственность причины / множественность причин определенного явления.

7. Проведенное исследование приводит к выводу, что градуирование касается не самих предлогов причины, а высказываний, в которых они используются. Конструкции с другими средствами выражения причинно-следственной связи могут быть изучены в аспекте категории градуальности по тем же направлениям, которые предложены нами в главе 3.

8. С точки зрения категории градуальности, центральным звеном в системе предлогов причины русского языка является отыменный предлог ***по причине***, субстантивный компонент которого указывает на причину как таковую и в котором градуируемые признаки представлены как нейтральные. В аспекте эмоциональной оценки причины и следствия оппозицию представляют предлоги с негативной (***по***, ***из-за***, ***по милости***, ***за неимением***, ***за отсутствием***) и позитивной коннотацией (***благодаря***). Большинство отыменных предлогов причины допускает употребление как в негативном, так и позитивном контекстах.

9. Семантические свойства русских предлогов причины ярче обнаруживаются в практике перевода включающих их конструкций на иностранный язык – в частности, на имеющий совершенно другую структуру китайский язык. В китайском языке значительно меньше грамматических средств дифференциации каузальной семантики, поэтому в переводе русских предложно-падежных сочетаний с предлогами причины обычно используется показатель общей причинной семантики, а семантические нюансы устанавливаются за счет лексико-семантического взаимодействия слов, входящих в высказывание; при этом может утрачиваться полная семантическая эквивалентность оригиналу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С конца XVIII в. в русском языке (прежде всего в сфере книжной речи) идет активный процесс образования производных предлогов; многие из этих предлогов включают субстантивный компонент, который служит средством экспликации важных для языкового сознания аспектов семантики, выражаемой сочетаниями с этими предлогами падежных словоформ: временной (*в течение*), пространственной (*рядом с*), совместности (*вместе с*), причины (*по причине*) и др. Грамматикализация подобных сочетаний становится прямым фактором появления производных предлогов с субстантивным компонентом, лексическое значение которого входит в их внутреннюю форму и отражает направления детализации и дифференциации интегрального значения всей группы предлогов: **связь** (*в связи с*) **соответствие** (*в соответствии с*), **повод** (*по поводу*), **результат** (*в результате*), **следствие** (*вследствие*) и др.

Производные предлоги причины с субстантивным компонентом являются заметной в количественном и функциональном отношении частью всей группы предлогов причины. Они связаны с непроизводными предлогами причины словообразовательными и синонимическими отношениями и при этом свидетельствуют об активной разработке категории причинности в русском языковом сознании, пополняя группу предлогов причины русского языка. Современные словари позволяют отнести к данной группе следующие единицы: *ввиду*, *в видах* (арх.*), в результате*, *в силу*, *в силе* (арх.), *в связи с*, *вследствие*, *по причине*, *по поводу*, *по случаю*, *по силе* (арх.), *по милости*, *под предлогом*, *силой* (арх.).

Лексическое значение субстантивных компонентов в составе производных предлогов причины соответствует важным явлениям: вербализации двуединого концепта «Причина – следствие» (*по причине, вследствие*), отражению связи его смысловых составляющих (*ввиду, в связи с,*

в итоге, в результате, в силу), а также дифференциации видов причины (*по поводу, по случаю, в соответствии с, по милости*). С помощью таких предлогов разграничиваются окказиональность причинно-следственных отношений (*по случаю*), непрямой характер связи одного события с другим (*по поводу*) и др. Лексическое значение субстантивного компонента является важной составляющей внутренней формы исходного предложно-падежного сочетания, ставшего предлогом причины вследствие грамматикализации.

Вполне закономерно, что в процесс формирования производных предлогов причины в первую очередь втянуты многозначные непроизводные предлоги причины, среди которых выделяются ***в*** (*в связи с*, *в силу*, *в результате, в итоге, вследствие, ввиду*) и ***по*** (*по милости, по случаю, по поводу* и др.). Диффузное значение данных предлогов конкретизируется в сочетании с субстантивным компонентом, имеющим пропозициональную семантику, однако обладающим достаточной степенью абстрактности. Предлог *из-за* не участвует в образовании производных предлогов причины с субстантивным компонентом в силу самодостаточности: не случайно именно этот предлог считается универсальным в группе предлогов причины (его употребление невозможно только в таких контекстах, где требуется указание именно на определенный вид причины: благоприятную, декларируемую и др.). Предлоги *без*, *от* и *с* не входят в типичные модели образования производных предлогов причины с субстантивным компонентом, и причины этого могут стать предметом специального исследования. Наиболее продуктивными моделями для образования производных предлогов причины являются следующие: «**ПО + N_3**» (*по поводу*); «**В + N_4**» (*в силу*); «**В + N_6**» (*в результате*); «**ПОД + N_5**» (*под влиянием*).

Предлоги причины с субстантивным компонентом не вступают в отношения полной синонимии, так как выражают частные значения причины и соответственно этому обладают спецификой управляемого и управляющего компонентов. Виды лексических значений управляющего (обозначающего

каузируемое явление) и управляемого (обозначающего каузатор) слов связываются через посредство предлога причины, и сложное словосочетание в целом отражает тот или иной тип причинно-следственной зависимости. В нашем исследовании такая зависимость выявлена для предлогов *в результате, вследствие, в связи с* и др.

Отымённые предлоги причины, в отличие от первообразных, не обладают многозначностью, а потому меньше зависят от контекста (это касается и различения грамматических омонимов). Однако, как и первообразные предлоги, они обладают определенными ограничениями в лексической сочетаемости. В сочетании с отымённым предлогом лексема, обозначающая каузатор, как правило, имеет пропозициональную семантику. Исключение составляют выражение *по милости*, которое употребляется с лексемами непропозициональной семантики, обозначающими актант пропозиции, поскольку предикативное значение каузирующей пропозиции выражено лексическим значением субстантивного компонента *милость*. Неслучайно именно отымённые предлоги причины являются основой для формирования новых союзов причины: в придаточной части развернуто выражается пропозициональная семантика, которая в предложно-падежных сочетаниях с производными предлогами представлена в свернутом виде. В качестве субститута предикативной единицы в производном союзе причины выступает указательное местоимение ***то*** в сочетании с непроизводным союзом ***что***: *в силу – в силу того что*, *вследствие того что* и др.

Употребление в составе предлога субстантивного компонента предопределяет грамматическую форму управляемого слова – родительный падеж для большинства предлогов и творительный падеж для предлогов *в связи с, в соответствии с*. Своеобразным предлогом в данной группе является выражение *по милости*, для которого процесс препозиционализации является незавершенным, а потому в функции метонимического обозначения всей каузирующей пропозиции используется не только форма родительного

падежа со значением лица, но и притяжательное местоимение 2-го или 3-го лица (ср.: *по милости соседей – по их милости*).

Образование предлогов причины с субстантивным компонентом подчиняется общим закономерностям формирования производных предлогов на основе грамматикализации предложно-падежного сочетания слов: лексическое значение субстантивного компонента приобретает абстрактный характер и в сочетании с непроизводным предлогом фразеологизируется; новая единица приобретает целостное лексическое значение и грамматическую функцию, а исходные компоненты играют роль внутренней формы и функционально сближаются с морфемами. В том случае, если субстантивный компонент производного предлога изначально требовал предложного управления, этот непроизводный предлог входит в состав производного предлога причины в качестве компонента его структуры (*в связи* ***с****, в соответствии* ***с***).

Таким образом, образование отымённых предлогов причины связано с процессами на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях; в некоторых случаях завершенность образования производного предлога сопровождается изменениями в орфографии (*ввиду, вследствие*). Образование производных предлогов носит стадиальный характер. Следует говорить о разной степени завершенности этого процесса применительно к конкретным предлогам причины. Использование системы признаков для установления степени препозиционализации позволяет увидеть рассматриваемое явление как тенденцию, в которую вовлечены значительные группы лексики. Грамматический статус подобных единиц подвижен, поэтому неизбежны изменения в их лексикографической квалификации, что и проявляется в несовпадении списков производных предлогов причины с субстантивным компонентом.

Отымённые предлоги причины с субстантивным компонентом сохраняют связь не только с непроизводными причинными союзами, но и с

другими элементами ФСП причины. В частности, следует учитывать наличие в русской речи ряда фразеологизированных выражений, в которых сочетание непроизводного предлога с субстантивами того же типа, что и в производных предлогах причины, в комбинации с частицей *не* служит средством указания не на вид причины, а на неопределенную (табуируемую) причинную обусловленность (эти выражения функционально сближаются с наречиями и антонимичны выражениям типа *без причины, без повода*: *не без причины, не без повода*.

С учетом сказанного функционирование предлогов причины рассматривается в аспекте категории градуальности, хотя сами предлоги причины не могут быть выстроены на единой градуальной шкале. Градуированию подвергаются оценочные компоненты высказываний о причинно-следственных отношениях: степень уверенности говорящего в установлении причинно-следственных отношений между явлениями; отсутствие причины / единственность / множественность причины для определенного явления, положительная / отрицательная оценка причины или следствия. Неполная грамматическая сформированность некоторых функционально-синтаксических аналогов отымённых предлогов причины допускает выражение градуального значения в сочетаниях с ними не только с помощью частиц и вводных конструкций, но и с помощью согласуемого слова (ср.: *только на основании / на единственном основании*).

Семантика субстантивного компонента в отымённых предлогах причины имеет связь с концептом «Причина». Появление новых отымённых предлогов причины связано с актуализацией в языковом сознании носителей языка (под влиянием исторически обусловленных изменений в общественной практике) тех или иных видов причинной зависимости, прямым или косвенным выразителем которых становятся субстантивные компоненты производных предлогов. В целом данная группа явлений языка и речи свидетельствует о поисках все более точных и разнообразных средств

выражения связи явлений действительности. Наиболее активно этот процесс протекает в книжной речи, чем обусловлена стилистическая окраска большинства производных предлогов причины.

При переводе русских конструкций с предлогами причины необходимо учитывать, что в китайском языке значительно меньше грамматических средств дифференциации каузальной семантики. В каузальных конструкциях обычно используется показатель общей причинной семантики, а семантические нюансы устанавливаются за счет лексико-семантического взаимодействия слов, входящих в высказывание. По этой причине в некоторых случаях перевод на китайский язык не является полностью эквивалентным русскому оригиналу.

Перспективным представляется продолжение изучения свойств как самих производных предлогов причины с субстантивным компонентом, так и структурно и функционально подобных им сочетаний непроизводных предлогов и субстантивов с каузальной семантикой. Такое исследование поможет глубже раскрыть связь между номинативными свойствами имени и реляционными свойствами предлога. Совершенствование методики анализа языковых и речевых единиц с субстантивным компонентом покажет механизмы взаимодействия лексики и грамматики, послужит совершенствованию лексикографической работы и практике обучения русскому языку.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. **Список научной и учебной литературы**

1. Абаев, А.И. О подаче омонимов в словарях / А.И. Абаев // Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 31– 43.
2. Аванесов, Р.И. Очерк грамматики русского литературного языка / Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров. М.: Учпедгиз, 1945. 243 с.
3. Аматов, А.М. Причинность в языкознании как отражение философской категории каузальности / А.М. Аматов // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 12. Вып. 6. С. 5–12.
4. Андреевская, В.В. К вопросу о текстовой парадигме предложных единиц. Сочетаемость предложных единиц с анафорическими местоимениями [Электронный ресурс] / В.В. Андреевская // Секция X. Служебные единицы русского языка. Материалы III Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, 20-23 марта 2007 года). М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2007. С. 264. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru (дата обращения 17.01.2012).
5. Аксаков, К.С. Полное собрание сочинений К.С. Аксакова / К.С. Аксаков. Т. 3. Ч. 2. Опыт русской грамматики. М.: Университетская тип., 1880. 709 с.
6. Аксаков, К.С. Полное собрание сочинений К.С. Аксакова / К.С. Аксаков. Т. 2. Ч. 1. Сочинения филологические. М.: Университетская тип. (М. Катков), 1875. XII, 661 с.
7. Астафьева, Н.И. Предлоги в русском языке и особенности их употребления / Н.И. Астафьева. – Минск: Вышэйшая школа, 1974. 61 с.

8. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. Изд. 6-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 384 с.
9. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957. 296 с.
10. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1969. 296 с.
11. Бабайцева, В.В. Два подхода к исследованию единиц синтаксиса / В.В. Бабайцева // Филологические науки. 2007. № 2. С. 99 –106
12. Бабайцева, В.В. Избранное. 2005–2010: Сборник научных и научно-методических статей / В.В. Бабайцева. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. 400 с.
13. Бабайцева, В.В. Переходные конструкции в синтаксисе / В.В. Бабайцева. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1967. 392 с.
14. Бабайцева, В.В. Явления переходности в грамматике русского языка / В.В. Бабайцева. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
15. Бакулев, А.В. Функционально-семантическое поле каузальности в современном русском языке: автореф. дисс. … канд. фил. наук. Белгород, 2009. 24 с.
16. Белошапкова, В.А. Предлог / В.А. Белошапкова // Современный русский язык: учебник: В 2 ч. Ч. 2: Морфология. Синтаксис / Под ред. проф. Е.М. Галкиной-Федорук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. С. 209 –215.
17. Белошапкова, В.А. Современный русский язык (Учебник для филол. специальностей университетов); под ред. В.А. Белошапковой. М.: Высш. шк., 1989. 799 с.

18. Богданов, В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В.В. Богданов. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1977. 205 с.
19. Богуславская, О.Ю. Смыслы «причина» и «цель» в естественном языке / О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 68–88.
20. Болотнова, Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте: монография / Н.С. Болотнова. Томск: Томск. гос. пед. ун-т, 1994. 212 с.
21. Бондаренко, В.С. Предлоги в современном русском языке / В.С. Бондаренко. М.: Учпедгиз РСФСР, 1961. 75 с.
22. Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1983. 208 с.
23. Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка / А.В. Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2001. 736 с.
24. Бондарко, А.В. Теория функциональной грамматики / А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. 348 с.
25. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1984. 348 с.
26. Букатевич, Н. Опыт исторического изучения предлогов и предложных сочетаний в русском литературном языке / Н. Букатевич. Вып. 1. Одесса: Одес. гос. ун-т им. И.И. Мечникова, 1952. 146 с.
27. Буланин, Л.Л. Трудные вопросы морфологии: пособие для учителей / Л.Л. Буланин. М.: Просвещение, 1976. 207 с.
28. Бунина, М.С. Явления переходности в области частей речи / М.С. Бунина // Современный русский язык. Сборник трудов кафедры русского языка МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1976. С. 47–76.
29. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис / Ф.И. Буслаев. Ч. II. М.: Изд. Бр. Салаевых, 1875. 382 с.

30. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Этимология / Ф.И. Буслаев. Ч. 2. 5-е изд. М.: кн. маг. Насл. бр. Салаевых, 1881. 276 с.
31. Васильева, А.К. О природе частей речи как системы классов полнозначных слов / А.К. Васильева // Филологические науки. 1973. № 6. С. 65–75.
32. Васильев, Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. 1971. №5. С. 109.
33. Величко, А.В. Какой падеж? Какой предлог? Глагольное и именное управление: Пособие для иностранных русистов / А.В. Величко, О.Н. Башлакова. 3-е изд., испр. М.: Русский язык, 2008. 176 с.
34. Виноградова, Е.М. Категория причинности и средства ее выражения в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Е.Н. Виноградова // Русский язык в школе. 2015. № 3. С. 36–43.
35. Виноградова, Е.Н. К вопросу о грамматике русского предлога. Статья 1. Первые результаты. Понятие парадигмы предлога / Е.Н. Виноградова, В.Л. Чекалина // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. № 5. С. 7–35.
36. Виноградова, Е.Н. К вопросу о грамматике русского предлога. Статья 2. Синонимия, антонимия предложных единиц предлога / Е.Н. Виноградова, В.Л. Чекалина // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2006. № 2. С. 18–37.
37. Виноградова, Е.Н. Мотивированные предлоги и аналоги предлогов: пути грамматикализации / Е.Н. Виноградова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 4. С. 138–163.
38. Виноградова, Е.Н. Русские предложные единицы (предлоги и их эквиваленты). Синонимия и антонимия / Е.Н. Виноградова, В.Л. Чекалина // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.

В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 26. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 112–127.

39. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
40. Винокур, Г.О. Заметки по русскому словообразованию / Г.О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. учебно-педагог. изд-во Мин. просвещ. РСФСР, 1959. С. 419–442.
41. Воротников, Ю.Л. Функционально-грамматическая сфера градационности признака в современном русском языке: дисс. … канд. фил. наук / Л.Ю. Воротников. М., 1987. 214 с.
42. Востоков, А.Х. Русская грамматика, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная / А.Х. Востоков. СПб.: Имп. Рос. акад., 1859. 283 с.
43. Всеволодова, М.В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации / М.В. Всеволодова // Вопросы языкознания. 2010. № 4. С. 3–26.
44. Всеволодова, М.В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц / М.В. Всеволодова // Вестник Московского университета. – Серия 9. Филология. 2011. № 3. С. 103–135.
45. Всеволодова, М.В. К вопросу о грамматике славянского предлога (Осмысление первичных результатов первого этапа в работе межнационального проекта) [Электронный ресурс] / М.В. Всеволодова. 2005. Режим доступа: URL: http://vsevolodova.ru (дата обращения 14.03.2018).
46. Всеволодова, М.В. Предлог как грамматическая категория: проблемы дефиниции, типология, морфологические и синтаксические

характеристики [Электронный ресурс] / М.В. Всеволодова. 2002. Режим доступа: http://vsevolodova.ru (дата обращения 14.08.2016).

47. Всеволодова, М.В. Причинно-следственные отношения в современном русском языке / М.В. Всеволодова, Т.А. Ященко. 3-е Изд., М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.
48. Всеволодова, М.В. Русские предлоги и средства предложного типа: материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления / М.В. Всеволодова, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 304 с.
49. Гак, В.Г. Валентность / В.Г. Гак // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 79–80.
50. Гак, В.Г. Языковые преобразования: Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований / В.Г. Гак. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 408 с.
51. Галактионова, И.В. Предлог: препозиция и постпозиция [Электронный ресурс] / И.В. Галактионова // Секция X. Служебные единицы русского языка. Материалы III Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, 20-23 марта 2007 года). М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2007. С. 272-273. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru (дата обращения 09.09.2017).
52. Гареева, Л.М. Синонимические и вариационные отношения предлогов в современном русском языке / Л.М. Гареева // Вестник Челябинского государственного университета. № 5 (259). Филология. Искусствоведение. Вып. 63. Челябинск, 2012. С. 9–11.
53. Гареева, Л.М. Синонимико-вариационные отношения предлогов с обстоятельственным значением в современном русском языке: автореф. дис. … канд. фил. наук. Челябинск, 2012. 26 с.

54. Гареева, Л.М. Синонимико-вариационные отношения предлогов со значением причины в современном русском языке / Л.М. Гареева // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. VI междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч. Ч. I. Новосибирск: СибАК, 2011. С. 40–46.
55. Гареева, Л.М. Синонимико-вариационные отношения предлогов со значением причины в современном русском языке. Научно-практические конференции ученых и студентов с дистанционным участием. Коллективные монографии [Электронный ресурс] / Л.М. Гареева. – Режим доступа: http://sibac.info/index.php (дата обращения 09.09.2017).
56. Гвоздев, А.Н. Очерки по стилистике русского языка / А.Н. Гвоздев. Изд. 3-е. М.: Просвещение, 1965. – 408 с.
57. Голощапова, Т.Г. Языковые свойства фразеологизмов модели с творительным фразеобразующим: дисс. … канд. фил. наук. Челябинск, 1986. 225 с.
58. Грамматика русского языка: В 2 т. Том I: Фонетика и морфология / под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной, С.Г. Бархударова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 720 с.
59. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Шведовой Н.Ю. М.: Наука, 1970. 767 с.
60. Григорьян, Е.М. Каузальные значения и синтаксические структуры / Е.М. Григорьян // Вопросы языкознания. 2009. № 1. С. 23–34.
61. Гулыга, Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. М., 1969. 184 с.
62. Гун Цзинсун. К вопросу о переводе конструкций с русскими причинными предлогами на китайский язык / Гун Цзинсун // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2017. № 5. С. 104–106;

63. Гун Цзинсун. Лексические факторы обусловленности первообразных предлогов в конструкциях с причинно-следственными отношениями / Гун Цзинсун // Преподаватель 21-ого века. 2016. № 4: в 2-х ч. Ч. 2. С. 533–541.
64. Гун Цзинсун. Методы изучения грамматической транспозиции (на материале изучения отыменных предлогов причины в русском языке» / Гун Цзинсун// Интерактивные и интегративные методы современной филологии: Мат. Междунар. науч. конф. М.: Московский педагогический государственный университет. 2017. С. 18–27.
65. Гун Цзинсун. Особенности функционирования производных причинных предлогов с субстантивным компонентом ***в связи с*** и ***по случаю*** / Гун Цзинсун // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. № 2(19). С. 33–35.
66. Гун Цзинсун. Отношения причинности в русском языке: функционально-семантический аспект/Гун Цзинсун// Русский язык в школе. 2018. № 2. С. 57–61;
67. Гун Цзинсун. Предлог как служебная часть речи в современном русском языке и как объект лингвистического исследования / Гун Цзинсун // Научные тенденции: филология, культурология, искусствоведение: Мат. III Междунар. науч. конф. Спб.: Центр Научных Конференций Международной Научно-Исследовательской Федерации «Общественная наука». 2017. С. 8–13.
68. Гун Цзинсун. Причинные предлоги в разных стилях речи / Гун Цзинсун // Русская речь. 2017. № 3. С. 49–54.
69. Гун Цзинсун. Семантические особенности производных причинных предлогов в современном русском языке / Гун Цзинсун // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2016. № 9. С. 84–88.

70. Гун Цзинсун. Словообразовательные и грамматические особенности причинных предлогов в современном русском языке / Гун Цзинсун // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 19–27.
71. Гун Цзинсун. Функционально-семантический аспект изучения предлогов русского языка в российской грамматике М. В. Ломоносова / Гун Цзинсун // Рациональное и эмоциональное в русском языке: Сборник трудов Междунар. науч. конф. М.: Московский государственный областной университет. 2017. С. 37–39.
72. Джалалова, Л.И. К урокам на тему «Предлоги, их употребление» / Л.И. Джалалова // Русский язык в национальной школе. 1990. № 4. С. 58–61.
73. Долин, Ю.Т. «Загадочный предлог» в русском языке / Ю.Т. Долин // Русский язык в школе. 1998. № 3. С. 79–81.
74. Еремин, А.Н. К вопросу о предлоге как части речи / А.Н. Еремин // Русский язык в школе. 2010. № 6. С. 85–89.
75. Ефимова, Л.Б. Явления переходности в системе взаимодействия предложно-падежных сочетаний и придаточных предложений со значением времени и причины / Л.Б. Ефимова // Современный русский язык: Актуальные вопросы лексики и грамматики. М.: Издательство Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1975. С. 205–242.
76. Загнитко, А.А. Семантическая и функциональная типология русских предлогов: сопоставительный аспект [Электронный ресурс] / А.А. Загнитко // Секция X. Служебные единицы русского языка. Материалы III Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, 20-23 марта 2007 года). М.: Изд-во Московского гос.

ун-та, 2007. С. 276–277. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru (дата обращения 17.01.2012).

77. Засорина, Л.Н. Опыт системного анализа предлогов современного русского языка: Предлоги со значением причины / Л.Н. Засорина // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1961. Вып. 60. № 301. – С. 17–61.

78. Золотова, Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.

79. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса / Г.А. Золотова. М.: Наука, 1973. 352 с.

80. Ильина, С.А. Начинаем учить предлоги и союзы. Предложно-падежные и союзные конструкции в речи: Учебное пособие / С.А. Ильина. М.: Русский язык. Курсы, 2013. 136 с.

81. Каламова, Н.А. Отыменные предлоги в современном русском языке, их значение и употребление / Н.А. Каламова // Русский язык в школе. № 6. 1964. С. 61–63.

82. Калечиц, Е.П. К вопросу образования вторичных предлогов / Е.П. Калечиц // Русский язык и языкознание: УЗ Свердл. госпединститута. Вып. XVI. 1958. С. 113–124.

83. Калнберзинь, Р.Я. Синтаксическая синонимия предложных словосочетаний современного русского языка с причинными отношениями / Р.Я. Калнберзинь // Изв. АН Латв. ССР. 1957. Т. 3. С. 43–64.

84. Калнберзинь, Р.Я. Соотносительное употребление предложно-падежных конструкций с причинным видом отношении в современном русском литературном языке / Р.Я. Калнберзинь // Изв. АН Латв. ССР. 1958. Т. 2. С. 51–70.

85. Калнберзинь, Р.Я. Способы выражения причинных отношений в современном русском языке: автореф. дисс. … канд. фил. наук. Москва., 1958. 29 с.
86. Ковалев, А.И. Категория причинности и ее синтаксический статус / А.И. Ковалев // Вестник Ленингр. гос. ун-та. Сер. История, язык и литература. 1983. Т. 14. С. 100–102.
87. Ковальская, Л.А. Причинно-следственные отношения в сложном предложении и тексте: дисс. … канд. фил. наук, М., 1985. 189 с.
88. Кожара, О.В. Семантика причины: анализ именных конструкций с причинным предлогом из-за (на материале Национального корпуса русского языка) / О.В. Кожара // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: Сб. ст. V Междунар. науч. конф. молодых ученых. Екатеринбург: Урал. фед. ун-т, 2016. С. 102–107.
89. Кокорина, С.И. Практическая грамматика русского языка для зарубежных преподавателей-русистов / С.И. Кокорина, Л.Л. Бабалова; под ред. Н.А. Метс. М.: Русский язык, 1983. 408 с.
90. Колесникова, С.М. Градуальная семантика простого глагольного сказуемого (эмоциональный аспект) / С.М. Колесникова // Рациональное и эмоциональное в языке: Международн. сб. научн. тр.; отв. ред. Н.А. Герасименко. М.: МГОУ, 2012 а. С. 249–254.
91. Колесникова, С.М. Градуальная ситуация и градуальное суждение / С.М. Колесникова // Проблемы современной филологии: Межвуз. сб. научн. тр. Вып.1. Мичуринск, 2000. С. 82–87.
92. Колесникова, С.М. Градуальность: системные связи и отношения: монография / С.М. Колесникова. М.: Прометей, 2012. 294 с.
93. Колесникова, С.М. Градуирование и квантификация в современном русском языке / С.М. Колесникова // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2015. Т. 60. № 1. С. 55–64.

94. Колесникова, С.М. Имплицитно и эксплицитно градуированные слова в результате квантификации / С.М. Колесникова // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Междунар. конгресс исследователей русс. яз., 18—21 марта 2014 г. Труды и материалы. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. С. 342–343.
95. Колесникова, С.М. Категория градуальности в современном русском языке: дис. … докт. фил. наук. М., 1999. 421 с.
96. Колесникова, С.М. Роль контекста и речевой ситуации в репрезентации градуального значения / С.М. Колесникова // Человек. Коммуникация. Текст. Вып. 2; отв. ред. А.А. Чувакин. Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. С. 154–156.
97. Колесникова, С.М. Роль предлога в реализации градуальной семантики текста (на материале художественно-поэтических текстов М. Цветаевой) / С.М. Колесникова // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сборник научных трудов. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 121–126.
98. Колесникова, С.М. Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие / С. М. Колесникова. М.: Юрайт, 2015. 260 с.
99. Колесникова, С.М. Современный русский язык. Морфология: учебное пособие / С.М. Колесникова. М.: Юрайт, 2018. 297 с.
100. Колесникова, С.М. Функциональная грамматика: предикативность, градуальность, оценочность: учебное пособие / С.М. Колесникова. М.: МПГУ, 2016. 288 с.
101. Колесникова, С.М. Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке: учебное пособие / С.М. Колесникова. М.: Высшая школа, 2010. 278 с.
102. Колесникова, С.М. Шкала градаций / С.М. Колесникова // Лингвистический и эстетический аспекты анализа языка текста: Мат-

лы междунар. конфер. Соликамск: Соликамск. гос. пед. ин-т, 1997. С. 9–10.

103. Комаров, А.П. О лингвистическом статусе каузальной связи / А.П. Комаров. Алма-Ата: Изд-во Казахск. гос. пед. ин-та, 1970. 224 с.

104. Копылов, А.Н. Некоторые основы изучения предлогов / А.Н. Копылов // Филологические науки. 1963. № 2. С. 169–175.

105. Красильникова, Л.В. Выражение причинно-следственных отношений / Л.В. Красильникова // Коммуникативный синтаксис русского языка: учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 311–335.

106. Крылова, М.Н. Средства художественной выразительности. Тропы: учебное пособие / М.Н. Крылова. М.: Директ-Медиа, 2014. 101 с.

107. Крючкова, Л.С. Русский язык как иностранный: Падежная и предложно-падежная система русского языка. Функционально-семантический аспект / Л.С. Крючкова. М.: Флинта, 2017. 136 с.

108. Крючкова, Л.С. Русский язык как иностранный: синтаксис простого и сложного предложения: Учебное пособие / Л.С. Крючкова. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. 464 с.

109. Кубрякова, Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. 1974. № 5. С. 64–76.

110. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. М.: Наука, 1981. 200 с.

111. Курилович, Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. Биробиджан: ИП "ТРИВИУМ", 2000. 50 с.

112. Лебедева, Я.А. Актуализационная парадигма предлога [Электронный ресурс] / Я.А. Лебедева // Материалы III Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, 20-23 марта 2007 года). Секция X. Служебные единицы русского языка. М.:

Изд-во Московского гос. ун-та, 2007. С. 280–281. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru (дата обращения 11.10.2017).

113. Леденев, Ю.Ю. Структурно-семантическая особенность каузативных детерминантных конструкций в синтаксисе современного русского литературного языка: дис. … канд. фил. наук. Ставрополь, 1996. 194 с.

114. Лекант, П.А. Грамматическая форма простого предложения и система его структурно-синтаксических типов в современном русском языке: дис. … д-ра фил. наук. М., 1971. 350 с.

115. Лепнев, М.Г. Русские производные предлоги: особенности семантического и синтаксического функционирования: автореферат дис. … канд. фил. наук. СПб, 2003. 24 с.

116. Лисоченко, Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой и прагматический аспекты) / Л.В. Лисоченко. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. 160 с.

117. Логинов, А.В. Категория интеррогативности в современном русском языке: автореф. дисс. ... д-ра. фил. наук. Тамб., 2015. 39 с.

118. Лопатин, В.В. Современный русский язык: Теоретический курс: Словообразование. Морфология (Учеб. для студ.-ин-цев) / В.В. Лопатин, И.Г. Милославский, М.А. Шелякин; Под. ред. В.В. Иванова. М.: Рус. яз., 1989. 261 с.

119. Ляпон, М.В. Прагматика каузальности / М.В. Ляпон // Русистика сегодня. Язык: система и функционирование. М.: Наука, 1988. С. 110–121.

120. Маркина, Л.В. Предложно-падежное сочетание с причинным значением в составе простого предложения и его соответствие с придаточным причины: автореф. дис. канд. фил. наук. Москва., 1977. 23 с.

121. Маркова, В.А. Предлоги *ввиду, вследствие, в результате, в силу* в лингводидактическом освещении / В.А. Маркова // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры. 2016. № 10. С. 4–13.
122. Маслиева, О.В. Становление категории причинности (на материале истории языка) / О.В. Маслиева. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980. 103 с.
123. Маслова, В.А. Современные направления в лингвистике: Учеб. пособие для студентов высш. Заведений / В.А. Маслова. М., 2008. 272 с.
124. Матюшенко, У.А. Некоторые особенности функционирования предлогов в современном русском языке / У.А. Матюшенко, М.А. Селиверстова, Г.В. Смирнова // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2017. Т. 39. С. 1736–1740.
125. Милованова, Л.А. Семантико-грамматические свойства и отношения предлога за 1, оформляющего винительный падеж, и предлога за 2, оформляющего творительный падеж, в современном русском языке: автореф. дисс. … канд. фил. наук. Челябинск, 2009. 22 с.
126. Милованова, М.С. Семантика противительности и средства её выражения в русском языке: автореферат дис. … д-ра фил. наук. М., 2011. 48 с.
127. Назикова, Е.А. Выражение причинных отношений в современном русском литературном языке (словосочетания падежей с предлогами и придаточные предложения): автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Л., 1952. 20 с.
128. Налетов, И.З. Причинность и теория познания / И.З. Налетов. М.: Мысль, 1975. 204 с.
129. Николенко, О.В. Особенности выражения причинно-следственных отношений с предлогом «в результате» в научных

текстах / О.В. Николенко, О.Е. Захарчук, М.В. Ерещенко // Международное образование и сотрудничество: Сб. мат. V Междунар. науч.-практ. конф. МАДИ. М.: Техполиграфцентр, 2017. С. 349–354.

130. Одинцова, И.В. Выражение причинно-следственных отношений / И.В. Одинцова // Книга о грамматике: Русский язык как иностранный: учебное пособие; под ред. А.В. Величко. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 478–518.

131. Одинцова, И.В. Структурно-коммуникативные модели с причинной семантикой в простом предложении / И.В. Одинцова // Вестник Московского Ун-та. Сер. 9: Филология. 2002. №1. С. 49–72.

132. Паис, Л.Т. О собственно отыменных предлогах в русском языке / Л.Т. Паис // Русский язык в школе. 1980. № 1. С. 87–90.

133. Перминов, В.Я. Проблема причинности в философии и естествознании / В.Я. Перминов. М.: Изд-во МГУ, 1979. 223 с.

134. Петрова, Л.Г. Анализ часто употребляющихся русских предлогов, выражающих значение причины, в сопоставлении с их аналогами в китайском языке / Л.Г. Петрова, Цуй Ливэй // Язык профессионального общения и лингвистические исследования: сб. ст. междунар. науч.-практ. семинара / НИУ БелГУ; отв. ред.: Т.В. Самосенкова, Л.Г. Петрова. Белгород, 2012. С. 224–228.

135. Петрова, Н.Е. Грамматикализация внутренней формы слова как номинативный ресурс языка / Н.Е. Петрова. Н.Н.: Издатель Ю.А. Николаев, 2009. 338 с.

136. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.

137. Плунгян, В.А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира / В.А. Плунгян. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.

138. Плунгян, В.А. Полисемия служебных слов: предлоги через и сквозь / В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина // Русистика сегодня.1996. №3. С. 1–17.

139. Попова, И.Л. Отыменные предлоги в языке М.Е. Салтыкова-Щедрина: лексикографический аспект: автореф. дис. … канд. фил. наук. Тверь, 1997. 14 с.

140. Попова, Л.Н. Причинные оттенки некоторых предлогов в русском языке / Л.Н. Попова // Научн. докл. высш. шк. Серия: Фил. науки. 1958. Т. 3. С. 32–42.

141. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике: об изменении значения и заменах существительного / А.А. Потебня. Т. 3. М.: Просвещение, 1968. 549 с.

142. Прудникова, Н.С. Конструкции причинного значения в современном русском языке / Н.С. Прудникова // Вестник Московск. гос. ун-та. Сер. 9. Филология. 1980. № 4. С. 58–63.

143. Раевская, М.В. Теоретические проблемы изучения предлогов в отечественной лингвистике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. Вып. 2. Т. 11. 2014. С. 21–24.

144. Рахилина, Е.В. Корпус как творческий проект [Электронный ресурс] / Е.В. Рахилина // Национальный корпус русского языка: 2006-2009. Новые результаты и перспективы / Отв. ред. В.А. Плунгян. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 7–24. – Режим доступа: http://ruscorpora.ru/sbornik2008 / 01.pdf (дата обращения 15.10.2017).

145. Розенталь, Д.Э. Практическая стилистика русского языка: Учеб. для вузов по специальности «Журналистика» / Д.Э. Розенталь. М.: Высш. шк.,1987. 399 с.

146. Розенталь, Д.Э. Современный русский язык: учебное пособие / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. М.: Айрис-пресс, 2003. 448 с.
147. Рудов, В.Ф. К вопросу об отыменных предлогах в русском языке / В.Ф. Рудов // Уч. записки (Таганрогск. гос. пед. ун-т). 1956. Вып. 1. С. 31–42.
148. Русская грамматика. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.
149. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 710 с.
150. Рыбакова, И.Я. Причинные конструкции современного русского литературного языка: дисс. … канд. фил. наук. Л., 1985. 190 с.
151. Сидорова, О.Ю. К вопросу о градуальной функции фразеологизмов с семантикой причины (на примере адвербиальных фразеологизмов с семантикой причины) / О.Ю. Сидорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-1 (75). С. 171–173.
152. Сидорова, О.Ю. Основные и синкретичные значения словоформ с предлогом без / О.Ю. Сидорова // Вестник славянских культур. 2016. Т. 39. № 1. С. 144–149.
153. Сичинава, Д.В. Части речи / Д. В. Сичинава // Русская корпусная грамматика. [2011]. URL: http://rusgram.ru/Части_речи.
154. Скиба, Ю.Г. Производные предлоги в современном русском языке (спецкурс для студентов-филологов): Конспект лекций / Ю.Г. Скиба. Черновцы, 1965. Кн. 1. 52 с.
155. Смирницкий, А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя / А.И. Смирницкий. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 11–53.
156. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. Ч. 1: Фонетика и

орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, Н.А. Николина, И.И. Щеболева; под ред. Е.И. Дибровой. М.: Academia, 2002. 480 с.

157. Солоницкий, А.В. Проблемы семантики русских первообразных предлогов: автореф. дисс. … канд. фил. наук. Владивосток, 2002. 19 с.

158. Суник, О.П. Общая теория частей речи / О.П. Суник. М.-Л.: Наука, 1966. 131 с.

159. Тарасова, Л.Д. Языковой статус причинной связи / Л.Д. Тарасова // Филологические науки. 1998. № 1. С. 50–55.

160. Теремова, Р.М. Опыт функционального описания причинных конструкций: Учебное пособие к спецкурсу / Р.М. Теремова. Л.: ЛГПИ, 1985. 70 с.

161. Финкель, А.М. Производные причинные предлоги в современном русском литературном языке. Их возникновение, развитие, значение, употребление / А.М. Финкель. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1962. 238 с.

162. Чжан Хуэйсэнь. Функциональная грамматика русского языка. Издательство «Преподавание и исследование иностранных языков», 2010 // Чжан Хуэйсэнь. Э Июй Биао И Июй Фа, Вай Июй Цзао Сюэ Юй Янь Цзию Чу Вань Шэ, 2010 // 张会森, 俄语表义语法, 外语教学与研究出版社, 2004.

163. Чекалина, В.Л. К вопросу об описании предлогов в диахронии и синхронии [Электронный ресурс] / В.Л. Чекалина // Лінгвістичні студії. Випуск 15. 2007. С. 210–216. – Режим доступа: http://litmisto.org.ua (дата обращения 16.07.2016).

164. Черкасова, Е.Т. К изучению образования русских отыменных предлогов (сложносоставные отыменные предлоги) / Е.Т. Черкасова

// Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 113–152.

165. Черкасова, Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги / Е.Т. Черкасова. М.: Наука, 1967. 280 с.

166. Чеснокова, Л.Д. О системном подходе к описанию синтаксической синонимии, омонимии и многозначности / Л.Д. Чеснокова // Проблемы грамматической семантики. – Ростов-на-Дону: Рост. н/Д пед. ин-т, 1978. С. 12–21.

167. Чуглов, В.И. Изучение производных предлогов в 6 классе / В.И. Чуглов // Русский язык в школе. 1974. № 6. С. 36–40.

168. Чуеакаев, Т. Производный предлог «в соответствии с»: специфика сочетаемости / Т. Чуеакаев, Е.С. Шереметьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-1 (63). С. 173–177.

169. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 312 с.

170. Шанский, Н.М. Современный русский язык: учебник: В 3 ч. Ч. II: Словообразование. Морфология / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. М.: Просвещение, 1981. 271 с.

171. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

172. Шереметьева, Е.С. Семантика отыменного предлога на случай / Е.С. Шереметьева // Русский язык в школе. 2008. № 2. С. 64–68.

173. Шиганова, Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: дис. … д-ра фил. наук. Челябинск, 2001. 621 с.

174. Шиганова, Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: монография / Г.А. Шиганова. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2001 а. 454 с.

175. Шишкина, Л.С. Опыт функционально-семантического анализа предлогов русского языка / Л.С. Шишкина // Вопросы металингвистики. Л.: ЛГУ, 1973. С. 65–72.
176. Шмелев, Д.Н. К вопросу о «производных» служебных частях речи и междометиях / Д.Н. Шмелев // Известия АН СССР. ОЛЯ. Т. XX. Вып. 6. (нояб. – дек.). М., 1961. С. 498–505.
177. Шмелёв, Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях / Д.Н. Шмелёв. М.: Наука, 1977. С. 1–78.
178. Шмыкалова, И.А. Производные предлоги в связи с, по причине и их текстовые парадигмы в аспекте речевой конкуренции: автореф. дисс. … канд. фил. наук. Нижний Новгород, 2015. 29 с.
179. Штыкало, Н.И. Семантические признаки обстоятельства причины в русском языке / Н.И. Штыкало // Научн. докл. высш. шк. Серия: Фил. науки. 1968. Т. 4. С. 35–42.
180. Щерба, Л.В. О частях речи в русском языке / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 77–100.
181. Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды: Печать, радио, телевидение, документальное кино / Под ред. Д.Э. Розенталя. М.: Изд-во МГУ, 1980. 256 с.
182. Янко-Триницкая, Н.А. Некоторые замечания о предложно-падежной конструкции с предлогом «по» / Н.А. Янко-Триницкая // Русский язык в школе. 1986. № 6. С. 66–70.
183. Янко-Триницкая, Н.А. Русская морфология / Н.А. Янко-Триницкая. М.: Рус. яз., 1989. 236 с.
184. Ярыгина, Е.С. Конструкции вывода-обоснования в синтаксической системе современного русского языка: автореф. дис. … д-ра фил. наук. М., 2003. 38 с.
185. Яхонтов, С.Е. Понятие частей речи в общем и китайском языкознании / С.Е. Яхонтов // Проблемы китайского и общего

языкознания. Л.: Издательство «Студия НП-ПРИНТ», 1968. С. 160–170.

II. Список словарей и энциклопедий

186. Абрамов, Н.А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н.А. Абрамов. М.: Русские словари, 1999. 433 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.klex.ru/j3q (дата обращения: 03.03.2018).
187. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов / З.Е. Александрова. М.: Русский язык, 2001. 568 с.
188. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 576 с.
189. Булыко, А.Н. Фразеологический словарь русского языка / А.Н. Булыко. Мн.: Харвест, 2007. 448 с.
190. Гаврилова, А.С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов / А.С. Гаврилова. М.: Аделант, 2013. 800 с.
191. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. М.: Прогресс, 1994. Т. 3. 1782 с.
192. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. М.: Прогресс, 1994. Т. 4. 1592 с.
193. Ефремова, Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. М.: Дрофа, 2000. 1233 с. (онлайн версия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm (дата обращения: 05.03.2018).
194. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: ок. 160000 слов / Т.Ф. Ефремова. М.: АСТ: Астрель, 2006. 3298 с.

195. Ефремова, Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка Т.Ф. Ефремова. М.: Рус. яз., 2001. 862 с.
196. Золотова, Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. М.: Едиториал УРСС, 2006. 440 с.
197. Кубрякова, Е.С., Демьянков, В.З., Панкрац, Ю.Г., Лузина, Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой / Е.С. Кубрякова и др. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
198. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
199. Новейший философский словарь / А.А. Грицанов. Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с.
200. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская и др.; под общ. руков. Ю.Д. Апресяна. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.
201. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
202. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд. дополненное. М.: ООО «А ТЕМП». 2006. 944 с.
203. Пигулевская, И.С. Не мудрствуя лукаво. Крылатые слова и выражения / И.С. Пигулевская. М.: Центрполиграф, 2006. 320 с.
204. Рогожникова, Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову / Р.П. Рогожникова. М.: АСТ, 2003. 420 с.

205. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
206. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988. Т.4. 800 с.
207. Словарь синонимов русского языка / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: Астрель, АСТ, 2011. 688 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://synonymonline.ru/download.html (дата обращения: 06.03.2018).
208. Словарь служебных слов русского языка / А.Ф. Прияткина, Е.А. Стародумова, Г.Н. Сергеева, Г.Д. Зайцева; отв. ред. Е.А. Стародумова. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001. 363 с.
209. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Рус. словари, 1994. Т. 3. 1424 с.
210. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Рус. словари, 2000. Т. 4. 1502 с.
211. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 3-е изд. исправленное. М.: Астрель: АСТ. 2008. 828 с.
212. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. 720 с.
213. Энциклопедия “Русский язык”/ Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Изд-во МГУ, 1980. 256 с.
214. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

III. **Основный источник языкового материала**

215. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: // www.ruscorpora.ru.